

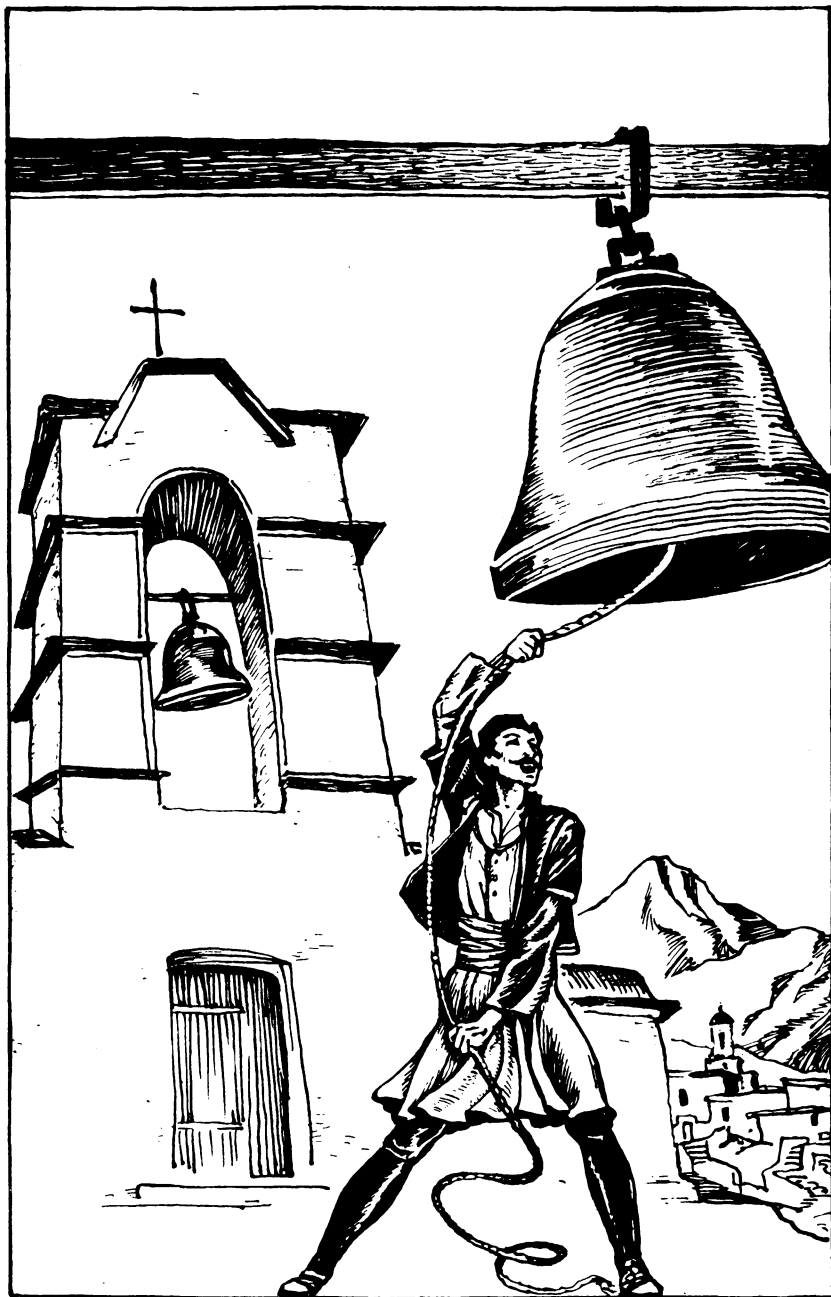
О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ
К. САРАФИДИС

ЗОВ ПОХОДНОЙ ТРУБЫ

А

①

О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ
К. САРАФИДИС

ЗОВ ПОХОДНОЙ ТРУБЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ Ю. РАКШИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1980

P2
Д56

Добровольский О. и Сарафидис К.

Д56 Зов походной трубы: Историческая повесть / Рис.
Ю. Ракши.— М.: Дет. лит., 1980.— 192 с., ил.

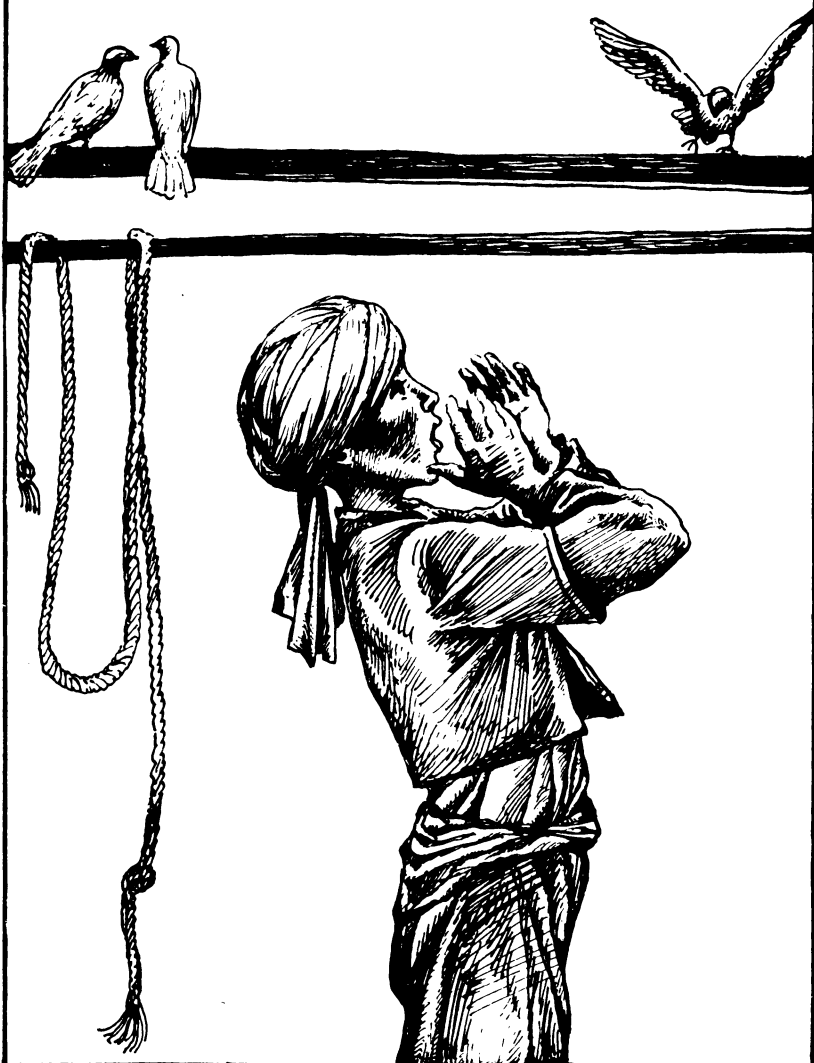
В пер.: 50 к.

Повесть посвящена Георгису Карансакису, народному полководцу, прославившемуся во время национально-освободительной войны в Греции (1821—1829) против 400-летнего османского ига.

Д 70803—432
М101(03)80 351—80

P2

ПРОБУЖДЕНИЕ

За меч, сыны Эллады!

**Ригас Велестинлис,
«Военный гимн»**

ЯНИНСКИЙ ВИЗИРЬ

«Три часа!» — раздался с верхней площадки минарета тоненький и отчетливо-звонкий голосок мальчика, обязанного громко возвещать время. Али-паша, пребывавший в полудремоте после обильного обеда, чуть приоткрыл свои голубоватые глазки и снова закрыл их.

Толстый паша был человеком действия. Но случалось, им овладевали усталость и сонливость. Он впадал в апатию. Ему ничего не хотелось. Лень было даже перебирать четки из крупного восточного жемчуга и двух изумрудов, мерцавших холодным зеленоватым огнем. Такое состояние он испытывал и сейчас.

И все-таки, вздохнув, он поднялся с дивана, обтянутого золотистым лионским шелком, и подошел к высокому стрельчатому окну. Что там? Все ли в порядке? Выглянул вниз, во двор. По каменным плитам расхаживали стражники в белой одежде и красных фесках. Их ятаганы и ружья сверкали на солнце.

Во дворце паши полно людей. Стражники-чоадары, безусые и розовощекие бездельники пажи, полчище слуг: подавальщики кофе, прохладительного напитка шербета, подавальщики трубок, повара, кондитеры, цирюльники, портные, привратники, шуты, музыканты, танцовщики...

Паша отошел от окна и снова уселся на диван. Пружины скрипнули под его тучным телом.

Али-паше пришло в голову, что можно позвать Хаджи-Шекрета. Это был придворный поэт, неграмотный житель гор, сочинивший огромнейшую поэму, в которой воспел его подвиги. Хаджи-Шекрет часто читал паше свою бесконечную поэму с рифмованными строками, и тот всегда с удовольствием слушал его. Но на этот раз он не позвал Хаджи-Шекрета. Раздумал. Устроился поудобней, поджав под себя ноги в шелковых чулках, и опять погрузился в ленивую дремоту.

На диване посапывал носом, предавался грезам добродушный с виду толстяк в круглой фиолетовой шапочке, перед которым трепетали подданные в его обширных владениях, расположенных в Южной Албании и на территории Греции — в Эпире и Фессалии.

Судьба Али-паши была необычной. Его отец, мелкий бей, правил Тепелёной. Этот небольшой албанский городишко расположен в долине, на берегу реки Вьбсы. Злоключения Али начались после смерти отца. Он вынужден был покинуть родной город и искать счастья на стороне. Он был храбр, жесток и честолюбив. Им владела бешеная жажда богатства и власти. И он решил добиваться этого любыми средствами, не брезгуя ничем.

Он разбойничал во главе шайки на больших дорогах. Потом вернул своей семье утраченную власть над тихой Тепелёной. Потом поступил на службу в армию турецкого султана и за оказанные услуги был осыпан милостями. Наконец хоть и много лет спустя, но исполнилась его мечта: он управлял из города Яйины, столицы горного Эпира, обширными территориями и владел несметными богатствами.

Албанский феодал был вассалом султана, крупным должностным лицом в Османской империи. Эта огромная держава начиная с XV века распространила свою власть над множеством стран: османы подчинили себе Молдавию, Валахию, Болгарию, Грецию, Сербию, Боснию, Албанию, Сирию, Палестину, Ирак, Египет, Алжир... В Греции иго порабощения длилось уже почти четыреста лет. Греческий народ влачил жалкое существование. Закабаленные крестьяне, подобно рабам на плантациях, от зари до зари батрачили в поместьях беев, захвативших самые лучшие, наиболее плодородные земли. Жители деревень и городов, ремесленники, мелкие торговцы изнывали под бременем непомерных налогов. Повсюду торжествовал жестокий деспотизм и произвол. Ограбить грека, отобрать имущество, унижить, оскорбить его человеческое достоинство, даже лишить жизни, убить было проще простого. За это никто не обязан был держать ответ...

Али-паша, наместник падишаха в греческих областях, вершил суд и расправу от имени Пóрты, как называли тогда турецкое правительство. Но фактически вел он себя почти как самостоятельный государь.

При всех своих пороках — жестокости, алчности, деспотизме, коварстве, изощренной хитрости, сластолюбии — он был незаурядной личностью. Ему были присущи острый ум, пронырливость, здравый смысл, мудрость, он был тонким политиком и храбрым воином. Причем все эти качества причудливо

совмещались в характере, внутреннем облике этого сложного и противоречивого человека.

В те времена, в 90-е годы XVIII века, по всей Албании и Греции, по всей Европе распространялась молва о злодеяниях Али-паши, о массовых убийствах и страшных казнях, которые устраивались по его повелению. В народе ему даже дали прозвище Али-Цекурас — Али-Топор. Действительно, на совете у янинского правителя было немало убийств и казней.

Вот какой человек восседал на диване в одной из многочисленных комнат дворца.

Он уже не дремал, и взгляд его маленьких голубых глаз был осмысленным, твердым и внимательным. К Али-паше явился с докладом чоадар-ага, начальник дворцовой стражи. Это был высокий албанец в белой рубашке, расстегнутой на волосатой груди, в куртке-безрукавке, разукрашенной золотой вышивкой. На бритой голове — феска с кисточкой. Хищный нос. Тонкие, закрученные на концах усы на бронзовом лице. За поясом — пистолет и ятаган в серебряных ножнах.

Начальник стражи говорил об узниках серальской темницы, находившейся в подземелье дворца:

— Собаки неверные благодарны тебе, мой паша, что ты даровал им жизнь. Хоть они и заслуживают того, чтобы отрубить им головы и воткнуть их на колья... Но милость твоя, повелитель, безмерна. Я был у них утром. Они всем довольны. Но их стало на одного меньше. Одна тварь околела этой ночью.

Паша засмеялся своим гортанным смехом — казалось, в гортле его забулькала вода.

— Тем лучше. Клянусь именем пророка, так они скоро все у нас передохнут!

Чоадар-ага, сохраняя почтительную позу перед пашой, с остервенением стал чесать у себя под лопаткой: он, как и многие стражники, пажи и слуги во дворце, был покрыт вшами.

— Мой паша,— сказал он, перестав себя чесать,— дервен-ага¹ с гор Аграфы прислал тебе подарок...

— Что за подарок прислал нам дервен-ага?

— Мальчишку клефта²...

Али-паша равнодушно зевнул.

— Долго отбивался,— продолжал чоадар-ага,— пока его не схватили. Досталось ему тогда... Теперь валяется в углу...

— Кто же этот разбойник? Как зовут? — спросил паша.

— Кара... Кара... Карайско,— ответил албанец.

Наступило молчание. Чоадар-ага переминался с ноги на

¹ Дервен-ага — смотритель дорог.

² Клефты — греческие партизаны, боровшиеся против османского ила.

ногу, ожидая, что паша взмахнет своей пухлой рукой, давая понять, что разговор окончен. Но визирь сидел не двигаясь, ссутулившись, машинально перебирая матово-молочные жемчужные зерна четок и думая о чем-то.

Али-паша встал с дивана и прошелся по комнате, где стены были покрыты фаянсовыми плитками, разрисованными тонкими узорами, замысловатым орнаментом. Внезапно он остановился перед албанцем.

— Так ты говоришь, один из неверных околел ночью? Кто же это?

— Старик сулиот. Кйцос.

Паша тихо выругался, нахмутив брови.

Упоминание о сулиоте было неприятно ему. Сулиоты — небольшое племя воинственных, непокорных горцев, живших неподалеку от Янины, в селениях, приютившихся на вершинах голых неприступных гор. На скалах были построены крепости с бойницами, сторожевыми башнями. Они казались естественным продолжением горных вершин. Край Сули был мрачноват и пустынен. Сверху, с головокружительных круч, низвергалась пенистыми каскадами река Ахерон, устремляясь в долину, где она текла уже спокойно и неторопливо.

Сулиоты с оружием в руках защищали свою свободу. Они были отважными воинами. Еще в детстве учились метко стрелять и владеть саблей. А женщины Сули не уступали в храбрости мужчинам. Горцы вели суровый образ жизни. Могли безропотно переносить голод и жажду. Совершать трудные, изнурительные переходы. И ничего им не было дороже этих хмурых гор, этих скал, этой каменной земли, где покоились кости предков, их маленькой родины Сули!

Али-паша вознамерился разделаться с мятежными сулиотами. Уже дважды затевал он против них войну. Во второй раз его армия, во много раз превышавшая силы горцев, была разбита. Али-паша с позором бежал. Ночью, по-воровски, крадучись, он во главе своего растаявшего войска вступил в Янину. До этого он дал повеление, чтобы никто из жителей не смел появляться на улицах и даже подходить к окнам...

Но мысль о том, чтобы покорить маленький народ Сули, захватить крепости горцев, не покидала Али-пашу. И теперь он не без опаски, с тревогой готовился к новому походу. Однако всякое напоминание о сулиотах пробуждало в нем гнев, вызывая в памяти картину его бегства.

Али-паша небрежным жестом отпустил чоадар-агу. Тот согнулся в глубоком поклоне, придерживая рукой феску на бритой голове, и, пятясь задом, удалился из комнаты.

Вечер паша провел среди своих приближенных в огромном

зале с колоннами. Визирь был в мантии из блестящей парчи, подбитой изнутри дорогим мехом, в златошвейных сапогах. На ковре, прильнув к господину, сидел его любимый паж. Али-паша ласково трепал его кудри. Невдалеке прыгали и гримасничали два шута в остроконечных колпаках. Слуги разносили длинные зажженные трубки — чубуки. Став на колени, они подкладывали под каждую трубку медный подносик для пепла.

В середине зала находился небольшой четырехугольный водоем из белого мрамора, где журчали струйки фонтана. Это был фонтан особого устройства. Его создал искусный мастер. Маленькая мраморная крепость с бойницами. В каждой бойнице — бронзовая пушечка, из жерла которой бьет фонтанчик. Журчит вода. И слышатся нежные и беззаботные звуки итальянской мелодии — струи воды приводят в движение помещенный в крепости музыкальный механизм.

Али-паше нравился этот незамысловатый мотив.

В СЕРАЛЬСКОЙ ТЕМНИЦЕ

В подземной камере, за тяжелой дверью, было тихо и сумрачно. Гнетущее безмолвие нарушали лишь монотонный стук капель, падавших со сводчатого потолка, да позвякиванье цепей, в которые было заковано несколько узников. Здесь всегда царил полумрак. Мутный дневной свет едва пробивался через узкое зарешеченное окошко в наружной стене, под самым потолком.

Люди сидели и лежали на холодных плитах. Солома, циновки из тростника заменяли им постели. По полу, по скользким стенам ползали мокрицы. Отовсюду веяло могильным холодом, да это, по существу, и была могила. Для заживо погребенных. Каменный склеп.

Кто же были эти люди? Клефты, воевавшие с османами в горах Пинда, Аграфы и Олимпа. А кроме них — крестьяне, пастухи, простые горожане, которые не брали в руки оружие, но тем или иным способом навлекли на себя гнев турок. Один воспротивился тому, чтобы у него отобрали в пользу паши клочок его собственной земли. Другой не захотел расстаться со своим имуществом, стадом. Третий вступился за честь своей жены, дочери, сестры. Четвертый чем-то не угодил начальнику деревни — аге. Пятый отказался выполнить несправедливое решение мусульманского судьи — кáди.

Один из узников был совсем юн. Моложе его не было в камере. Он попал сюда лишь несколько дней назад. Это был

тот самый Караиско, а вернее, Караискáкис, по имени Геóргиос, о котором чоадар-ага сообщил Али-паше.

Худой, долговязый, нескладный. Смуглое до темноты, как у цыгана, лицо. Стрелки черных густых бровей. И какие-то особенные глаза: маленькие, спрятанные глубоко в глазницах и горящие, как раскаленные угли. Кажется, что в них вспыхивают и гаснут, гаснут и вспыхивают золотистые искорки.

Георгиос был сильно избит, весь в кровоподтеках и ссадинах, но он сдерживал стон и жалобы, готовые сорваться с его губ.

Ночью юноша не спал. Все тело болело и ныло. Но он страдал не столько от побоев, сколько от сознания собственной беспомощности, собственного бессилия.

Невидимые своды медленно опускаются, готовы раздавить его своей тяжестью... То ему чудится, что он куда-то проваливается, летит в бездну, что он уже умер и лежит в яме, под землей, а над ним ходят и смеются люди, и он слышит их смех и голоса, хочет закричать, чтобы они услышали его, но не может, крик застревает в горле...

Где он? В яме? Нет, не в яме. Он лежит без движения на спине в конюшне. Он видит над собой дощатый потолок с широкими щелями. Через них проникает свет. Там, в комнатах на втором этаже дома, расхаживают, громко разговаривают, хохочут стражники, слуги дервен-аги.

А он, Георгиос, изувеченный, полуживой, с распухшими ногами, валяется в конюшне. Лошади не обращают на него внимания. Они почти рядом. Дышат, фыркают, жуют сено, переступают, постукивая копытами, по деревянному настилу.

Но вот уже не потолок над ним, а ночное, усеянное звездами небо. И вместо запахов конюшни — чистый горный воздух. Его куда-то везут. Он лежит на дне повозки. Скрипят колеса. Его покачивает из стороны в сторону.

Утром — остановка. У Георгиоса все пересохло в горле. Жажда. Нестерпимо хочется пить! Он просит, чтобы ему дали напиток. Никто не дает... Он продолжает просить. Один из стражников наклоняется над ним, говорит с ухмылкой: «Хочешь водички, щенок? Ничего, обойдешься! Не подохнешь...» И все-таки кто-то протягивает ему оплетенный ивовыми побегами кувшин с холодной родниковой водой, и он, приподняв голову, с жадностью пьет, захлебываясь, проливая воду на шею, грудь...

Но что это? Большая единственная комната в крестьянском доме. Оштукатуренные стены, утрамбованный земляной пол. Пылает очаг. Пахнет горьковатым дымом. Побеленные когда-то стены потемнели, закоптились. На улице холодно, воет ветер.

Почти каждый день малышу достаются шлепки и подзатыльники. С ним не разговаривают, как со всеми, обычным голосом: одни лишь грубые окрики... На мальчишке надето какое-то тряпье. Он бегаёт по деревне и в окрестностях босиком. Ему нипочем острые камни, колючки кустарника. Он привык. Подошвы его грязных исцарапанных ног так задубели, что стали похожи на подошвы царухи — удобной и прочной крестьянской обуви из буйволиной или коровьей кожи. Его собственные ноги заменяют ему царухи. Он напоминает шустрого зверька с темными блестящими бусинками глаз.

Впрочем, теперь ему уже некогда разгуливать. У него есть крыша над головой, его кормят — дают ломоть рыхлого и рассыпчатого желтого хлеба из кукурузы, кусок сыра, горсть маслин, но за это он должен работать. Мальчик собирает хворост, ходит к источнику за водой. Пасет коз на горном склоне, где растёт ароматный тимьян. Это занятие ему по душе.

Рядом с ним — белые задумчивые козы и проказливые козлята. Сам он бегаёт, прыгает, играет не хуже козленка. Смело карабкается по скалам. Набегавшись, пастушонок усаживается на камень, задрав голову, смотрит в небо. Оно все из сплошной синевы. Синее фессалийское небо... Высоко-высоко, то плавно снижаясь, то резко взмывая вверх, парит орел. Жужжат дикие пчелы. Позвякивает колокольчиком чёрный старый козел.

Через эти места не раз проходили клефты. Это сильные, отважные люди, загорелые, широкоплечие, с черными волосами, падающими им на плечи из-под красных скуфьёв с синими кисточками. Они носят куртки, расшитые золотыми и серебряными нитями. От туго стянувшего талию широкого пояса, за который засунуты пистолеты и ятаган, идет вниз, расходясь складками, белая юбка — фустанелла. Крепкие мускулистые икры ног обтягивают вышитые гетры. За плечом — длинные албанские ружья. Их одежду дополняют каны — груботканые шерстяные плащи с откидывающимся капюшоном. Завернувшись в каны, они спят на земле, укрываясь от холода, дождя и снега.

Расположившись на краю деревни, клефты жарили на вертеле ягненка, предварительно натерев его солью и перцем, а потом, положив на листья платана, разрезали на части ятаганом. Они пировали у костра, вели неторопливую беседу. Наполненная до краев чаша терпкого вина не раз и не два совершала круг, передаваемая из рук в руки. Закончив трапезу, они начинали общий танец. Обняв друг друга за плечи, приплясывали под то замедляющиеся, то убыстряющиеся звуки струн, под мелодию, в которой затаенная печаль и тоска

внезапно сменялись напевами, полными веселья, удали и надежды. Они пели свои клефтские песни. И песни эти будоражили души крестьян, вселяли в них веру в грядущее освобождение. Одна хорошо запомнилась Георгиосу, в особенности ее слова:

Уж лучше нам с волками жить, чем жить в ярме у турок!

Однажды мальчик весь вечер, дотемна, провел вместе с клефтами. Он глядел на них восхищенными и преданными глазами. Партизаны приласкали его, угостили сочным и вкусным, покрытым золой мясом.

У догоравшего костра сидел освещенный багровыми отблесками капитан — клефтский начальник, в бархатной куртке, с заткнутым за пояс старым венецианским пистолетом. Георгиос стал просить капитана взять его с собой в горы. Но тот лишь улыбнулся и покачал головой. Его товарищи громко рассмеялись...

Все эти разрозненные картины, образы, видения возникали в памяти юноши ночью в серальской тюрьме.

СЫН МОНАШКИ

Родина Караискакиса — Фессалия, обширная долина в Центральной Греции, окруженная горами. От Эпира ее отделяет горный хребет Пинд, а от Македонии — гора Олимп.

Отовсюду с Фессалийской равнины можно увидеть днем белоснежную вершину Олимпа. Издалека кажется, что это одна вершина, а на самом деле их множество — более шестидесяти. С крутых склонов несутся стремительные потоки. Олимп покрыт лесами: внизу растут дубы, платаны, выше — каштановые деревья, еще выше — ели и сосны. На самых высоких вершинах лежат шапки вечного снега.

Древние греки поселили на этой горе своих богов. В новые времена на Олимпе скрывались клефты.

В Фессалии, недалеко от города Кардйцы, у подножия горных склонов, расположена деревушка Мавромати. В ее окрестностях есть пещеры... Надо сказать, что в Греции, на ее вздыбленной горами территории, много разных пещер и гротов. В античную эпоху греки устраивали в них жертвенники, посвященные языческим богам. А спустя два тысячелетия здесь прятались от ненастья пастухи со своими овцами и козами; нередко пещеры служили убежищем для клефтов.

И вот в одно ясное майское утро (было это в 1780 году)

из пещеры на окраине Мавромати, из темной дыры в скале, увитой плющом, раздался крик новорожденного.

В полумраке пещеры мать родила ребенка. Мокрое горячее тельце трепетало в ее руках. Женщина запеленала свое дитя в припасенные заранее чистые тряпки, бережно положила его себе на колени и склонилась над ним.

В соседнем монастыре Ай-Георгиос гулко ударил колокол: бум-бом, бум-бом... Густой колокольный звон плыл торжественно и неторопливо.

— Большой колокол... — прошептала бледная, без кровинки в лице женщина. — Вот что, назову я сыночка Георгиосом...

Младенец начал кричать и извиваться на ее коленях. Она поднесла его к своей груди, и он сразу успокоился.

Женщину звали Зой. Это была мать Караискакиса.

Почему же она родила своего сына тайком, в пещере? Что заставило ее бежать из деревни, скрываться от людей?

Зои была не из здешних мест. Ее родина — Эпир. Она выросла в деревне близ города Арты. Там она вышла замуж за человека родом из Фессалии. Уехала жить к нему, в Мавромати. Но он вскоре умер, и Зои оказалась одна среди чужих людей. Детей у нее не было. И все же она на родину не вернулась, осталась в деревне. Поступила прислужницей в местный монастырь. Подметала пол, чистила медные подсвечники, зажигала перед иконами лампы. Старик игумен, настоятель монастыря, относился к ней хорошо, жалел молодую женщину, уже испытавшую столько горя.

Как-то в монастыре остановился известный в округе арматол Димитрис Караискос. Арматолами тогда называли греков, служивших в отрядах, которые создавались турками для поддержания порядка в порабожденной стране. Правда, паши и беи никогда не могли положиться на арматолов. Нередко арматолы бросали свою службу, уходили в горы и становились клефтами.

Димитрис Караискос был капитаном, командиром отряда арматолов, человеком храбрым, решительным, влиятельным и властным. Он увидел Зои и влюбился. Ей он тоже очень понравился. Однако счастье ее было недолгим. Караискос вскоре уехал, и для юной монашки потянулись дни, заполненные неотвязной горькой думой. Она ждала ребенка, а по тогдашним обычаям, в представлении деревенских жителей это был даже не грех, это было преступление. Крестьяне, узнав о случившемся, могли закидать «грешницу» камнями, убить.

О тайне Зои знал лишь настоятель монастыря. Добрый человек обещал ей помочь. Он поселил женщину в уединенной келье, дал ей возможность не показываться на людях. И когда

подошло время родов, она ночью, когда вся деревня спала, вышла осторожно за монастырские ворота, спустилась по хорошо знакомой ей тропинке к пещере и спряталась там.

Зои, чье имя означает по-гречески «жизнь», дала жизнь человеку, который впоследствии станет одним из замечательных людей Греции!

Старик навещал ее. Он появлялся в светлом проеме пещеры — высокий, в черной, до пят, рясе, в камилавке, с длинным и узловатым посохом в руке. Он приносил женщине еду: овечье молоко в глиняном сосуде, сыр, хлеб. Садился на камень, привычным жестом неторопливо расправлял на груди седую бороду, задумчиво смотрел на ребенка, спавшего в ворохе тряпок на коленях матери.

— Бедное дитя! — вырвалось однажды у старика. — Что ждет его? Какая приготовлена ему судьба? Ох, неволя, неволя... Тяжкий крест...

Игумен был стар и мудр, и память его хранила многое. Он помнил тревожные ночи, полыхающие заревом пожаров: бегущие в разные стороны женщины и дети, зловещий блеск кривых ятаганов, крики плач... В молодости он был сильным и храбрым мужчиной, и ему не раз приходилось участвовать в кровавой сече. На своем веку он видел много несправедливости и жестокости, страданий и слез, но сердце его не ожесточилось и не окаменело. Чем мог, он всегда помогал людям, попавшим в беду, был чуток к человеческому горю.

Хотел он помочь и Зои. Но как? Пещера могла быть для нее лишь временным убежищем. А дальше? Что будет, когда она появится в деревне с незаконнорожденным ребенком на руках? Ее встретят презрением, посыплются оскорбления...

— Дочь моя, — сказал старик Зои, — ты должна уйти из деревни. Совсем, навсегда!

— Я знаю... Я готова. Мы уйдем...

— Нет, уйдешь ты одна. Малыш останется в Мавромати.

— Я брошу свое дитя?!

— Не бросишь, а оставишь. Я отдам мальчика в крестьянскую семью, о нем будут заботиться. Так надо, Зои. У тебя нет пристанища, у тебя ничего нет. Ты не сможешь воспитать сына.

Зои зарыдала, закрыв лицо руками. Какими словами передать боль матери, которая вынуждена расстаться со своим ребенком? Но женщина понимала, что старик дает ей правильный, разумный совет. И она в конце концов согласилась.

Монах передал Георгиоса в семью крестьянина по имени Пулянос. Тот согласился кормить и воспитывать малыша. Старик рассказал ему, кто мальчик и кто его мать и отец, но

эта история мало интересовала расчетливого крестьянина. Он взял ребенка лишь потому, что хотел сделать из него работника, которому не надо ничего платить.

А Зои? Она покинула Мавромати. На прощанье настоятель монастыря дал ей свечек, дешевых крестиков, иконок.

— Возьми,— сказал он.— Будешь продавать, на первое время тебе хватит на жизнь. А там как-нибудь устроишься. О мальчике не беспокойся. Он в надежных руках, не пропадет. Прощай, Зои! Иди, да хранит тебя бог!

Мать Георгиоса в темной монашеской одежде стала ходить по деревням и продавать за гроши крестьянам свои свечки, крестики и иконки. Но ни разу не осмелилась она показаться в Мавромати.

Прошло несколько лет, и следы Зои затерялись. Говорили, что она умерла.

Георгиос подрастал в чужой семье. С утра до вечера его заставляли работать. Пулянос любил повторять: «Не ленись, чертенок! Будешь лениться, я тебя прогоню, и ты помрешь с голоду...»

Мальчик завидовал деревенским ребятам, у которых есть родители, завидовал даже овцам и козам, которые живут одним большим семейством, одним стадом, беззаботно проводя весь день на зеленых пастбищах.

Его часто обижали, бранили. Захромает вдруг овца, заболит козленок, пропадет куда-то курица, стащит дворовая собака кусок мяса — и на Георгиоса сыплются попреки. А за что? Разве он виноват?

Трудно жилось Георгиосу. Когда изредка выпадала передышка от работы, его тянуло на улицу, к ребятам, хотелось побегать, поиграть с ними. Но те сторонились худенького, чумазого оборвыша, незаконнорожденного. И не только сторонились — издевались над ним, дразнили. «Подкидыш! Сын монашки! Сын монашки!» — кричали они.

ПЕЩЕРА ЛОЛОСА

В деревне Гралиста, до которой от Мавромати надо идти часа четыре, появился босоногий путник в рваной рубашке. Это был Караискакис. Он сбежал от Пуляноса, не выдержав грубого обращения и побоев.

Георгиос поселился в окрестностях Гралисты, в пещере, которую все называли «пещерой Лóлоса». И то, что мальчишка не побоялся ночевать в этом месте, пользовавшемся дурной славой, поразило всех крестьян. Вот как было дело.

Когда деревенские ребята, пасшие коз невдалеке от пещеры Лолоса, увидели в первый раз Георгиоса, тощего, темнолицего, в оборванной одежде, они подняли его на смех:

— Кто это? Что за чучело?

— Попрошайка! Попрошайка!

— Бродяга! Нищий!

— Он молчит! Он немой! У него нет языка! Он проглотил свой язык!

А сын монашки просто растерялся от этих обрушившихся на него градом насмешек и обидных слов.

— Я не бродяга и не нищий,— сказал он наконец.— Зря вы кричите. Я пастух, такой же, как и вы.

— А где, пастух, твое стадо?

— Осталось в моей деревне.

— В какой деревне?

— Не все ли равно...

— Зачем ты пришел к нам?

— Вам-то что?

— Всыпать ему!

— Лучше натравить собак!

— Я не боюсь! Ни вас, ни ваших собак!

— Какой храбрый! Если ты храбрый, то докажи это.

— Как доказать?

— А вот так... Видишь, вон пещера?

— Вижу.

— Знаешь, что это такое?

— Откуда мне знать?

— Это пещера Лолоса.

— Ну и что?

— Как что? Пещера Лолоса!

— Кто такой Лолос?

— Он не знает, кто такой Лолос, он ничего не знает! — прокричал худенький мальчишка с одним глазом.

— Расскажи ему, Циклоп! Расскажи! — слышались голоса ребят.

Циклоп был невзрачный мальчуган, меньше всех ростом. Глаз ему выбила своим рогом коза, с которой он раз вздумал бороться. После этого мальчуган и получил свое прозвище, ведь всем известно, что циклопы были одноглазые.

— Хорошо,— сказал Циклоп.— Слушай... В этой пещере зарыт клад. А охраняет его черный Арап. Как-то раз, давно это было, один человек по имени Лолос взял заступ и лопату и пришел в пещеру. Пришел, чтобы откопать клад. Попробовал отодвинуть камень. Тужится, старается, а ничего не выходит. Камень ни с места. А под ним клад лежит. Весь день

промучился с камнем, и все впустую. «Ладно,— думает Лолос,— переночую здесь, а утром снова примусь за работу». Только он улегся, как вдруг слышит голос Арапа: «Эй, Лолос! Уходи! Сейчас же уходи! Если не уйдешь, поплатишься за это!» Лолос весь задрожал от страха, но все-таки не послушался Арапа, остался ночевать. Хватились его только через день. Стали искать. Кто-то сказал, что видел, как шел он с заступом и лопатой к пещере. Приходят — Лолос лежит, бормочет что-то, подняться не может. А возле него валяются куски камня. Это Арап ночью расколол камень, взял клад и перенес его в другое место.

— А Лолос? — спросил Георгиос.

— Лолос? Он помешался, у него отнялись руки и ноги...

— Чепуха все это! — засмеялся Каранскакис. — И клад, и Арап, и Лолос... Сказки! Ничего этого не было! Как вы можете верить?

— Не об этом сейчас разговор,— сказал Григóрис, сын самого зажиточного в Гралисте крестьянина. — Если ты такой храбрый, то переночуй в пещере. Можешь?

— Могу.

— Посмотрим!

— Сегодня же ночью останусь здесь.

— Не врешь?

— Не вру...

Георгиос сдержал свое слово. Вечером он забрался в пещеру.

Погас последний солнечный луч, проникавший под тяжелые каменные своды, и в пещере стало темно. Что-то прошуршало почти рядом, и раздался жалобный писк... Потом послышались взмахи крыльев. Летучая мышь пронеслась над самой головой Георгиоса. Мальчик лег, закрыл глаза. Он думал о том, что ему рассказали. Лолос, Арап... Какая ерунда! А вдруг... Вдруг прогремит сейчас голос разгневанного стража сокровищ! Но было тихо. Тогда Георгиос привстал и, бросая вызов этой заколдованной пещере, Арапу, Лолосу, закричал: «Ого-го-го!..» Громкое, многократно повторенное эхо разнесло его крик по этому жуткому подземелью. Когда рано утром ребята подошли к пещере и осторожно заглянули в нее, они увидели, что Георгиос безмятежно спит на боку. Его разбудили...

Теперь все по-другому стали смотреть на пришедшего в деревню незнакомца. Ну и молодец! Не испугался самого Арапа!.. Ребята приняли Георгиоса в свою среду, и скоро этот смелый, самостоятельный, сообразительный мальчишка стал у них вожаком, атаманом. Никто и не заметил, как это произошло.

Благодаря Георгиосу мальчишки перестали бояться пещеры Лолоса.

Кто-то предложил поискать клад. Долго его искали, тыкали заступом в твердую, каменистую землю, шарили по темным углам. Вместо клада нашли высохший череп не то осла, не то мула, несколько тонких грошовых монеток — парá, неизвестно как оказавшихся в пещере, груды белых косточек, наверно, рассыпавшиеся скелетики летучих мышей, да кучи старого сухого помета.

Георгиос принес охапку сосновых веток, высек огонь, и ребята, взяв в руки горящие факелы, двинулись вслед за своим вожакom в глубь пещеры. Перед ними выступили из вековой тьмы причудливо изломанные, покрытые слизью стены, под ногами хлюпала жижа.

Факелы чадили дымом, начали гаснуть. Кладонскатели поспешили вернуться назад.

Несколько раз ребята оставались ночевать в пещере. Карайскакис задумал проучить Григориса, который всегда обижал Циклопа, называл его одноглазым ослом, норовил толкнуть, незаметно стукнуть кулаком под ребро, поставить подножку.

Перед тем как лечь спать, Георгиос сказал потихоньку ребятам, чтобы они не боялись, если ночью что-то произойдет, это коснется лишь Григориса.

В полночь, когда все уснули, он поднялся, отошел в глубь пещеры и закричал.

Гулкое, раскатистое эхо удесятирило силу его грубого, повелительного голоса:

— Эй, Григорис! Живо вставай! И сейчас же уходи отсюда! Я Арап. Я приказываю тебе! Остальные могут остаться! Ты слышишь меня, Григорис? Быстрей! Не то я сейчас расправлюсь с тобой!

Григорис вскочил, заметался в темноте по пещере.

— Я уйду, Арап! — жалобно заговорил он. — Сейчас уйду! Только не знаю, в какую сторону идти! Я ничего не вижу! Пожалей меня! Не убивай!..

Проснувшиеся ребята громко смеялись над сыном местного богача.

После этой ночи Григорис долго не показывался на улице, ему было стыдно перед сверстниками за свое малодушие. Но с тех пор он больше уже не измывался над Циклопом.

Караискакис остался в деревне Гралиста. Он нанимался работать к крестьянам, и те за это кормили его. Но работа была не всегда, не круглый год. И он должен был сам заботиться о себе, искать пропитание.

На завтрак — головка лука или чеснока и хлебная корка, на обед — поджаренный на углях початок кукурузы, на ужин — сорванная в чьем-то саду груша... Иной раз, когда особенно мучил голод, вынужден был он и воровать. Сташит тыкву, связку луку...

Как-то осенью Георгиос простудился и заболел. Он не покидал своего убежища. Лежал и слушал, как снаружи однообразно шумит дождь.

Подросток как мог приспособил пещеру Лолоса для жилья. Устроил себе постель из веток и соломы. Кто-то, сжалившись, подарил ему старую, драную капку, и он укрывался ею вместо одеяла. У него был глиняный кувшин для воды. Он заготовил и хранил в пещере запас сухого хвороста, чтобы всегда можно было разжечь костер, погреться и приготовить пищу. У него было огниво — кремень и стальной брусок.

Георгиос услышал знакомый свист. Так свистел Циклоп, сообщая о своем приходе. Пока атаман болел, он и другие мальчишки навещали его, приносили еду, свежую воду.

На этот раз Циклоп явился с пустыми руками.

— Вставай! — сказал он. — Пойдешь к нам. Отец велел, чтобы я привел тебя. Нельзя, говорит, ему зябнуть в пещере...

Дом, где Циклоп жил с родителями, состоял из одной длинной комнаты. Часть ее была отгорожена, и там находились козы, осел, куры. В очаге, распространяя приятную теплоту, дымилась красноватые угли. Пахло свежеспеченным хлебом.

Хозяева встретили Георгиоса приветливо и радушно. Его накормили, дали ему большой кусок теплого хлеба из кукурузы, крутых яиц, густого, пахнувшего травами козьего молока. Для больного постелили у очага войлок, и Караискакис лег на него и незаметно уснул, разомлев от тепла и сытной еды.

Он стал поправляться. Через несколько дней он уже был здоров.

У Циклопа была сестра, старше его года на два. Сначала Георгиос не обратил на нее внимания, но потом эта девушка стала все больше и больше его интересовать. Ему приятно было смотреть на нее, думать о ней. В ее присутствии все приобретало для Караискакиса какой-то особый смысл. Она наполняла его беспокойным и в то же время радостным, новым ощущением.

Вот входит она в комнату и берет пузатый сосуд с нешироким горлышком, чтобы идти за водой к источнику; вот месит тесто на деревянной дощечке; став на колени, раздувает полупогасшие угли в очаге. Засмеется, весело ответит что-то матери... И уже мелькает во дворе ее стройная фигурка в маленьком казакине и длинной белой юбке со множеством складок.

Густые волосы девушки то распущены, покрывают ей плечи и спину, то заплетены в косички. У нее есть бордовая шапочка, украшенная дешевыми монетками, и она иногда надевает ее и проходит с гордым и независимым видом мимо Караискакиса, показывая, что этот странный смуглолицый подросток с темными блестящими, пронзительными глазами, появившийся в их доме, совершенно ей безразличен.

Но на самом деле это не так. Как и все в деревне, она знала, что он не побоялся поселиться в пещере Лолоса, которую все крестьяне обходили стороной. И брат рассказывал ей о своем товарище, о его ловкости, смекалке, о том, как Георгиос проучил этого дурака и труса Григориса.

Но девушка скрывала любопытство, которое вызывал в ней Караискакис. А Георгиосу казалось, что она сторонится, не замечает его, не вступает с ним в разговор, потому что он для нее просто четырнадцатилетний мальчишка, один из дружок ее младшего брата.

И когда Георгиос ушел из этого гостеприимного дома, он долго еще думал о сестре Циклопа, вспоминая ее горделивую осанку, легкую, неслышную походку, звонкий, как колокольчик, голос. И, встречая ее изредка в деревне, он всегда испытывал странное волнение. Он здоровался с ней, а она тихо отвечала и проходила мимо, наклонив голову.

Между тем шумная орава деревенских ребят с их предводителем Караискакисом целые дни проводила в окрестностях: мальчишки играли, бегали наперегонки, прыгали через ручей, лазили по деревьям, взбирались на скалы и горные кручи.

Разделившись на два враждебных лагеря, устраивали сражения. С одной стороны — клефты, с другой — солдаты паши. Сначала никто не соглашался изображать врагов, все хотели быть клефтами. Но Георгиос предложил, чтобы не было никому обидно, меняться ролями. Самым лучшим местом для побоищ была старая крепость с зубчатыми башнями. Ее когда-то построили турки, чтобы держать под наблюдением проходы в горы, защищаться при нападении партизан. Толстые, наполовину обвалившиеся стены были покрыты мхом, на одной из башен росло деревце с искривленным стволом... Крепость пришла в упадок, но для боевых игр она годилась вполне.

Здесь произошла яростная битва. Клефты подступили к крепости, которую защищали османские воины, и готовились взять ее штурмом. Осажденных возглавил сам паша. Изображал его Григорис.

Клефты Караискакиса, спустившись с горного склона, побежали с криком на приступ. С обеих сторон полетели камни. Осажденные совершили вылазку, и у крепостных стен началась рукопашная схватка...

Георгиос продирался вперед сквозь ряды сражающихся, отбрасывая от себя преграждавших ему путь врагов. Он крепко сжимал в руке знамя — длинную палку с прикрепленным к ней куском голубоватой материи. Кто-то сильно толкнул его в грудь, и он упал, но знамя не выронил. Тотчас вскочил и снова побежал.

— За мной, ребята! — кричал он. — На штурм! На штурм!

Наконец сопротивление войска пашы сломлено, и крепость — в руках клефтов. Караискакис на площадке башни укрепляет знамя... Эх, — говорит он Циклоу, вытирая рукой пот с разгоряченного лица, — жаль, что это игра, что это наши ребята, а не турки...

Среди пленников оказался паша. Он пытался улизнуть, но его схватили.

Караискакис спустился с башни и подошел к ребятам.

— А, паша в плену, — сказал он, увидев Григориса, которого крепко держали двое клефтов. — Отпустите его, он не убежит. Что будем с ним делать?

— Судить! Судить пашу!

— Хорошо.

Капитан клефтов сел на каменную глыбу, обломок рухнувшей когда-то стены.

— Тогда начнем. Кто ты? — строго спросил он Григориса.

— Вы не смеете! — огрызнулся пленник. — Я скажу отцу. Он вам задаст! Мы в деревне самые богатые. Меня нельзя судить. Судят бедняков, разных голодранцев...

— Нет, вы послушайте, что он говорит! Судить можно только бедняков!

— Судить пашу! Судить богача! — закричали хором ребята.

— Тише, клефты! Тише! Будем продолжать. Кто ты? — Караискакис, скрестив на груди руки, нахмурившись, глядел в упор на стоящего перед ним Григориса. — Еще раз спрашиваю. Отвечай.

— Ну, паша я...

— Зачем ты пришел на нашу землю?

— Никуда я не приходил... Я здесь родился...

— Постой, постой! Не забывай, что ты сейчас не Григорис, а паша. Сам согласился быть пашой... И отвечай, когда спрашивают!

— Ладно уж...

— Что тебе здесь надо?

— Значит, я паша? Да?

— Конечно, Григорис. Об этом мы уже столько толкуем...

— Тогда я отвечу, как паша. Здесь мои владения, мои земли, мои овцы, мои дома, мои богатства, кони, оружие, золото, деньги... Здесь все мое!

— Вот теперь ты действительно заговорил, как паша. Молодец! Но ты забыл о нас. Мы — твои подданные?

— А кто же вы еще? Вы — бедняки, вы должны работать на меня...

— Каков паша! Ну прямо настоящий!.. А ты не боишься, паша, что мы поднимем бунт и тогда тебе и всем твоим прислужникам несдобровать?

— Не боюсь. Я сильнее вас. У меня войско. Оно придет на помощь...

— Но ты уже в плену, и мы судим тебя. Ты виновен, тебе нет оправдания. Верно я говорю, клефты?

— Верно! Виновен! Виновен!

— Да, главная твоя вина в том, что ты захватил нашу землю, все наши богатства, а нас всех хочешь согнуть в бараний рог. И за это ты должен понести суровое наказание. Сейчас мы вынесем тебе приговор...

Ребята стали кричать и прыгать вокруг Григориса, который струсил не на шутку, услышав о суровом наказании.

— Подождите! Так нечестно! — взмолился он. — Если бы я знал, ни за что не согласился бы стать пашой!

Георгиос подошел к побледневшему пленнику и хлопнул его по плечу.

— Не бойся, приятель. Закончим игру, — сказал он ребятам. — Мы вообразили, что это паша, а ведь это наш Григорис. А настоящий паша еще получит сполна то, что заслужил...

Увлеченные штурмом старой крепости, судом над Григорисом, ребята не знали тогда, что близится время, когда вместо игр и веселых забав им придется участвовать в настоящем сражении, рисковать жизнью.

И это время наступило.

Три пастуха в шароварах, красных башмаках и в обмотанных вокруг головы тюрбанах спали в тени огромного дуба, сморенные полуденным зноем и крепкой водкой — раки, настоящей на анисе. Рядом с ними, в рыжеватой траве, валялись их ружья. Здесь, на горном пастбище, находилась одна из овчарен, которые принадлежали туркам, жившим в некоторых деревнях на равнине. В овчарню они загоняли на ночь своих овец и коз, здесь доили их, делали сыр, переправляя его потом отсюда вниз на мулах и ослах.

Спрятавшись за древним, потемневшим от времени и непогоды валуном, четыре подростка осторожно выглядывали из-за укрытия. Сердца их судорожно колотились. Но все было тихо и мирно вокруг. Неумолчно звенели цикады, будто тысячи малюсеньких молоточков безостановочно ударяли о металлическую наковальню. Пастухи недвижно, двое на спине, один ничком, лежали в траве. Они спали.

И тогда короткий бросок, и три красивых, слегка изогнутых ружья, покрытых серебряным и перламутровым орнаментом, — в руках у Караискакиса и его друзей. Положив ружья на плечо, они бегут вниз, словно подхваченные ветром удачи...

А как все началось? Георгиосу давно уже хотелось сделать что-то такое, чтобы доставить неприятности наглым и бессовестным чужеземцам. Но в деревушке Гралиста турок не было, и Караискакис задумал напасть на их овчарню в горах и украсть несколько овец. Он рассказал о своей затее ребятам, и те согласились участвовать в вылазке на горное пастбище. Овцы были похищены, и ага, которому принадлежало стадо, узнав о случившемся, велел снабдить пастухов ружьями, дабы те могли защищать его добро от воров. Об этом стало известно в Гралисте, и Караискакис подговорил своих друзей снова отправиться в горы и завладеть оружием аги.

Мальчишки отнесли трофей в пещеру Лолоса, ставшую местом их сборищ. Недавно еще были игры, детские забавы... И вот у ребят настоящие ружья, как у клефтов, о которых столько было разговоров в деревне, столько ходило разных слухов и легенд, столько распевалось песен!

— Нас шестеро, — сказал Георгиос, — а ружей только три. Но мы раздобудем еще, и тогда каждый из нас будет вооружен.

— А что мы будем с ними делать? — спросил Циклоп.

— Что делают клефты?

— Клефты? Стреляют, воюют...

— И мы тоже будем воевать. Пора нам создать отряд. Кто хочет вступить в него?

— Я хочу! — первым сказал одноглазый приятель Георгиоса.

— И я! Я! Не забудь меня!

— Все шестеро в отряде! Будем всегда вместе, палликары. Только храните все это в тайне. Никому ни слова!

— А порох, пули? — спросил неожиданно кто-то.

— Добудем! — уверенно произнес Караискакис.

В этот день в фессалийской деревне Гралиста, в округе, которой управлял паша города Трикалы, возник маленький отряд юных клефтов. Он появился в трудное для освободительного движения время. Али-паша бросил против клефтов крупные силы. Многие клефтские начальники — капитаны — были убиты, другие скрывались со своими отрядами где-то высоко в горах. И вот наперекор всему мятежники свили свое гнездо под самым боком у чужеземцев!

Скоро по всей округе, от деревни к деревне, стали распространяться слухи: клефты нападают на турецких пастухов, клефты окружили в горах турок, которые заготавливали на зиму дрова, открыли стрельбу и заставили их сдать оружие. Как водится в таких случаях, слухи были разноречивыми: кто говорил, что клефты просто отобрали ружья, кто рассказывал, что была пролита кровь... Но никто тогда не предполагал, что отряд состоит из пятнадцатилетних мальчишек. Да если бы кто-нибудь и сказал это, ему бы не поверили, настолько это казалось невероятным. Отряд Караискакиса увеличился почти до двадцати человек. Ребята по-прежнему жили в деревне; там, в пещере Лолоса, было их постоянное пристанище. Но нередко они исчезали из Гралисты, покидали предгорья и спускались в долину.

Во время одного из таких походов они устроили привал в оливковой роще, мимо которой шла дорога.

Близился вечер. Легкий ветерок едва шевелил мелкую остроконечную, похожую на тонкое серовато-зеленое кружево листву деревьев с толстыми и корявыми, узловатыми стволами. Это были очень старые оливы: им было по триста и более лет.

В предвечерней тишине послышалось цоканье копыт по каменистой дороге. Караискакис послал Циклопа узнать, кто это едет. Тот проворно и бесшумно скрылся за деревьями. Скоро он прибежал и, запыхавшись, сообщил, что несколько вооруженных всадников в чалмах гонят впереди себя стадо.

Георгиос велел зарядить ружья. Цоканье копыт, бляенные овец все отчетливей и отчетливей доносились до спрятавшихся в роще ребят.

Солдаты сопровождали стадо, отнятое у крестьян одной из окрестных деревень. Они мерно покачивались в седлах,

опустив голову и нахмурив брови. Их утомил долгий переход, и теперь они думали лишь о том, как бы поскорее добраться до селения, где им предстояло провести ночь. Солдаты проголодались и мечтали о жареном ягненке, о табачном аромате трубок и постели. Об этом же мечтал ехавший вместе с ними чиновник. Он сидел на пуховой подушке, привязанной к седлу.

Караискакис свистнул и выстрелил из ружья. Прогрели выстрелы и других клефтов.

— Алла!.. Алла!.. Клефты! Клефты! — закричали солдаты, кружась на лошадях среди издававших жалобное блянье овец, которые преграждали им путь к бегству.

— Эй, капитан Никос! — крикнул Караискакис, стараясь еще больше запугать солдат, показывая, как, мол, много у него в подчинении палликар.— Окружай их справа! А я нападу слева!.. А-а, убегаете! Хотите улизнуть? Держи их! Держи! Огонь, клефты!

Солдаты с трудом выбрались на дорогу, обогнув стадо, и пустились вскачь. Позади них, изрядно отстав, трясся на своей лошади упитанный чиновник. Он размахивал рукой и что-то кричал. Но солдаты меньше всего думали о нем... Все их мысли были об одном: как бы скорей умчаться подальше от этой проклятой оливковой рощи.

Ребята, собрав в кучу разбежавшихся овец, погнали их в обратную сторону...

Теперь все в округе уже знали, что в отряде — одни подростки. И у всех на устах было имя юного клефтского капитана — Караискакиса.

Когда паше Трикалы сообщили, что какие-то мальчишки напали на чиновника и солдат, он пришел в такую ярость, что швырнул на пол фарфоровую чашечку с дымящимся кофе, которую держал в руке. Паша отдал повеление уничтожить отряд Караискакиса.

Темной беззвездной ночью, когда деревня Гралиста была погружена в сон, солдаты окружили со всех сторон дом, где находились клефты. Часовой вовремя заметил опасность и выстрелом предупредил товарищей.

Что делать? Как незаметно выбраться из дома? Как спастись? Раздумывать было некогда: в считанные минуты надо было на что-то решиться.

Ребята забегали по комнате, натываясь в полутьме друг на друга. Выскочить через дверь, выпрыгнуть в окно? Стражники заметят и всех перестреляют.

— Эй, разбойники! — донесся снаружи грубый хриплый голос. — А ну выходите по одному. Сейчас же выходите, не то переломаем вам все кости! Вы окружены! Сдавайтесь!

— Мы пропали! Нас схватят! — торопливо, оробев, проговорил один из подростков.

— Замолчи! — резко оборвал его Караискакис. — Мы спасемся! Слушайте меня и делайте, что я скажу. Быстрее возьмите капы, сверните их и, как только я открою дверь, кидайте их во двор. А потом следуйте все за мной...

Эта хитрость удалась. Ребята схватили свои капы, свернули их, и, когда все стояли наготове, капитан распахнул дверь, и капы одна за другой полетели в темноту. Стражники услышали шум и подумали, что это клефты выбегают из дома. Они выстрелили из ружей, и огненные вспышки озарили мрак ночи. Наемники, насыпая в дула порох и заталкивая туда шомполом пули, стали перезаряжать ружья, а ребята, воспользовавшись этой паузой, быстро покинули дом, который мог оказаться для них смертельной ловушкой. Все побежали за Караискакисом, поднимаясь по каменистой тропинке, извивавшейся среди зарослей кустарника.

После этой ночи Георгиос и его друзья навсегда оставили эти места и ушли в горы Аграфы.

Но там на след юных клефтов скоро напал отряд албанцев. Находившиеся на службе у Али-паши албанские воины были не только дворцовыми стражниками. Они наблюдали за дорогами, охраняли порядок в городах и селениях, их посылали воевать с партизанами.

Однажды завязалась перестрелка. Под натиском многочисленных, хорошо обученных наемников отряд Караискакиса рассеялся, разбежался. Он перестал существовать.

Караискакис отстреливался, укрывшись за большим камнем. Его схватили. Избили, связали и повезли к албанскому начальнику.

Дервен-ага жил в двухэтажном доме, стоявшем в глубине двора. Наружная каменная лестница вела на деревянную галерею, где были расположены двери комнат. Когда начальнику доложили, что доставлен капитан клефтов, он кормил золотых рыбок, плававших в стеклянном сосуде. В комнате на диване с шелковыми подушками, на разостланном на полу узорчатом ковре лежали розоватые блики дневного света, проникавшего через цветные стекла в окнах.

Албанец вышел из комнаты на галерею и спустился по лестнице во двор. Подошел к Караискакису. Перед ним стоял тощий парень, предводитель взбунтовавшихся мальчишек. Дервен-ага рассмеялся, обошел вокруг Георгиоса, осматривая его со всех сторон, покачал головой и сказал, обращаясь к воинам:

— Это и есть главарь шайки? Это он и его оборванцы

не давали никому житья? Не могу поверить... Ну ладно... Всыпьте-ка разбойнику сотню-другую ударов. Он получит сполна, что заслужил. И отправим его в Янину, в подарок Али-паше. Пусть узнает наш всемогущий визирь, что его слуги не тратят попусту здесь время!

Георгиоса поволокли в конюшню, занимавшую первый этаж дома, бросили на пол и начали избивать палками.

Дервен-ага сдержал свое слово. Полуживого, истерзанного капитана отвезли в Янину и там бросили в тюремный застенок сераля.

СТОЛИЦА ЭПИРА

По озеру тихо скользит кирлангич. На мачте судна из маленькой флотилии паши развевается флаг с полумесяцем. В разные стороны плывут лодки с загнутыми носами. В середине озера расположен остров с греческой деревней и монастырем. Противоположный, восточный берег — крутой, скалистый, дикий. На той стороне, вздымаясь все выше и выше, начинаются отроги увенчанного снегами Пинда. Оттуда всходит солнце, озаряя золотисто-пурпурным светом горы и долину, окутанное туманом озеро, город, раскинувшийся на его западном, пологом берегу.

Янина — столица Эпира... В городе две главные улицы. Одна начинается у городских ворот и ведет к базару, другая тянется от базара к озеру, где на небольшом полуострове стоят крепость и дворец, в котором в стороне от своих подданных живёт Али-паша. Там, в подземельях сераля, хранит он свои сокровища, казну, там в лабиринте переходов и внутренних двориков находится гарем с решетками на окнах, где томятся его триста жен — гречанок, албанок, грузинок...

Над домами высятся минареты мечетей, купола церквей, и весь город, лежащий у озера как на ладони, в ясные солнечные дни, которых здесь очень много в году, кажется нарядным и разноликим. Кричат ослы, навьюченные поклажей. С минаретов раздаются пронзительно протяжные голоса муэдзинов, сзывающих правоверных мусульман на очередную молитву. На улицах полно нищенствующих бродячих монахов — дервишей. Среди прохожих изредка мелькают женские фигуры, закутанные с головой в белые покрывала.

Особенно шумно и многолюдно на базаре. Мимо лавок, деревянных лотков, уставленных всевозможными товарами, снуют взад и вперед люди, прицениваются, торгуются, спорят, ругаются. Чего здесь только нет! Горы спрессованных табачных

листьев, ворох красных туфель, куртки и пояса, богато украшенные вышивкой, разноцветные шали... Отдельно лежат на циновках фрукты, виноград.

Но когда кончается день и на город опускаются сумерки, жизнь в Янине замирает. Запираются городские ворота. В тишине раздаются лишь шаги стражников, совершающих обход по опустевшим улицам. И на темное зеркало озера ложится зыбкая дорожка лунного света...

Таков этот город, куда судьба забросила Георгиоса Каранскакиса и где ему придется провести немало лет.

Когда начальник дворцовой стражи доложил Али-паше о подарке, который прислал ему дервен-ага, то властелину достаточно было сделать едва заметный жест, и участь Каранскакиса была бы самой плачевной. Но паша не сделал этого жеста. Умный и дальновидный политик, он нуждался в храбрых и стойких молодых людях, независимо от их национальности, и стремился, чтобы они поступали к нему на службу. Тогда, в середине 90-х годов XVIII века, при янинском дворе было много греков. Деспот привлекал их к себе, разумеется, не из-за симпатии к ним. Он поступал так, потому что понимал, что положение Османской империи, закабалившей многие народы, становилось все более шатким. Он вел тонкую игру, заботясь о своем будущем.

Греков можно было встретить среди его приближенных. Они были переводчиками, врачами. Занимали крупные посты в армии. Создавались отряды, целиком состоявшие из греков.

В жестокую эпоху, когда Порта железной рукой насаждала в Элладе свои порядки, стремясь окончательно поработить ее население, Янина стала центром греческой национальной культуры. Здесь жили ученые, писатели, просветители.

Сам Али-паша, хотя и был мусульманином, говорил лишь на албанском и греческом языках. Только один из сыновей его, Мухтар, знал турецкий.

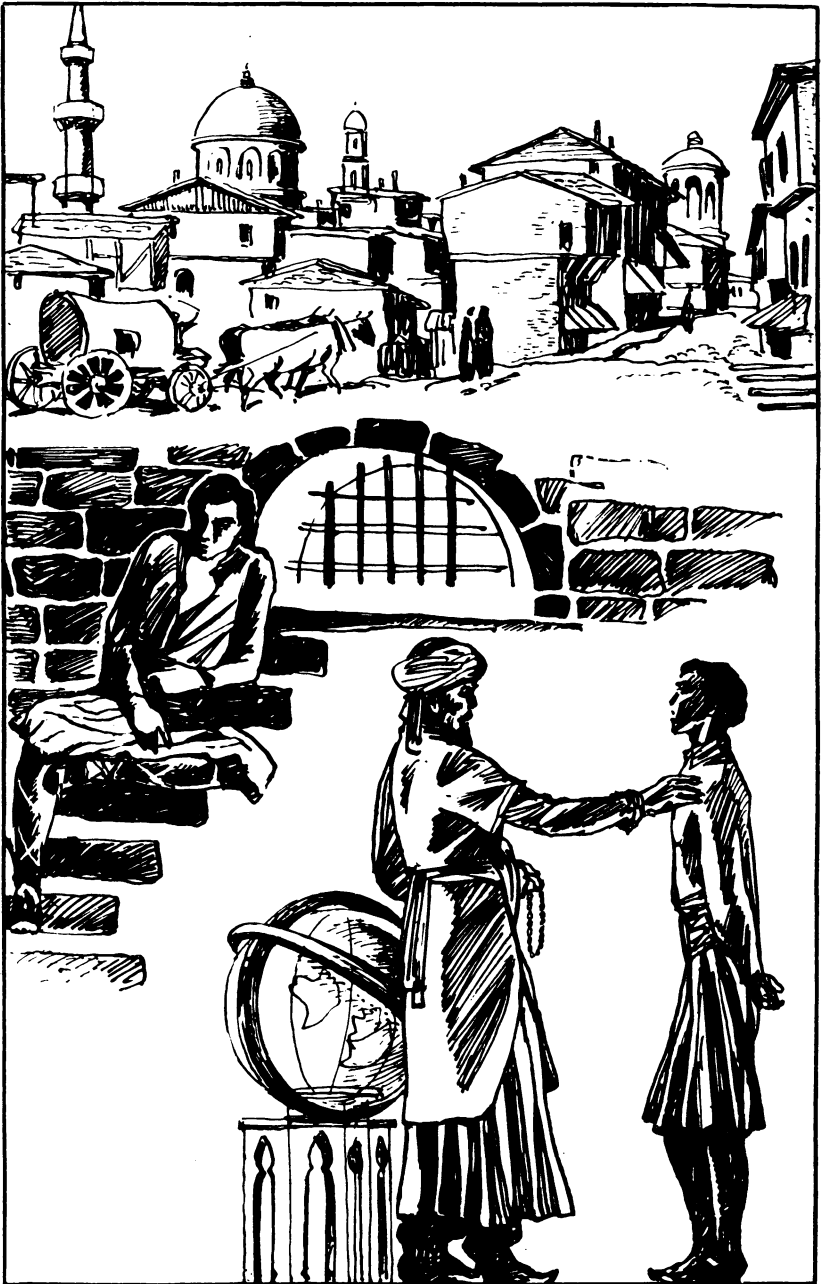
Личным секретарем и советником Али-паши в ту пору был Мántос Иконóму. Этот грек пользовался у визиря и при его дворе большим уважением и влиянием. Все называли его почтительно кир Мантос — господин Мантос.

Он заинтересовался необычной судьбой Каранскакиса и решил помочь юноше, вызволить его из тюрьмы.

Однажды днем в камеру вошел сам чоадар-ага и громко объявил:

— Эй, Каранско! Вставай, пойдешь со мной, разбойник!

Начальник дворцовой стражи повел Георгиоса длинными и мрачными переходами с каменными сводами. Они выбрались

из подземелья, поднялись по лестнице и, пройдя по широкому коридору, остановились у высокой резной двери.

— Иди, тебя ждут,— сказал бритоголовый албанец в феске.

Георгиос открыл дверь и вошел в большую светлую комнату, застланную коврами. За письменным столом из красного дерева сидел в кресле немолодой мужчина с густой, слегка волнистой черной бородой, в строгом темном одеянии. Это был кир Мантос. Он казался суровым и мрачным человеком. Но такое впечатление было обманчиво: оно возникало лишь у тех, кто видел его впервые. За мрачноватой внешностью Иконому скрывалась добрая и отзывчивая душа.

Он поднялся с кресла, подошел к Караискакису, пристально посмотрел ему прямо в глаза, в самые зрачки, потом, обняв за плечи, подвел к стоявшему у стены дивану и посадил рядом с собой.

— Я говорил с пашой,— сказал он Георгиосу.— Он согласен освободить тебя, если ты поступишь в его войско, в один из греческих отрядов.

— Поступить на службу к Али-паше? К врагу клефтов?

— Что делать? — усмехнулся кир Мантос.— Я ведь служу, и многие служат. Зато только здесь, в Янине, мы, греки, чувствуем себя греками. Здесь и только здесь — очаг нашей культуры и самобытности: мы сохраняем его для будущего возрождения... Ты плохо выглядишь, мой мальчик,— продолжал секретарь визиря.— В тюрьме ты не справишься от истязаний, которым подвергли тебя эти негодяи. Остаться в подземелье — значит погибнуть... А ты, юноша, только начинаешь жить. Поверь мне, я желаю тебе лишь добра. Поступив в войско паша, ты не совершишь бесчестного поступка. Тебе не придется поднять оружие против наших братьев. Для этого паша использует наемников со своей родины: они воюют за наличные деньги. Греческие отряды визирь держит на всякий случай, на «черный день», если вдруг окажется в крупной ссоре с султаном... А ты, сын мой, обретешь свободу! Выйдешь на волю, поживешь, окрепнешь, а там будет видно... Подумай, через три дня дашь ответ.

Караискакис вернулся в подземную камеру. Противоречивые мысли и чувства одолевали его. Вырваться из тюрьмы было страстным его желанием. И вот перед ним готова распахнуться кованая дверь темницы... Но какой ценой обретет он свободу? Кир Мантос говорит, что он не совершит бесчестного поступка. Но так ли это действительно? Не будет ли это изменой, отступничеством, проявлением непростительного малодушия? Не будет ли это предательством по отношению к товарищам, находившимся вместе с ним в заключении? Не

осудят ли они его с презрением и негодованием? Как посмотрит он в глаза этим изможденным, обреченным на гибель людям? Но в конце концов Георгиос решил принять предложение кира Мантоса: ведь, вырвавшись на волю, он снова сможет жить и бороться!

Через несколько дней Караискакис вышел из тюрьмы и поступил в греческий отряд, размещенный в казармах на окраине Янины. Началась для него новая жизнь в столице Эпира. Солдаты стояли в карауле, назначались в ночной дозор, проходили военное обучение.

Прошло время. Караискакис вырос и возмужал. Он отпустил усы, у него отросли длинные волосы. И по-прежнему на смуглом лице его с чуть вздернутым носом выделялись глубоко посаженные жгучие глаза.

Общая судьба, дух землячества, тоска по родным местам, все это сближало между собой греков, служивших в войсках Али-паши в Янине. Когда они собирались вместе, им начинало казаться, что они — частица Греции. Они хранили свои обычаи и привычки, национальные традиции. Пели песни своей родины, устраивали танцы.

Но порой Георгиосу становилось невыносимо тоскливо, и тогда он искал одиночества. Шел к озеру и садился на берегу, у самой воды. Задумчиво смотрел вдаль, на лодки-фелюги, бороздившие темно-зеленую озерную гладь, на остров с монастырем и деревенскими домиками, на скалистый противоположный берег, на заснеженные горные хребты. Он смотрел туда, где начинался суровый и труднодоступный Пинд, за которым расстилалась залитая солнечным светом его Фессалия. Фессалия — родимый край.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Кир Мантос, полюбив Караискакиса за ум и честность, приблизил его к себе. Георгиос стал бывать в доме личного секретаря Али-паши.

В тот вечер обычно сдержанный и несколько угрюмый Иконому был в хорошем, приподнятом настроении. Они сидели вдвоем в уютной комнате, освещенной свечами, и Караискакис рассказывал о юных клефтах из фессалийской деревушки Гралиста.

Хозяин дома слушал внимательно, пряча в бороду добрую улыбку, и вдруг вскочил с софы и зашагал по комнате, неслышно ступая по персидскому ковру. Остановившись внезапно, он поднял руку и громко произнес:

Что ж, братья палликары,
До коих будем пор
Мы, словно львы, гнездиться
По кручам диких гор?

— Что это? — спросил Караискакис, почувствовав неизъяснимую силу в этих чеканных, каких-то грозно-торжественных словах.

Но кир Мантос, не ответив ему, продолжал читать стихи:

Огнем твердыни вражьи
Снесем с лица земли!
Одна да будет воля,
Один в нас дух! Вперед!
Пока наш меч тиранству
Корней не подсечет...

— Что это? Что? — нетерпеливо выкрикнул Георгиос, забыв о сдержанности и почтительности, которые необходимо соблюдать в присутствии секретаря визиря.

— Это, друг мой, «Военный гимн» Ригаса. Ригаса Велестинлиса. Тебе незнакомо это имя?

— Нет...

— Запомни его. Великий Ригас, герой и мученик...

Ригас был греческий патриот и революционер, философ, музыкант и поэт. Живя за границей, вдали от родины, он поставил своей целью подготовить и осуществить восстание в порабощенной Элладе. На Ригаса, так же как и на его соотечественников, огромное впечатление произвели события французской революции. Дух «галльской свободы» воспламенил сердца греков. Утром 10 августа 1792 года парижские санкюлоты в красных фригийских колпаках, люди рабочих предместий, храбрые марсельцы взяли штурмом тюильрийский дворец, резиденцию короля Людовика XVI. Монархия во Франции была свергнута. И это вселило веру в то, что можно бороться и против несравненно более могущественных тираний, что восставший народ способен разрушить все преграды на своем пути, добиться свободы. Ригас опубликовал составленную им конституцию для народов Османской империи, освободившихся из-под гнета султанского деспотизма, знаменитый «Военный гимн», ставший со временем широко известным в Греции. К сожалению, греческий революционер не успел осуществить свои замыслы. Выданный предателем, он был схвачен, передан австрийским правительством турецким властям и казнен вместе со своими сподвижниками летом 1798 года.

Стихи Ригаса, его героическая жизнь, о которой рассказал

кир Мантос, глубоко взволновали Караискакиса. Перед ним словно открылось окно в большой мир...

Молодому солдату приходилось не раз являться в крепость. Вот знакомые скрипучие ворота, у входа — бронзовая пушка: она похожа на собаку, сидящую возле своей будки. Здесь расхаживают стражники, останавливая каждого, кто приближается к владениям Али-паши. Во дворе на нижней галерее дворца толпятся слуги, воины, пажы, чернокожие невольники.

Однажды Караискакис удостоил своим вниманием сам паша. Солдат пришел в крепость зимним днем. Выпал снег, и каменные плиты серальского двора были покрыты белой рыхлой пеленой.

Юные пажы, сбжав по лестнице вниз, лепили снежки и кидались ими друг в друга, но их разогнал кто-то из дворцовых начальников...

На галерее Караискакис встретил кира Мантоса. Не успели они поздороваться, как послышались испуганные голоса. По галерее шел впереди своей свиты грозный властелин Янины. Заметив секретаря, Али-паша направился к нему. Визирь был очень толст, лицо его покрыто множеством мелких морщин. Маленькие васильковые глаза впелись в молодого воина, стоявшего рядом с чернородым Мантосом Иконому.

— Кто это? — отрывисто спросил Али-паша своего секретаря.

— Караискакис.

— Кто, кто?

— Караискакис. Был освобожден по вашему повелению из темницы. Теперь служит в греческом отряде...

— А-а, припоминаю... Пусть служит верно и честно. Я не забываю преданных слуг...

И улыбнувшаяся Георгиосу фортуна в виде толстого паши медленно проследовала дальше, сопутствуемая толпой высокопоставленных льстецов.

Но это милостивое внимание визиря обожгло Караискакиса, как пощечина. Али-паша оставался для него врагом: хитрым, умным, когда надо, вкрадчивым и обходительным, великодушным, но все-таки — врагом... Одно это имя внушало всем ужас. Паша был коварен и беспощаден. По его распоряжению отрубленные человеческие головы втыкались на колья, которые ставились посреди серальского двора. Людей умерщвляли в подземельях замка. Немало жертв Али-паши поглотили спокойные зеленоватые воды Янинского озера.

Паша изредка покидал дворец, совершая поездки по Эпиру. Он выезжал из ворот крепости в бесшумно и легко катившейся

французской коляске, запряженной четверкой великолепных коней. Развалившись на шелковом штофном сиденье, поглядывал в чистые зеркальные окна коляски, за которую были заплачены огромные деньги. Его сопровождал отряд стражников. Жители Янины останавливались и по пояс кланялись Али-паше. Весть о том, что хозяин выехал из своего дворца, быстро распространялась по округе. И жизнь замирала в тех местах, где проходил его путь. Люди разбегались, стараясь не попадаться ему на глаза. Пустели деревни, в них оставались лишь старики, которым уже нечего было терять. Люди боялись вызвать недовольство и гнев Али-паши, дрожали при мысли о расправах и наказаниях, готовых обрушиться на них за малейшую провинность.

Караискакис видел и долго не мог забыть, как под конвоем диких и грубых стражников по главной улице, ведущей к цитадели, шли закованные в цепи пленные клефты, измученные, обессиленные, в разодранной одежде, покрытой бурыми пятнами крови. Острая жалость к несчастным смешалась с жгучей ненавистью к янинскому деспоту. Караискакис с особой силой ощутил, как опостылел ему этот сытый и благополучный город, где должна оборваться жизнь настоящих людей, детей гор, гордых и не сломленных, неразлучных с ружьем и саблей. И он подумал с неприязнью даже о кире Мантосе, которому был стольким обязан. «Конечно, Мантос хороший человек, — стал рассуждать Георгиос, когда немного поостыл, — но он повинуетя во всем паше...» И тут же обрушился на самого себя: «А я? Что делаю я? Служу в войсках наместника султана!» И ему вспомнилась услышанная от Мантоса Иконному огненная строфа из «Военного гимна» Ригаса: «Одна да будет воля, один в нас дух! Вперед! Пока наш меч тиранству корней не подсечет...» «Вот что нужно делать! Нужно бороться! — мысленно произнес Караискакис. — Ты тогда лишь живешь, когда действуешь! Жить — значит бороться...»

И неизвестно, в этот ли момент или позже, но родилась в нем решимость бежать из Янины, вернуться на родину, променяв спокойное прозябание на вольную жизнь, полную неизвестности и риска.

Это его намерение еще больше окрепло после того, как до столицы Эпира дошли слухи, что в горах Аграфы вновь разгорелась партизанская борьба, которую возглавил капитан Кацандонис. Георгиос с любовью и надеждой повторял про себя имя этого клефта, чьи подвиги вызывали проклятья у паши.

ПОБЕГ

И вот он исчез из Янины. Исчез, как будто испарился, как будто его там никогда и не было. Солдата искали в городе и окрестностях. Но поиски эти не дали результата. Поговаривали, что молодой грек убит и тело его брошено в озеро.

А Георгиос тем временем все дальше и дальше удалялся от столицы Эпира, спеша в горы Аграфы, в родную Фессалию.

Он избегал идти по открытой местности, выбирал глухие, укрытые от людских глаз тропинки, спускался в дикие ущелья, поднимался на горные склоны, покрытые густыми лесами. На больших дорогах были расставлены караулы. Во владениях Али-паши люди не могли передвигаться свободно, по своему усмотрению. Отправиться в путь можно было, лишь имея специальный пропуск. Тех, у кого такого пропуска не было, стражники задерживали и доставляли в Янину, где нарушивших это правило ждала суровая кара.

Караискакис направился на юг, в лесистый Вальтос.

Ночью беглеца застигла в горах гроза. Вся местность вдруг осветилась от зловеще белесых молний, прочертивших крошечную тьму небосвода. Как из сотен пушек, ударили оглушительные раскаты грома. И хлынул ливень, пригибая к земле и ломая ветви деревьев.

Георгиос укрылся в расщелине скалы. Он глядел на пылавшее огненными всполохами небо, слушал, как, то затихая, то пробуждаясь с новой силой, грохочет гром, и ему казалось, что эта страшная гроза предвещает грядущие сражения, что сама судьба его предстала перед ним, что приоткрылась завеса над будущим, которое он сам избрал себе.

Перед рассветом буря утихла, растаяла так же внезапно, как и началась. И в освеженном грозой, влажном воздухе остро запахло миртом, розмарином, тимьяном, шалфеем и другими горными растениями.

Караискакис шел берегом реки Арты. Возле маленькой деревушки, где было всего лишь несколько бедных лачуг, видневшихся меж стволов деревьев, он встретил женщину в одежде из грубой серой ткани. Она несла в руках ребенка. Женщина настороженно взглянула на Георгиоса и ускорила шаг, скрывшись за кустами боярышника. Он перешел вброд реку, вскарабкался на противоположный склон, обошел еще одну деревню, прилепившуюся к скалам высоко над ущельем.

Перед ним открылся сверху вид на город Арту: белые до-

ма, древние византийские церкви и монастыри, сложенные из желтоватого камня, купола мечетей и стрелы минаретов, сады, стройные темные кипарисы.

Георгиос находился в тех местах, где в одной из деревень родилась и выросла его мать, но он не знал этого. Он продолжал свой путь и вскоре достиг гор Вальтоса, поросших дубовыми лесами. Здесь жили суровые и воинственные люди, пастухи, кочевавшие с места на место со своими овцами и козами. Они разводили также небольших, покрытых черной щетиной свиней, которые в изобилии получали здесь свой излюбленный корм — желуди.

Горцы жили в хижинах из сплетенных ветвей, с крышей из соломы и листьев. И почти в каждой хижине рядом с посохом пастуха — длинной палкой с заостренным концом — лежало ружье. Жители Вальтоса, отрезанные от окружающего мира горами и ущельями, умели защищаться. Турки многократно посылали сюда отряды наемников, но греческие пастухи при приближении врага бежали в глубь лесов, поджигая свои хижины, а потом неожиданно нападали на непрошенных гостей. Так и не удалось покорить обитателей этого края. Турки и албанцы боялись углубляться в бескрайние леса Вальтоса. Хозяевами здесь были необщительные и молчаливые горцы, гордившиеся тем, что родом из этих мест был знаменитый клефт Крйстос Мильёнис, о котором народ сложил немало песен.

И поэтому, лишь ступив под сень дубовых лесов Вальтоса, Карайскакис вздохнул с облегчением: здесь он был в безопасности.

Георгиос повстречал мальчугана лет восьми, пасшего овец.
— Не бойся, я тебя не обижу,— сказал он ему.

— А я и не боюсь,— спокойно проговорил пастушонок, с интересом разглядывая внезапно появившегося перед ним незнакомого постороннего человека.— Если кто нападет, захочет отобрать овец, я убегу и приведу с собой всю деревню! Только некому здесь нападать. Враги сюда не сунутся! Это наша земля, и мы ее охраняем...

— Чьи это овцы?

— Моего отца.

Мальчик, опираясь, как взрослый, на палку, продолжал рассматривать худого и измученного длинными переходами Карайскакиса.

— Хочешь есть? — спросил он Георгиоса.

И, вытащив из-за пазухи несколько мелких диких груш, которые сорвал где-то в лесу, протянул их беглому солдату.

— Пойдешь со мной? Мне пора возвращаться. Деревня недалеко...

Вся деревня состояла из десятка хижин, занимавших опушку леса. Над крышами вился дымок. Жители молча смотрели на Караискакиса, которого вел за собой маленький пастух. Мужчины были рослые, коренастые.

Мальчик подошел с Георгиосом к своей хижине.

— Отец, я встретил его в лесу...

Крестьянин, не проронив ни слова, жестом пригласил Караискакиса в хижину.

— Можешь переночевать у меня,— сказал он гостю.— Куда держишь путь?

— В горы Аграфы.

— А откуда идешь?

— Из Янины.

Скоро вся деревня знала, что незнакомец — грек из Янины. В хижину один за другим стали входить мужчины. Всем хотелось познакомиться с человеком, явившимся из Эпира, из большого города, где правит лютей Али-паша.

— Ты молод,— сказал отец пастушонка,— но, наверное, уже много повидал и узнал. Расскажи, что слышно, о чем говорят в Янине.

— Слышал я,— ответил Караискакис,— Али-паша поклялся бородой Магомета, что разобьет и уничтожит клефтов Кацандониса. А пока визирь клянется бородой своего пророка, славный капитан не сидит без дела, нападает на его отряды, убивает стражников, поджигает поместья беев... А еще слышал я одну военную песню, и крепко запала она мне в душу. И, говорят, летит эта песня, как птица, над нашей землей, и многие ее уже распевают. И есть в ней такие слова: «Дохнуть и час свободой отрадней, чем в тюрьме прожить хоть полстолетья в невольничьем ярме». Так что, братья, берегите свои ружья! Они вам пригодятся... Ну, а я иду к клефтам Кацандониса. Другого пути мне нет!

Горцы одобрительно зашумели, переговариваясь между собой, лица их выражали радость и надежду, и Караискакис с волнением почувствовал в эту минуту, что он среди настоящих друзей.

Он провел ночь в хижине, уснув на ворохе дубовых листьев, покрытых козлиной шкурой, а чуть свет его уже тряс за плечо сын хозяина:

— Вставай, дядя! Вставай! Отец велел дать тебе хлеб и сыр на дорогу. Вот возьми... Хочешь, я провожу тебя до того места, где мы вчера встретились? И овцы мои проводят тебя...

Они сидели на расстеленных лохматых капах, и над ними шумели сосны. Длинные пожелтевшие иглы устлали вокруг землю.

— Мы не знаем, кто ты... Друг или враг?

— Говорит, что идет из Янины.

— Ого, куда его занесло!

— Под крылышко Али-паши!

— Это шпион!

— Проклятый паша послал его выведать, где мы находимся!

— Если так, то песенка твоя, парень, спета...

— Никто меня не посылал... Я сам ушел из Янины, по собственной воле. А когда-то воевал не очень далеко от этих мест. Я из деревни Гралиста...

— Не верьте ему! Он шпион!

— Воевал? Сколько же тебе тогда было? Ты и сейчас выглядишь юнцом.

— Пятнадцать лет.

— Пятнадцать лет! Вы только послушайте, что он говорит!

— Не думаю, чтобы он врал,— сказал пожилой клефт с седыми усами на заросшем щетиной лице, в просторной, совершенно выцветшей бархатной куртке и грязно-серой, стиранной-перестиранной фустанелле.

— Ты, дядюшка Цакас, можешь за него поручиться?

— Я вижу его, как и вы, первый раз... Как звать тебя? — спросил Цакас.

— Караискакис. Георгиос Караискакис...

Не знал дядюшка Цакас тогда, не мог знать, что почти четверть века проведет он рядом, бок о бок с этим худошавым, похожим на цыгана человеком, что полюбит его, как родного сына, ближе и дороже которого нет на свете.

— Вот что, Караискакис, если тебя и взаправду так зовут,— сказал один из клефтов,— можешь пока остаться. Завтра мы ждем капитана. Он решит, что с тобой делать...

— Правильно! Пусть будет с нами. А чтобы вдруг не улизнул, мы за ним приглядим...

Караискакис рассказал горцам о том, как его схватили люди дервен-аги, как очутился он в Янине.

— Послушай, брат,— сказал клефт, который первым предложил ему остаться,— жизнь у нас трудная... Сам знаешь, если был когда-то клефтом. Живем, как лесные звери: с земли встаем и на землю ложимся, да еще пули свищут над головой... Не пожалеешь после, что вступил в отряд?

— Я могу пожалеть лишь о том,— ответил Караискакис,— что не пришел к вам раньше...

На следующий день приехал Кацандонис. Он сидел на низкорослой горной лошадке темной масти. Капитан вынул ногу из веревочного стремени со скользющим узлом и легко соскочил на землю. Неустрашимый предводитель клефтов, о котором не умолкала народная молва, был совсем еще молодой человек, невысокого роста, с нездоровым желтоватым цветом лица. На голове его был повязан черный платок, из-под которого выбивались длинные каштановые волосы. Как узнал потом Караискакис, капитан носил траур по своим погибшим родителям. В тот же день Георгиос встретился с Кацандонисом.

— Барба Цакас, дядюшка,— сказал тот тихим, но твердым, уверенным голосом,— говорил мне о тебе. Ты просишься в отряд?

— Для этого я и пришел из Эпира.

— А что ты умеешь делать?

— Стрелять.

— И ездить верхом?

— Немного...

— Ты согласен отказаться от всего, что тебя окружало прежде, и связать отныне свою судьбу с нашей судьбой?

— Согласен.

— И готов пролить свою кровь за наше дело?

— Да, готов.

— И голодать, и мокнуть под дождем, и мерзнуть на снегу, и умирать от усталости и лишений?

— Да, капитан.

— И если тебя схватят чоадары, сумеешь вытерпеть пытку, не выдашь своих? Поклянись!

— Не выдам! Клянусь! Раз я уже побывал в лапах у чоадаров и не знаю как, но остался жив...

— Хорошо. Не смею тебе отказать. Посмотрим, каков ты в бою... А пока устраивайся, привыкай. Эй, Цакас! Барба Цакас! Дай ему ружье. Не голыми руками же ему воевать...

Караискакис порывистым движением схватил маленькую и твердую, смуглую руку Кацандониса и крепко сжал ее в своих ладонях.

* * *

Кацандонис (его настоящее имя Андонис Макрияннис) был родом из здешних мест. Он вырос в деревушке Миреси, затерявшейся в горах Аграфы. У него было четыре брата и сестра, и он, Андонис, был самым старшим. Ему шел два-

дцатый год, когда наступил день, круто изменивший его жизнь.

Ранним летним утром 1800 года в Миреси ворвался отряд стражников Али-паши. Наемники согнали крестьян на площадь перед церковью, и начальник чоадаров стал кричать на горцев, спрашивая, почему они не платят налог визирю. Он приказал привести сюда деревенских старост — кодзабáсов. Явились три старика в черных бараньих шапках. Они дрожали от страха и подобострастно кланялись. Главный наемник потребовал, чтобы они ответили, отчего подлая райя¹ не выплачивает налог — по четыре куруша² за каждую овцу. Один из кодзабасов заметил робким голосом, разводя руками, что у пастухов ничего нет, это жалкая беднота. Тогда бей дал знак, чтобы расстелили на земле капу, и повелел: пусть каждый крестьянин положит на эту бурку по сто курушей. Но лишь старики кодзабасы да немногие зажиточные горцы смогли выполнить его приказание. Скоро звон падающих на капку монет прекратился. Наступила тишина. Толпа замерла и не двигалась. И тут своих односельчан-аграфитов попытался защитить Андонис. Он осмелился вступить в пререкания с беем, закричал, что бедные пастухи не могут заплатить ему столько денег. Тот пришел в ярость, услышав, что какой-то невидимый в толпе негодяй пробует возражать, и сказал, чтобы стражники отыскивали смутьяна и привели к нему. Но горцы, которых чоадары стали грубо расталкивать, хлестать плетками, не выдали молодого Макриянниса, помогли ему скрыться. Рассвирепевший албанский начальник велел схватить первого попавшегося крестьянина, а им оказался слабый, тщедушный старик, и поднять его на дыбу, выломать ему плечевые суставы...

В то страшное летнее утро Андонис Макрияннис покинул навсегда свою деревню. Три его брата тоже ушли вместе с ним. И скоро вся округа заговорила о бесстрашных и удачливых клефтах Кацандониса. Это прозвище «беглец Андонис» дали капитану албанские стражники, имея в виду то, что он бежал из родной деревни.

Али-паша жестоко отомстил мятежному горцу. В 1802 году чоадары, нагрянув в Миреси, схватили отца и мать Кацандониса, посадили на мулов, привязав к седлу, и отправили в Янину. А там их вывезли ночью в лодке на середину озера, привязали к шее камень и бросили в воду...

¹ Райя — стадо. Так в Османской империи с XVIII века называли поданных султана — немусульман.

² Куруш (пиастр) — денежная единица в Османской империи.

Через несколько дней после того, как Георгиос был принят в отряд, клефты атаковали наемников. Ружейные выстрелы отозвались среди скал гулким, раскатистым эхом. Караискакис вначале растерялся: он держал в руках свое длинное кремневое ружье, заряженное с дула свинцовой пулей, но не стрелял, словно не знал, что с ним делать.

— Чего замер, как истукан? — закричал барба Цакас. — Стреляй! Стреляй, тебе говорят! — И, подскочив к Караискакису, Цакас крепко стукнул его по шее...

Георгиос очнулся, старательно прицелился и выстрелил.

— Молодец! — одобрительно признал Цакас, видевший, как, сраженный пулей Караискакиса, упал один из наемников, увешанный дорогим оружием.

Вечером старый клефт, сидевший рядом с Георгиосом у костра, сказал:

— Тебе повезло — в первом же бою подстрелил шакала! Ты мне нравишься, парень! Только береги себя. Не лезь зря под пули. Ты не беспокойся... Если ранят тебя, я буду ухаживать за тобой, лечить разными травками. А убьют... — Цакас запнулся и замолчал. — Нет! — заговорил он снова. — Этого не случится. Все будет хорошо. Нас, клефтов, не так просто спровадить на тот свет. Вот я... Сколько раз в меня стреляли! И иногда попадали... На моей шкуре немало дырок и шрамов. А я живу! Ничего мне не делается...

Так закончился этот памятный для Караискакиса день. Лагерь клефтов погрузился в сон. Лишь часовые не спали и негромко переключались. Ночи в горах холодные, и Георгиос замерз. Кто-то подошел к нему и укрыл капой. Это был барба Цакас...

В другой раз Караискакис участвовал в освобождении пленных горцев.

Когда Кацандонису сообщили, что сюда, к глубокому и узкому проходу, движется колонна крестьян под конвоем чоа-даров, он приказал своим воинам занять теснину, спрятаться за деревьями и камнями и ждать.

Двести горцев, связанные друг с другом веревками, брели по снегу, оставляя кровавый след: многие были ранены. Стражники подгоняли пленников плетками, спеша засветло, пока не кончился короткий зимний день, попасть в ближайший маленький город на пути к Янине, куда направлялась колонна. Впереди следовали кавалеристы, в середине — пленные горцы, а сзади — пешая охрана.

Показался вход в теснину, похожий на тоннель. Конные

стражники въехали в это дикое, мрачное место, где сверху, из-за нависших ветвей могучих деревьев и гранитных глыб, небо было едва видно. Цокали в тишине копыта по скалистому дну ущелья. И вдруг слева и справа, сверху — грохот выстрелов, огонь и дым. Испуганно заржали кони. Чоадары, соскочив на землю, укрылись за камнями и начали отстреливаться. Но почти все они погибли от метких клефтских пуль. А пешие стражники, не успев войти в ущелье, разбежались.

Партизаны разрезали ножами веревки и освободили пленников.

Кацандонис очень беспокоился о судьбе своей сестры, о которой не поступало никаких вестей. Когда Андонис бежал из деревни, девочке было двенадцать лет. Где она? Что с ней? Жива ли? Проходя вместе с клефтами через горные селения, спасая от неволи горцев, мужчин и женщин, он всегда расспрашивал их, не встречалась ли им девушка из деревни Миреси по имени Элени, дочь Макриянниса. Так поступил он и сейчас.

— Послушай,— обратился капитан к одному горцу с окровавленной, рассеченной плеткой щекой,— я давно разыскиваю в горах свою единственную сестру. Скажи, не знал ли ты в своей деревне девушку с русыми волосами? Она, как я помню, была хорошенькой девочкой, а теперь, если ничего с ней не случилось, наверно, стала настоящей красавицей. Может, ты видел ее в какой-нибудь другой деревне?

— Девушка с русыми волосами? Нет...— покачал головой горец.— Что-то не припомню.

Но Кацандонис не терял надежды встретить сестру, которую очень любил. Он почему-то был уверен, что она жива и здорова, и оказался прав.

Некоторое время спустя партизаны гор вернули свободу женщинам, которых стражники гнали в неволю. Среди одетых в отрепья, босоногих пленниц внимание капитана привлекла красивая стройная девушка лет восемнадцати. Он подошел к ней поближе и стал, стараясь, чтобы было незаметно, пристально разглядывать ее. У девушки были огромные темные глаза. И эти глаза, и особенно светлые, давно не чесанные и не мытые волосы пробудили в нем какие-то смутные далекие воспоминания. Сердце тревожно забилося.

— Ты из здешних мест? — спросил он девушку.

— Нет,— ответила она,— моя деревня далеко отсюда. Миреси...

— Что?! — вскричал Кацандонис.— Ты сказала — Миреси?

— Да, конечно. Так называется деревня...

Капитан клефтов в этот миг понял, почувствовал, что перед

ним его родная любимая сестра, которую он не видел восемь лет.

— Элени! — воскликнул он. — Ты Элени!..

— Да, — растерянно произнесла девушка, пораженная тем, что этот клефт знает ее имя.

— Элени! Сестра моя! — Кацандонис схватил в свои объятия девушку, крепко прижимая ее к груди.

Наконец он нашел сестру, маленькую Элени! Какое счастье! Весь день он не отходил от нее.

Они сидели под старым развесистым платаном, вспоминали свою деревню, отца и мать, братьев, которые, подобно Андонису, воевали в горах.

— Тебе нельзя жить одной, — говорил он, глядя ее смуглую нежную руку. — Если стражники узнают, что ты сестра Кацандониса, тебе несдобровать... Ты останешься с нами, в отряде. Будешь стряпать, чинить нашу одежду, ухаживать за ранеными... Ах, сестренка, дорогая сестренка!.. Сколько горя выпало на твою долю! Зверь Али-паша казнил наших несчастных родителей... Ну ничего... Я позабочусь о тебе...

Это было последнее радостное событие в жизни Кацандониса. Наступили тяжелые времена. Войска Али-паши теснили клефтов со всех сторон. Беда не приходит одна. Капитан заболел, и его отнесли на носилках к отвесной горе и спрятали там в пещере, куда вела над бездной узкая тропинка, на которой видны были лишь следы коз.

Кацандонис исчез! Шпионы и лазутчики Али-паши рыскали по деревням, допытываясь у крестьян, куда подевался вождь мятежников. Людей пытали и мучили. Один горец не выдержал пыток и сказал, где находится Кацандонис...

И вот в августе 1809 года в ворота янинской крепости проскакал всадник на взмыленной лошади. Бросив поводья слуге, он взбежал по лестнице, спеша в покои визиря. Гонец вошел в комнату, где находился паша, склонился перед ним до самого пола и поцеловал небрежно протянутую ему пухлую руку, на которой тысячью огней полыхнул перстень с огромным бриллиантом.

— Мой паша! — произнес вошедший, еле переводя дух. — Кацандонис схвачен! Его везут в Янину...

Обрадованный, довольный визирь засмеялся своим гортанным, булькающим смехом...

Вместе с Кацандонисом был схвачен и привезен в Янину брат его Хасиотис. Али-паша, стараясь выведать, где клефты спрятали золото, велел подвергнуть обоим ужасным пыткам: палачи раскаленными клещами вырывали у них на ногах мясо... Но Андонис и Хасиотис молчали. Если и было это

золото, то оно не должно достаться алчному визирю; золото по праву принадлежит клефтам, пригодится им в дальнейшей борьбе.

Накануне казни Али-паша со своей свитой и охраной спустился в подземелье дворца, где проводили последние часы своей жизни Кацандонис и его брат. Он думал, что увидит измученных, смирившихся узников. Но они не покорились, не пали духом, глаза их лихорадочно горели. И паша понял, что нет такой силы, которая могла бы сломить этих людей. И все-таки он не отказал себе в удовольствии напомнить им о том, что ждет их завтра.

— Вы так и не сказали, где припрятали свое золото. Ну что ж... Тем хуже для вас. У меня достаточно сокровищ, обойдусь и без вашего поганого золотишка. А вас завтра казнят. Страшной казнью. Не хотел бы я оказаться на вашем месте! Вас разденут донага и положат навзничь на толстые железные листы, крепко привяжут к ним. И мои люди возьмут в руки тяжелые молоты и будут удар за ударом дробить кости ваших ног и рук. А потом, если вы, псы окаянные, еще не окочуритесь, вам сломают молотом грудь, ребра... И вы захлебнетесь собственной кровью... Такая казнь ждет вас завтра. Вы вполне заслужили ее...

Визирь сдержал свое слово.

Зимним днем, когда столица Эпира лежала в снегу, и небо было пасмурно и хмуро, и каркали вороны, кружась над берегом, Кацандонис и его брат, высокий и широкоплечий красавец Хасиотис, были преданы мучительной смерти на площади перед сералем.

Сопротивление клефтов было сломлено. Уцелевшие горстки партизан скрывались среди утесов и расщелин на скалистых вершинах. Убедившись, что дальнейшая борьба бесполезна, греки покинули горы и отправились на западное побережье, к Ионическому морю.

Измученные, голодные, в износившейся грязной одежде, вышли они на берег.

Шумел прибой. На берегу сушились рыбацкие сети, в которых блестели чешуйки. Пахло рыбой, водорослями, свежим, упругим соленым ветром. Вдали шла под парусом фелюга. Неоглядный синий морской простор сливался у туманной полоски горизонта с небом.

Клефты были печальны, мрачны. Что ждет их? Какие испытания? Куда забросит их судьба? Неужели их борьба, пролитая ими кровь и понесенные жертвы были напрасными? Неужели враг так силен и могуч, что невозможно сорвать петлю, сдавившую горло их матери-родины?

Они сидели молча на морском берегу, и думы их были горьки и безрадостны. И вдруг один из них вскочил, потряс длинным албанским ружьем и выстрелил в воздух.

Это барба Цакас вздумал встряхнуть, приободрить своих товарищей.

— Братья клефты! — закричал он. — Что повесили нос, приуныли? Руки, ноги у вас целы? Голова на месте? Тогда нечего горевать. Мы постреляем еще, повоюем! Верно я говорю, друг Карайскакис?

— Верно, барба Цакас! Главное у нас впереди! — ответил Георгиос, глядя с улыбкой на старого клефта.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

С каждым годом росло могущество Али-паши. Он одолел своих врагов. Покорил крупных соперников, тех, кто пытался оспаривать у него власть. Утихомирил и подчинил себе пашей и беев, занятых бесконечными распрями. Достиг и того, к чему давно стремился: победил мятежное племя сулиотов.

Он начал длительную осаду Сули, прервав сообщение горцев с внешним миром. Осажденные оказались в отчаянном положении. Голодные люди сдирали кору с деревьев, рвали траву и, добавив немного муки, готовили горьковатое варево. Пили дождевую воду, а когда она иссякала, спускали на веревках в Ахерон губки со свинцовым грузом и, подняв их наверх, высасывали драгоценные капли... Войско Али-паши ринулось на штурм крепостей и захватило их, жестоко расправившись с героями Сули.

Янинский визирь стал одним из богатейших людей в Османской империи. Ему завидовал сам султан.

Феодал поднялся на вершину власти, богатства и славы, но над ним уже сгушались тучи. Махмуд II решил его уничтожить. Правда, сделать это было нелегко даже султану: у Али-паши была большая, хорошо обученная армия, и засел он в своей Янине, в самом сердце горного Эпира.

Жил он в еще большей роскоши, в окружении рабов, слуг и пажей. Иногда властелин уезжал из Янины в свой родной город Тепелену, где за крепостными стенами находился его дом, с беломраморным залом и богато убранными покоем. Здесь он принял однажды с восточным гостеприимством слегка прихрамывавшего молодого и красивого англичанина. Это был путешествовавший по Эпиру знаменитый поэт лорд Байрон, который посвятил потом визирю и его шумному разноплеменному двору несколько строф.

Али-паша состарился. Голубоватые глазки его выцвели, подернулись влагой. Покраснели тяжело набрякшие веки. На облысевшей голове вились редкие колечки седых волос.

Несмотря на почтенный возраст, визирь был по-прежнему полон бодрости и энергии. Он сохранил ясность рассудка, острую пронизательность своего гибкого ума, цепкую память. Он был хорошо осведомлен в том, что происходит в мире, за пределами его владений. Прекрасно разбирался в делах тогдашней европейской политики, в противоречиях, существовавших между крупнейшими державами, между Францией, Англией, Россией, Турцией и другими странами, умело лавировал, стремился использовать эти противоречия для своей выгоды. На его глазах родилась, достигла своего апогея и рухнула империя Наполеона, перед которым он, когда тот был еще просто генералом Бонапартом, рассыпался в лъстивых заверениях преданности и дружбы, хотя вскоре напал на французские отряды на побережье Адриатики и разгромил их...

Но государственные заботы не помешали старому паше с белой бородой влюбиться без памяти в юную гречанку. Ее звали Василики. Было ей восемнадцать лет.

Она жила с родителями в одной из деревень Эпира. Рыскавшие по округе люди Али-паши схватили красивую девочку и, несмотря на заклинания матери, увезли в Янину. Василики выросла в гареме, который охраняли свирепые черные евнухи, чья родина была на далеких берегах африканского озера Чад.

Ослепительная красота девушки покорила старика, и он потерял голову, поддавшись охватившей его страсти. Грозный повелитель превращался в ее присутствии в кроткого ягненка. Для Али-паши было высшей милостью, когда Василики с загадочной улыбкой на губах гладила своими длинными нежными пальцами, униженными бесценными перстнями, его дряблые щеки. Он сделал ее своей законной женой, несмотря на то что она отказалась принять мусульманскую веру.

И все же любовь к прекрасной гречанке не охладила интереса паши к делам и политике. Почти ежедневно к нему являлся с докладом Мантос Иконому. Секретарь и ближайший советник сообщал ему последние новости, они вместе обсуждали неотложные вопросы.

Вот и сейчас он стоял перед пашой в уединенной комнате янинского дворца. Визирь сидел в своей любимой позе на широком диване, поджав под себя ноги и прислонившись к атласной подушке.

— И еще, мой паша,— сказал кир Мантос, заканчивая доклад.— Нам стало известно, что англичане собираются распустить свои греческие батальоны на Ионических островах...

— Вот как! — отрывисто проговорил Али-паша.— Значит, наши друзья англичане уже не нуждаются в услугах этих разбойников.

Он был прав. Англия использовала солдат-греков в борьбе с французами у западного побережья Эллады, но после крушения наполеоновской империи она установила свой протекторат над Ионическими островами, и греческие подразделения были ей больше не нужны. Правительство решило расформировать эти отряды, состоявшие в основном из клефтов, которым пришлось бежать с материка.

Али-паша сидел, полузакрыв глаза. Мантос Иконому знал, что в эту минуту он обдумывает какую-то родившуюся в его голове мысль.

— Вот что,— сказал правитель.— Надо передать этим войскам, что они могут возвратиться на родину. Пусть служат у меня арматолами. Хоть они и разбойники, но ничего не могу с собой поделаться, люблю вас, греков...

И паша засмеялся, весь затрясся своим рыхлым, разжиревшим телом. Потом вытер пальцем выступившие на глазах старческие слезинки.

Кир Мантос почтительно улыбался. Он-то хорошо знал, слишком хорошо, что часто означала на деле любовь паши к грекам... Но сейчас, уже сколько раз за эти годы, его поразила хитрость визиря, изворотливость ума. Ведь Али-паша хотел переманить греческих солдат на свою сторону, оттого что не сомневался: вернувшись домой, многие из них уйдут в горы и снова станут клефтами. И, кроме того, в это смутное, тяжелое для него время он искал себе опору.

В тот же день Мантос Иконому отправил своего человека на один из крупных Ионических островов.

Так еще раз пересеклись незримые нити между Али-пашой и Караискакисом. Ведь Георгиос служил тогда у англичан и носил красный мундир солдата греческого батальона. Вместе с ним были Цакас и другие клефты. Все они были вынуждены поступить на иностранную службу, надеясь, что со временем смогут вернуться на родину.

Остров, где находились друзья, был расположен совсем близко от материка. Только узкий пролив, который можно быстро переплыть на лодке... Как хорошо, как отчетливо виден гористый берег, поросший вековыми деревьями! Он пустынен и безлюден. Ночью окутан мраком, и в этой непроницаемой мгле не вспыхнет ни один огонек...

Караискакис с горечью и тоской говорил Цакасу:

— Постылая жизнь, солдатская служба! Проходит время, и никаких перемен. Когда же мы наконец возвратимся домой?

Георгиос был худ, кожа да кости. На цыганском лице резко обозначились скулы. Здоровье у него неважное, он часто хворал. Но он был охвачен яростной страстью жить и бороться... В нем горел, не погасая, внутренний огонь. И, казалось, он сжигал его. И от этого у него такое темное, словно опаленное пламенем, лицо...

Цакас с крестьянской рассудительностью успокаивал его: — Не горячись! Имей терпение. Скоро все изменится...

И вот эти перемены наступили. Англичане уволили палликаров со своей службы. И те приняли предложение янинского визиря: они могли теперь законным путем вернуться на родину.

Кончилось их вынужденное изгнание. Вместительная лодка — кайк с дырявым парусом — доставила их на родной берег.

Турки и богачи-греки с недоверием и затаенной злобой встретили арматолов. Еще бы! Какие-то людишки без роду и племени, и в прошлом — клефты. Им стали угрожать... В 1815 году арматолы, договорившись между собой, покинули города, где они служили, где их ждали пуля или предательский удар кинжалом из-за угла. Они отправились в хорошо знакомые Караискакису леса Вальгоса.

Там стали совещаться, что делать, куда идти, где найти пристанище. На родной земле они чувствовали себя как на чужбине.

— Всюду у нас враги, — сказал Георгиос. — Остается одно — идти в Янину, к Али-паше. Это тоже враг, жестокий и неумолимый, но мы сейчас ему нужны. Он с султаном на ножах и боится, что тот его раздавит. Старый лис Али-паша хитер, но мы, клефты, перехитрим его. Скажем, что хотим у него служить, сами же будем готовиться к новым битвам...

Однако многим такой шаг показался слишком рискованным. Ведь визирь был властным и капризным человеком, его настроение менялось в течение дня. И никто не смог бы предсказать, как поведет он себя, увидев перед собой клефтов, которые в свое время причинили ему столько хлопот и неприятностей.

— А о себе, Цыган, подумал? — забеспокоился барба Цакас. — Ты рискуешь больше всех. Раз уже обманул пашу, сбежал от него, и теперь, думаешь, он тебе это простит?

И все-таки клефты решили идти в Янину: иного выхода не было. И они двинулись на север. Шли цепочкой по горным тропинкам, пробирались сквозь заросли вереска и крушины, над ними гигантскими шатрами вздымались вечнозеленые дубы с темными глянцевыми листьями.

Георгиос вспомнил пастушонка, которого повстречал когда-то в этих местах. Где он, что с ним? Прошло немало лет,

и он стал теперь взрослым. Живет ли по-прежнему в своей деревне, пасет овец и коз? Женится, обзавелся семьей? Или покинул лесистые горы Вальтоса?

Было раннее утро, и над отрогами Пинда разливалось алое зарево, когда к городским воротам подошли скитальцы-палликары. Они опустили ружья дулом вниз в знак того, что пришли с мирными намерениями. Стражники с изумлением глядели на них. Наконец главный чоадар, в чалме, похожей на поднявшееся из горшка тесто, грубо спросил:

— Кто такие? Зачем явились?

— Мы пришли,— сказал Караискакис,— чтобы встретиться с визирем. Идем издалека. Ты видишь, мы еле держимся на ногах. Дай нам хлеба...

Стражники стали советоваться, что делать с непрошеными гостями. Решили послать во дворец гонца. Вскоре оттуда пришло повеление от самого паши: палликаров накормить, а потом привести к нему.

Жители Янины останавливались и глазели на греков, которые под охраной стражников шли по улицам.

— Клефты!

— Куда их ведут?

— Во дворец!

— Бедняги! Кончилась их жизнь!

— Разбойники!

— Поймали их или они сами сдались?

— Все равно паша не помилует!

Вот и крепостные ворота. Бронзовая пушка. Двор сераля. Все знакомо здесь Караискакису. Ничего не изменилось. Гулко раздаются шаги по каменным плитам. Снуют воины, пажи. Чоадары в белой одежде и красных фесках, похожие на петухов. Слуги, дворцовая челядь, рабы... Черное, белозубое, с голубоватыми белками глаз лицо африканца. У стен полукругом стоят оседланные кони, нетерпеливо бьют копытами, ржут, потряхивают мордой, отгоняя прилипчивых слепней. Слуги ползают на коленях, подбирают упавшие на плиты теплые конские яблоки...

В полутемном коридоре, перед входом в покои паши, клефты кладут на пол свои ружья, снимают с себя и оставляют здесь оружие. Высокие резные двери отворяются, и они один за другим входят в роскошно обставленную комнату.

Али-паша, скрестив на груди руки, выпятив толстый живот, стоит у окна, из которого видно озеро. Молча смотрит на палликаров.

Взгляд его останавливается на Караискакисе. Нахмутив брови, визирь подходит к нему.

— Это ты, Караиско? Я тебя узнал... Хорошо же ты оплатил мне за мою доброту... Что молчишь? Или я ошибся? Или ты не Караиско?

— Ты не ошибся, мой паша. Это я...

— Ты предал меня! Что мне теперь с тобой делать?

Он подходит к мраморному столику, на котором рядом с бронзовыми часами лежит пистолет. Визирь берет это красивое оружие с четырехгранной рукояткой, покрытой красной и зеленоватой эмалью, вертит его в руках, не сводя глаз с Георгиоса.

— Мой паша! — Караискакис, разыгрывая роль раскаявшегося грешника, смиренно опускает голову.— Я в твоей власти, и жизнь моя в твоих руках. Но зачем ворошить прошлое? Что было, то было... Если можешь простить меня, прости. Если можешь снова взять в свое войско, возьми. Если же считаешь, что я заслуживаю смерти, вели утопить в озере...

— Мне нравятся твои слова,— говорит Али-паша, кладя пистолет на столик.— Раз так, забудем прошлое. Я беру вас всех к себе на службу...

РЕВОЛЮЦИЯ У ПОРОГА

Греки при дворе визиря — чиновники, секретари, военные, врачи — собирались иногда по вечерам в доме Мантоса Иконому. Приходил сюда и Караискакис.

В тот вечер гости, как всегда, расположились в большой парадной комнате. Одни сидели на диванах, курили чубуки, другие прохаживались взад-вперед по гостиной. Мерцало, искрилось пламя восковых свечей. На стене двигались причудливые тени. Слуга-грек разносил маленькие чашечки с кофе.

Разговор шел о разном. О дворцовых делах и интригах, о действиях Али-паши, о планах и намерениях султана, о политике европейских государств, но в конце концов все сводилось к одному, главному: к положению в собственной стране. Горячо и взволнованно звучали слова об угнетенной, поруганной и несчастной родине, о страданиях и бедствиях народа, о том, что чаша терпения переполнилась, что назревает всеобщий бунт против османского ига. Не прямо, осторожно, полунамеками говорилось о друзьях и сторонниках за пределами Греции, о большой помощи, которую они оказывают.

Георгиос внимательно слушал, сидя скромно в углу. Особенно запомнились ему несколько фраз, которые с пылким воодушевлением произнес кир Мантос:

— Всё, братья, говорит о том, что скоро грянет буря. Она

не должна застать нас врасплох. Мы должны быть готовы... Я счастлив, друзья мои, и знаю, вы тоже счастливы, что мы дожили до этого замечательного времени. Предки завидовали бы нам! Подумать только, понадобилось четыре столетия бесправия, слез и страданий, чтобы началось это великое брожение. Сколько сменилось поколений, так и не дождавшихся свободы! Итак, готовьтесь, братья! Осталось недолго ждать!

Советник Али-паши постарел, сгорбился, борода его словно была посыпана растолченным мелом.

Гости стали расходиться, и Караискакис направился вместе со всеми к дверям, но Иконому подошел к нему и взял его за локоть:

— Не уходи. Я прошу тебя остаться.

Он увлек Георгиоса за собой к окну и тихо сказал:

— Я познакомлю тебя сейчас с одним человеком... Он хочет с тобой поговорить. То, что ты услышишь, удивит и обрадует тебя. Но ты должен хранить это в строжайшей тайне, иначе ты нанесешь вред нашему общему делу...

Кир Мантос произнес эти слова таким серьезным, торжественным тоном, что Георгиос почувствовал: сейчас произойдет что-то очень важное.

Хозяин дома вышел из гостиной и вернулся вместе с человеком, которого клефт Кацандониса видел впервые.

— Вот это и есть Караискакис, — сказал Иконому, обняв Георгиоса за плечи. — Это храбрый палликар, и свою преданность родине он доказал не словом, а делом. За его честность я могу поручиться. Иди, сын мой, за нашим дорогим гостем, сейчас ты все узнаешь...

Незнакомец, пропустив Георгиоса, вошел за ним в соседнюю комнату и плотно притворил дверь.

Этот человек был посланцем тайной организации «Филики Этерия», что означало «Дружественное общество». Организация была создана в России, в городе Одессе. Вначале она состояла всего лишь из нескольких человек, но скоро объединила десятки тысяч патриотов, боровшихся за освобождение Греции.

Движение этеристов крепло и расширялось. Оно распространилось в другие страны. Султан Махмуд не подозревал, что заговорщики действуют в двух шагах от его сераля в Константинополе... Подпольные ячейки возникли и в самой Греции. В революционное общество вступали клефты и арматылы, крестьяне и ремесленники, пастухи и виноградари, учителя и священники, врачи и ученые...

В разные уголки страны были направлены представители «Филики Этерии». Они занимались вербовкой новых членов,

соблюдая правила строгой конспирации. И человек, с которым Мантос Иконому познакомил Караискакиса, был одним из таких агентов.

Он рассказал Георгиосу о цели, стоящей перед обществом, и об обязанностях этеристов, призванных хранить непоколебимую верность родине и не жалеть своей жизни ради ее освобождения. Потом зажег маленькую свечку, передал ее Караискакису и стал произносить клятву, которую Георгиос с волнением повторял вслед за ним.

Все было необычно и торжественно: и полутемная комната, где происходило это посвящение в этеристы, и слегка трепетавший огонек свечки, и удивительные, полные глубокого смысла слова клятвы. Слова эти отчетливо, но негромко звучали в тишине, в которую был погружен дом:

«Клянусь тебе, священная и несчастная отчизна, клянусь твоим долголетним страданиям, клянусь горьким слезам, которые столько веков проливали твои несчастные дети! Клянусь моими собственными слезами, пролитыми в этот миг, и будущей свободой моих соотечественников, что целиком отдаю тебе! Впредь твои желания будут причиной и целью моих помыслов! Имя твое будет руководителем моих поступков и счастье твое — наградой моих трудов!»

Караискакис вышел из дома своего друга, как бы родившись заново. Отныне он — член тайного революционного общества! Безудержное ликование охватило его. Ему казалось, что он не идет по улице, а летит на крыльях...

Весь окружающий мир предстал перед ним в каком-то новом свете. И его собственная жизнь наполнилась новым смыслом.

Ему только что была открыта великая тайна. Он узнал, что и в его собственной стране, и в других странах тысячи и тысячи людей думают и работают во имя того, чтобы избавить Элладу от господства иноземцев. И он, Караискакис, принадлежит теперь этому огромному братству единомышленников и борцов!

Ему страстно захотелось тотчас же поделиться с кем-нибудь своей радостью. Но он вспомнил, что все его действия и поступки, все его поведение уже связывает тайна, которую он поклялся хранить даже под угрозой пытки, под угрозой смерти.

Никому не мог он рассказать о том, что с ним произошло, даже самому близкому ему человеку. А таким человеком стала для него молодая женщина по имени Гольфо, на которой он недавно женился. Гольфо была родом из глухой деревушки в Вальтосе. Георгиос полюбил эту скромную девушку, и она

будет верной спутницей всей его трудной и беспокойной жизни. Им редко придется быть вместе, их встречи будут несчастными и короткими, но Караискакис всегда будет знать, что его любят и ждут с нетерпением...

Город спал, словно вымер. Улицы были пусты. Караискакис шел размашистой походкой, тихо, едва слышно напевая клефтскую песню, которую пел когда-то с палликарами в горах Аграфы. Он был похож на запоздалого гуляку, возвращающегося с веселой пирушки.

Ему было неизвестно тогда, что многие греки, служившие во дворце Али-паши, тоже вступили в общество «Филики Этерия».

Если бы визирю сказали, что в его серале существует группа заговорщиков, которые поклялись вернуть Греции свободу и независимость, он рассмеялся бы. Это казалось дикой фантазией. Сераль — и заговорщики, бунтовщики! И кто? Эти почтенные греки во главе с Мантосом Иконому, эти люди, которые почтительно кланяются паше, выполняют любое его повеление...

Впрочем, Али-паше в то время было уже не до заговорщиков. Он думал совсем о другом: как уцелеть в опасном противоборстве с султаном, который намеревался покарать своего дерзкого вассала в Янине. Визирь строил разные планы, но он не знал, что все это бесполезно, что он обречен и скоро наступит конец.

Не знал он, что пройдет совсем немного времени, и Махмуд II двинет против него свою армию, которая вторгнется в его владения, что сыновья Мухтар и Вели попадут в плен, будут брошены в тюрьму, а потом казнены... И когда султанские войска захватят Янину, паша укроется с остатками верных ему солдат в крепости, начнется ее осада, но силы гарнизона иссякнут, турки займут крепость — главный форт Кáстро и внутренний бастион Ич-Калé. Али-паша, этот неукротимый старик, будет сражаться до последней минуты. Он будет убит в бою на острове в Янинском озере, куда переберется после падения крепости. Пуля настигнет его у монастырской стены. Голову паши отрежут и повезут в Константинополь и там выставят на воротах сераля. А тело предадут земле в Янине, возле крепостной мечети, рядом с дворцом, немым свидетелем его невиданного взлета и падения...

Начало знаменательного в истории Греции 1821 года Георгиос Караискакис встретил на острове Левкáс, расположенном в Ионическом море. Там собрались клефтские капитаны из Эпира, Западной и Восточной Греции, из других районов страны. До восстания оставалось менее трех месяцев. Все

жили в ожидании революционной грозы. Эллада, стяхивая с себя тягостное оцепенение многовекового гнета, готова была начать войну за независимость...

Капитаны приехали на Левкас, чтобы выработать план действий.

Остров казался самым тихим и безмятежным местом на земле. В городе — ослепительной белизны дома с балконами. Вдали виднеются окутанные дымкой горы. Вечнозеленые кустарники, апельсиновые и лимонные деревья, кактусы... Но первое впечатление обманчиво: не такой уж это рай. Здесь всем распоряжаются англичане.

Греческие капитаны собрались в доме одного известного поэта, руководителя местных этеристов. Чтобы не вызвать подозрений, они сделали вид, что пируют, весело проводят время. Стол был уставлен разными яствами. Гости разливали вино, пели, выходили на балкон... Все, кто проходил мимо дома, думали, что здесь веселится компания беззаботных кутил. А капитаны часто уединялись в одной из комнат и вели там разговор о предстоящей революции, распределяли силы повстанцев, обсуждали, где каждому из них предстоит воевать. Договорились, что одни, и в том числе Караискакис, будут действовать в Западной Греции, другие — в Восточной.

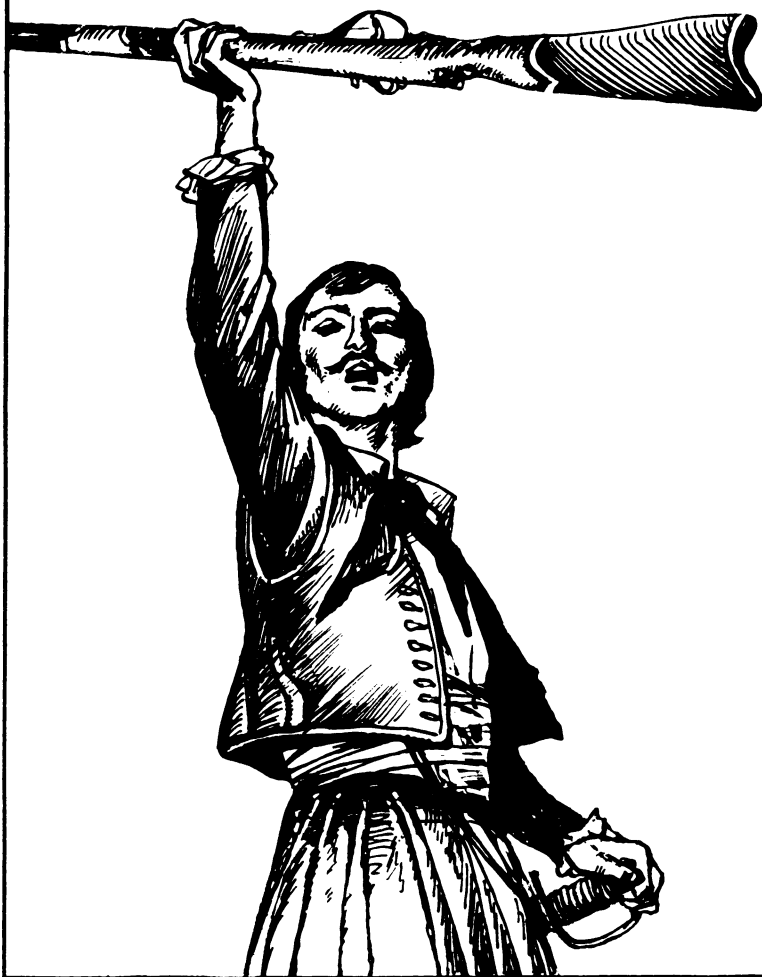
Несколько совещаний состоялось потом в окрестностях, в небольших церквушках.

Наступило воскресенье. Был праздник, и капитаны решили пройти по главной улице города.

В красных суконных шапочках, в расшитых куртках, в белоснежных фустанеллах, шли они, привлекая внимание горожан. Танцевали, пели. В окнах домов, на балконах было полно людей. Отовсюду неслись приветственные возгласы. Красивые черноволосые женщины в нарядных казакинах, в широких шелковых юбках махали им рукой, бросали цветы. Сотни восторженных глаз провожали капитанов, направлявшихся на площадь. И у многих рождалась догадка, что это не обычное карнавальное шествие, что идут солдаты армии свободы...

Греция дождалась своего часа. Национальная революция, выстраданная народом, стояла у ее порога.

НАБАТ ВОССТАНИЯ

Доблесть древнего народа,
Возродившаяся вновь,
Здравствуй, гордая Свобода,
Здравствуй, эллинов любовь!

Дионисиос Соломос,
«Гимн Свободе»

ФЛАГ ПОВСТАНЦЕВ НАД АКРОПОЛЕМ

Начало марта 1821 года... По степи в Валахии идет пестрое войско: солдаты не в мундирах и киверах, не в шинелях, многие в обычной крестьянской одежде — белые рубахи, куртки, капы, на голове — мохнатые шапки, скуфейки... Слышится разноязычный говор. В этой армии добровольцев — греки, болгары, сербы, албанцы...

Уже стаял снег. Обнажился желтоватый покров земли. Кое-где под лучами весеннего солнца пробивается травка. В небе, рассыпаясь веселой звенящей ватагой, поют, заливаются жаворонки.

На коне едет, держась одной рукой за повод, молодой российский генерал-майор, высоколобый, с маленькими изящными усиками. Это Александр Ипсиланти, руководитель «Филики Этерии»...

Сдержали свою клятву этеристы. Вступили в открытую борьбу против османского владычества. Войско Александра Ипсиланти перешло Прут и двинулось в освободительный поход по княжествам Молдове и Валахии, подвластным султану. Вождь этеристов намеревался пройти потом через Болгарию и вступить в пределы Греции.

Александр Ипсиланти... В груди этого человека билось сердце истинного патриота. Князь, выходец из богатой и знатной семьи, сын опального правителя Валахии, вынужденного бежать в Россию, затем — офицер русской армии, участник Отечественной войны 1812 года, потерявший руку в одном из сражений. Генерал в двадцать пять лет, друг декабристов, не раз встречавшийся с Пушкиным... Он пожертвовал всем — своей карьерой, положением в обществе — ради освобождения родины.

Поход в Дунайских княжествах продолжался четыре месяца и окончился неудачей. Султанские войска нанесли

поражение повстанцам. Ипсиланти не смог дойти до Греции. Но военная кампания, начатая «безруким князем», как назвал его Пушкин, не прошла бесследно. Выстрелы на Дунае были услышаны в долинах и горах Эллады.

И тогда же, еще в конце марта, там вспыхнуло всеобщее восстание.

Момент для выступления был выбран подходящий. Войска Махмуда II осаждали янинскую крепость, где засел Али-паша. Мятужный феодал оказывал яростное сопротивление. Туда стягивались новые силы. По приказу султана к столице Эпира с разных концов Греции двигались паши-наместники со своими отрядами. Все внимание Порты было поглощено борьбой с взбунтовавшимся вассалом. Янинский визирь, сам того не ведая, помимо своей воли и желания оказал большую услугу греческим патриотам.

Восстания готовятся долго, исподволь, но когда они начинаются, то события разворачиваются быстро.

Революция вспыхнула в Морее — на полуострове Пелопоннес, который отделен от континента узким, как бутылочное горлышко, Коринфским перешейком. В Ахайе, на севере Мореи, повстанцы напали в одной деревне на чиновников, явившихся для сбора налога. Через несколько дней поднялись на борьбу жители крупного города Пáтры. И почти одновременно произошло восстание на юге полуострова. В город Калáме вступили отряды крестьян и пастухов, вооруженных плохенькими допотопными ружьями, копьями, пращами, а то и просто дубинами, топорами и вилами. Одним из предводителей повстанцев был знаменитый клефт Теодóрос Колокотро́нис.

Медленно ступал его конь, покрытый синим суконным чепраком. Взгляд Теодороса был суров и сосредоточен. На бронзовом сухощавом лице — орлиный нос, лихие черные усы... Отец Колокотрониса, его дед и прадед, все мужчины в его роду из поколения в поколение были клефтами. Сам он впервые узнал, как пахнет порох, когда ему было девять лет. Юношей возглавил отряд палликаров и с тех пор не расставался со своим ружьем и саблей. Слова «Огонь и топор!» стали девизом Колокотрониса.

Из Мореи восстание распространилось на север. Повстанцы заняли древнюю столицу Эллады — Афины и спустя некоторое время овладели крепостью на акропольском утесе. Над Парфеноном взвился голубовато-белый флаг восставшей Эллады.

Греки действовали успешно не только на суше, но и на море. У султана был большой, сильный флот. Но экипажи тяжелых многопушечных кораблей боялись, как огня, маленьких, стремительных и увертливых греческих суденышек. Они

боялись их, как огня, в прямом смысле этого слова, потому что эти суденышки — брандеры, как их называли, — жгли громоздкие и неповоротливые линейные корабли и фрегаты.

Это опасное дело требовало исключительной выдержки и мужества, и здесь особенно отличились моряки с Эгейских островов, и прежде всего — житель острова Псары Константинос Канарис.

Темной, безлунной ночью три брандера под командованием Канариса подошли к кораблям османского флота, стоявшим на якоре у острова Хйоса, вблизи побережья Малой Азии. Вахтенные решили, что это суда, пришедшие из Константинополя, и не подняли тревогу.

Брандеры неслышной тенью скользили возле огромных, возвышавшихся горой кораблей с многоярусными батареями. Их пушки грозно торчали из открытых люков... Лишь один, флагманский, корабль был ярко освещен. По случаю мусульманского праздника байрама командующий флотом Кара-Али устроил пир, пригласил моряков с других кораблей, стоявших на рейде.

Канарис направил свой брандер к трехпалубному флагману. Прошел совсем рядом. Слышно было, как шумят и веселятся гости капитана-паши. Наступила решительная минута...

В трюме брандера — бочонки с порохом. На них навалены охапки сухого хвороста, политые смолой и засыпанные серой. Бочонки соединены между собой длинным фитилем, а конец его выведен наружу, на верхнюю палубу.

Начиненный порохом брандер приблизился вплотную к носу 80-пушечного адмиральского корабля. Греки прицепили к нему свое судно. Канарис зажег фитиль, его товарищи тотчас же опустили на воду шлюпку, и все бросились в нее. Моряки гребли изо всех сил, спеша к Хиосскому каналу, где их поджидало судно, специально посланное за ними.

Брандер вспыхнул, как фейерверк. Пламя переметнулось на корабль, и он скоро превратился в факел, пылавший во тьме. От ослепительно яркого, оранжевого ореола стало почти светло. Отчетливо видны были громады соседних кораблей, море кипело вокруг обреченного флагмана.

Раздался оглушительный грохот. Это взорвались пороховые камеры, и адмиральский корабль, расколовшись пополам, стал медленно погружаться в воду.

Другие корабли поспешно снялись с якоря и ушли в сторону пролива Дарданеллы, под защиту пушек тамошних укреплений.

Весть о подвиге Канариса облетела всю Грецию. Для народа это была не просто победа на море. Это было возмездие

янычарам¹, которые учинили страшную резню на Хиосе, убили и продали в рабство десятки тысяч людей, ограбили и разрушили города и селения острова.

В начале 1822 года в окрестностях древнего города Эпидавра собрались капитаны, вожди революции, народные полководцы, а также представители крупной буржуазии, родовой знати. Они объявили о создании Национального собрания, провозгласили независимость страны. Вскоре было образовано первое греческое правительство. В него вошли влиятельные богатые люди, которые были далеки от народа. Президентом Греции стал Алéксандрос Маврокордátос.

Этот тридцатилетний князь, остроносый, с небольшими усами и бакенбардами, в очках, в сортуке, прибыл из Италии, когда на греческой земле уже шла война. Ловкий и изощренный политик, человек, склонный к интригам, он выражал волю и стремления состоятельных привилегированных слоев населения. Маврокордátос, выросший в роскоши, преклонялся перед Англией и всем английским: государственным строем, внутренними порядками, образом жизни англичан, и больше всего надеялся на помощь тогдашней владычицы морей.

Так люди, ничего еще, по существу, не сделавшие для освобождения Греции, уже встали у кормила власти, отеснив клефтских капитанов, народных вождей, относясь к ним с недоверием и неприязнью.

Итак, Греция восстала и сражалась, одерживая победу за победой. Греческая революция всколыхнула всю Европу. Взоры всех были прикованы к расположенной на юге Балканского полуострова небольшой стране, колыбели человеческой цивилизации и культуры, к потомкам древних эллинов, начавшим священную войну против иноземных завоевателей. О событиях в Греции писали газеты и журналы, о них говорили, их обсуждали во дворцах и тавернах, в аристократических салонах и в домах простолюдинов.

Во многих странах возникли комитеты филэллинов — друзей греков, был организован сбор средств для повстанцев. На помощь к ним отправились добровольцы. К берегам Греции приставали корабли, с которых высаживались филэллины.

Особенный энтузиазм борьба греческих повстанцев вызвала в России. И это не случайно. Издавна Россия и Греция были связаны тесными узами. Греки, бежавшие со своей несчастной родины, встречали в России радушный прием. Во многих городах на юге Украины и в Крыму появились греческие

¹ Янычары — привилегированные отряды в султанской армии, жестоко расправлявшиеся с населением поработенных стран.

общины. Греки занимались ремеслами, торговлей, земледелием. Они пользовались значительными льготами и привилегиями. Перед ними был открыт путь к высоким должностям на государственной службе, в армии, на дипломатическом поприще. Греческие иммигранты, переселенцы не чувствовали себя здесь одиноко и отчужденно. Они жили среди друзей. Это был их родной дом.

Греческий народ видел в Российском государстве своего защитника и покровителя. Надежды на то, что освобождение может прийти из Московии, особенно усилились в Греции в XVIII веке, когда Россия вела войны против Османской империи, стремясь получить выход к Черному морю. Грекам и русским довелось сражаться вместе, плечом к плечу.

Это произошло в 1770 году, когда во время русско-турецкой войны у берегов Эллады появилась русская эскадра. На кораблях находились в качестве лоцманов и шкиперов греческие моряки, прибывшие в Россию незадолго до отправки эскадры. Приход русского флота вызвал небывалый подъем среди греков. В Морее началось восстание против османских войск. С кораблей высадился на берег небольшой отряд русских моряков. К нему присоединились многочисленные группы повстанцев. Пожар восстания охватил юг Греции. Русские моряки помогли грекам взять порт и крепость Наварин. Но силы были слишком неравные. Армия султана жестоко подавила восстание. Но кровь, совместно пролитая греками и русскими, еще больше скрепила их дружбу.

Вот почему русские люди радостно приветствовали греческую революцию 1821 года. Они увидели в ней закономерный акт исторической справедливости.

«Восстание греков не утихает,— писал в мае журнал «Сын Отечества», издававшийся в Санкт-Петербурге.— Вся Морея в пламени...» В журнале сообщалось о ходе восстания, о победах, одержанных греческими инсургентами, о том, что они храбро защищают свою свободу. Выражалось восхищение мужеством жителей Аттики, которые отправили жен и детей на остров Саламин с такими словами: «Вы будете вдовами и сиротами, если мы не возвратимся с победой».

Немало греков, проживавших в России, которая стала для них второй родиной, отправилось морем в Грецию, чтобы принять участие в войне. Различные круги русского общества высказывались за скорейшее выступление против Османской империи. Русская армия была готова двинуться на Балканы. С горячим сочувствием следили за борьбой патриотов декабристы. Многие собирались поехать в Грецию волонтерами.

Греческая революция вдохновила русских поэтов. Пушкин

воспел в своих стихах повстанцев, совершивших «великое, святое дело»...

Начало было блистательным. Многим казалось, что окончательная победа близка. Но патриотам предстояла еще длительная, упорная и кровопролитная борьба. И в этой многолетней борьбе будут не только успехи, но и неудачи, поражения, моменты, когда все достигнутое едва не рухнет... Потребуется наивысшее напряжение всех духовных и физических сил народа, чтобы выстоять в беспощадной битве за свободу и довести общенациональное восстание до победоносного завершения.

А пока шла война...

СОРОК ПАЛЛИКАРОВ

Карайскакис, вернувшись на материк, стал нападать на турок в горах Эпира. Поначалу с ним было всего лишь десяток палликаров и среди них — его неразлучный товарищ барба Цакас. Но вскоре к повстанцам присоединились крестьяне окрестных деревень. Так возник отряд из сорока человек, один из многих, создававшихся в то время повсюду.

Некоторые добровольцы были прежде клефтами, и они явились с ружьями, а кто и с пистолетами и саблями. Но многие пришли, вооруженные лишь пиками, охотничьими ножами, топорами.

Пастух по имени Фотис, который принес две головки овечьего сыра в котомке, потрясал самодельной пикой и кричал:

— Вот моя подруга! Она меня не подведет! — И, размахнувшись, с силой вонзил пику в дерево, и она, пробив кору, застряла в стволе, сотрясаясь от мощного удара. — А ружья, — добавил пастух, — мы возьмем в бою...

Другого добровольца, деревенского кузнеца, звали Митрос. Он пришел в отряд, неся на плечах живую овцу, которую держал за ноги.

Митрос был похож на Геркулеса: высокий, широкоплечий. С ним пробовали бороться. Человек пять набрасывались на него и пытались повалить на землю. Но он твердо держался на ногах, и все отлетали от него в разные стороны, падая в траву.

Один из новобранцев оказался городским жителем. Он был владельцем кофейни и одновременно цирюльником. В Греции издавна в кофейных домах устраивались парикмахерские. Когда началась революция, он запер свою кофейню, бросил все и ушел из города, чтобы стать повстанцем.

У него было громкое имя — Ахилл. Родители назвали его

в честь героя «Илиады», совершившего подвиги в войне с троянцами. В ту пору детям нередко давали имена мифологических героев, античных полководцев, философов, законодателей. Но, как на беду, из ребенка, когда он вырос, получился щуплый, невзрачный человечек, и это знаменитое имя совсем ему не подходило. Люди смеялись, узнав, как его зовут. Такой заморыш, и нá тебе — Ахилл! Цирюльник мечтал о героических поступках...

В отряде думали, что в бою от него будет мало проку, и сам капитан не слишком надеялся на его воинскую доблесть. Но скоро все убедились, что были неправы. Во время короткой, но жаркой схватки цирюльник застрелил неприятельского солдата. Когда бой кончился, капитан при всех громко похвалил Ахилла:

— Молодец! Не посрамил имя своего великого тезки!

В другой раз палликары захватили в плен несколько солдат. Турки стояли на лесной поляне, испуганно озираясь по сторонам. Один был с рыжеватой бородой, в грязной чалме. Остальные выглядели моложе, были красные, потные, в разорванной одежде. Их бритые макушки блестели на солнце.

К ним подошел Митрос. В одной руке он держал саблю, в другой — ружье. Солдаты, как по команде, упали на колени.

— Амáн! Аман!¹ — закричал бородатый.

Митрос несильно ударил его плашмя саблей по спине, велел всем подняться. Он повел их вверх по склону, и палликары пошли за ними следом. Неожиданно из-за деревьев показалась хорошо всем знакомая тощая фигура Караискакиса.

— Куда идете?

Митрос молчал.

— Что собираетесь делать? Отвечай, кузнец!

— Да вот хотим отправить их к аллаху...

— Поворачивайте назад! Позор тем, кто расправляется с пленными! Мы не янычары. Мы ведем справедливую войну и не должны унижить себя жестокостью. Возвращайтесь в лагерь и позаботьтесь об ужине. Давно уже пора нам подкрепиться. Все мы заслужили сегодня по хорошему куску жареного барашка. И пленных пусть накормят. Так-то вот, дети мои...

Караискакис и его товарищи вернулись на западное побережье и заняли вместе с другими отрядами горный проход Макринóрос.

Палликары успешно отражали многократные атаки османов. Укрывшись за камнями, за скалами, деревьями, они вели

¹ А м а н! (турецк.) — Пощада!

меткий ружейный огонь, преграждая путь неприятелю. Каждый удачный выстрел вызывал у них крик восторга.

Фотис, сразив неосмотрительно вырвавшегося вперед солдата, выскочил из своего укрытия. Он поднял над головой ружье, из дула которого еще вился синеватый дымок, и закричал:

— Еще один! Эй, куда лезете? Проваливайте! Все равно...

Он не договорил. Просвистевшая у виска пуля заставила его броситься в укрытие.

Солдаты отходили, унося с собой раненых и убитых, и наступала короткая передышка. Но вот, подбадривая себя криками: «Алла!.. Алла!..» — они снова шли в атаку и, встреченные огнем, опять вынуждены были отступить.

В разгар боя, когда солдаты, в какой уже раз, показали защитникам Макринороса свои спины, Караискакис не выдержал и, подбежав к камню, закричал:

— Стойте, трусы! Остановитесь! Не надоело вам бегать? Уходите совсем или давайте биться до конца!

Эти оскорбительные слова заставили отступавших остановиться; они залегли, и их командир вступил в словесную перепалку с дерзким греком.

— Кто ты такой? Как смеешь обзывать нас трусами? Клянусь Кораном, ты заплатишься за это!

В те времена войны, подобно гомеровским героям, нередко вызывали своих врагов на бой.

— Кто я такой? Я Караиско! И я плюю на тебя и на твоих вояк!

— Ты плюешь на нас, презренный христианин?

— Плюю, шелудивый пес!

— Ну погоди, разбойник! Мы доберемся до тебя! Поймаем и зажарим на вертеле, как барашка!

— Вы зажарите меня на вертеле?

— Зажарим, бродяга Караиско! Зажарим! Посмотрим, как ты запоешь, когда огонь будет палить твою шкуру!

Караискакис лезет на камень и, стоя бесстрашно на виду у неприятеля, кричит:

— Тогда чего же вы удираете? Я вот, перед вами! Идите, хватайте меня!.. А-а, боитесь? Вы трусы!..

И в то же мгновение раздается выстрел, и он валится с камня, падая на руки товарищей...

Может показаться странным, что Караискакис, рассудительный, трезво оценивающий обстановку человек, способен на столь рискованную мальчишескую выходку, которая едва не стоила ему жизни. Но таков был капитан, и таким, то спокойным, уравновешенным, мудрым, то вспыльчивым,

задиристым, горячим, готовым, когда дело касалось лично его, на внезапные, порой необдуманные поступки, на жест безумной отваги, таким он останется до конца своих дней.

Рана Караискакиса оказалась не такой уж пустяковой, как он считал. Она не заживала, гноилась, и капитану пришлось отправиться в соседний небольшой городок, где он оставался до тех пор, пока не вылечился.

ВСТРЕЧА С МАРКОСОМ

Караискакис обещал своим сорока палликарам, своим братьям, что не забудет их и призовет к себе, как только вернется в строй. И он выполнил свое обещание.

В январе 1823 года султанские войска, осаждавшие город Миссолонги, расположенный на берегу Патрского залива в Западной Греции, вынуждены были снять осаду и отступить. Путь на север им преградила вышедшая из берегов, широко разлившаяся от обильного таявшего снега река Ахелой. Стремительно неслись, вспениваясь и крутя воронки, потоки мутной воды, унося вырванные с корнями кусты, коряги, щепки и мусор. Рев разбушевавшейся реки заглушался шумом многочисленного войска, толпившегося на берегу. Все смешалось: пехотинцы с ружьями без штыков, мечущиеся в поисках переправы кавалеристы — дёли, застрявшие в топкой грязи пушки, перевозимые буйволами, повозки с провиантом и амуницией...

Не сумев переправиться на другой берег, войско повернуло назад. Караискакис во главе отряда в несколько сот палликаров устроил засаду. В ожесточенном бою, завершившемся рукопашной схваткой, погибло много османов. Разбитое войско, бросив обоз, бежало в беспорядке...

Караискакис одержал победу, о которой узнала вся Греция. Имя его стало известно в самых отдаленных уголках страны. Люди радовались, а в это время командующий повстанческой армией, народный вождь лежал на самодельных носилках, покрытый капой, возле разожженного костра. Обострилась застарелая болезнь Георгиоса. Сказалось все: страшные бои, которые он перенес в юности, когда его схватили стражники дервен-аги, полученная им в самом начале войны рана, трудности и лишения походной жизни.

Но и больной, ослабевший, вынужденный часто передвигаться на носилках, которые несли на своих плечах его товарищи, он продолжал воевать, участвовал в стычках, защищал население от мстительной злобы карателей.

Летом состояние капитана настолько ухудшилось, что он

слег окончательно, и было решено переправить его в безопасное место для лечения. Выбрали Пруссосский монастырь. Он находился в районе, где действовали повстанцы, и его стены в случае необходимости могли служить убежищем.

Караискакис сильно горевал, что ему пришлось хоть временно, но оставить поле боя. Обстановка тогда вновь осложнилась. С севера к Миссолонги двигалась тринадцатитысячная армия Мустафы-паши, оставляя кровавый след на своем пути. Султан был взбешен тем, что продолжавшаяся три месяца осада этого города не увенчалась успехом. Разгневанный падишах послал туда новое войско, надеясь, что оно овладеет наконец этим ключевым пунктом на берегу Патрского залива.

И все же Караискакис понимал, что у него нет иного выхода, что он должен как можно скорее вылечиться, и поэтому согласился отправиться в Пруссос.

Георгиос лежал на носилках в тени деревьев, когда ему сообщили, что подошел отряд сулиотов и греков, которым командовал Мάρкос Бóцарис. И скоро он увидел перед собой невысокого человека лет тридцати, голубоглазого, с длинными белокурыми волосами, в светло-синей суконной куртке.

Это был Бóцарис, известный предводитель сулиотов, герой обороны Миссолонги, «орел Сули», как называли его в Греции и за ее пределами. Бóцарис и Караискакис были знакомы. В 1821 году они сражались вместе у города Арты, обменялись тогда дружеским рукопожатием.

Маркос, стройный и гибкий, быстрый в движениях, наклонился к носилкам, на которых лежал Караискакис, обнял его и поцеловал в губы.

— Как чувствуешь себя, капитан? — спросил он, сев рядом с ним.

— Неважно, — сказал Георгиос. — Старик Харон¹ думает, наверно, что скоро уже сможет забрать мою душу... Да что говорить обо мне? Скажи лучше, что ты задумал, какой у тебя план?

— Мы должны, — ответил Бóцарис, — задержать продвижение армии Мустафы-паши, нанести ей удар. Поэтому я с палликарами покинул Миссолонги и иду сейчас навстречу вражескому авангарду, к деревне Карпенíси. Мне помогут отряды других капитанов. Они будут беспокоить войско паши, атаковать его с флангов, а я внезапно нападу, посею смуту и панику в турецком лагере...

— Но армия паши, — возразил Караискакис, — во много

¹ Харон — в античной мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс.

раз превосходит наши силы. Ты подумал об этом? Нужно все взвесить и предусмотреть, чтобы не оказаться в западне. Будь осторожен, Маркос. Береги себя и своих храбрецов.

— Ты прав, капитан. Осторожность нужна. Но и решительность, дерзость — тоже! Не так ли ты сам действовал два года назад под Артой? Я помню, как ты сказал мне тогда: «Удача любит смелых!»

Караискакис невольно залюбовался молодым главнокомандующим войсками Западной Греции, его мужественной красотой. На щеках Маркоса горел румянец, в голубых глазах появился стальной отблеск твердости и упорства. Он сидел на траве, вытянув одну ногу, худощавую и прямую, с маленьким крепким коленом, а другую подогнув под себя, и сжимал рукой золоченый эфес сабли. Голова его с надетой набекрень скуфьей была откинута назад, длинные светлые волосы падали на плечи.

Боцарис казался гармоничным и совершенным человеком, прекрасным воином, словно возникшим из древних мифов и сказаний. Он был щедро одарен природой. Хорошо пел, играл на лире, и никто не мог с ним сравниться в борьбе, в метании камня, в беге. В детстве и юности он пас овец на горных склонах своей суровой родины Сули, рано, как и его сверстники, научился метко стрелять и владеть холодным оружием. Когда Али-паше удалось завоевать наконец скалистые бастионы свободы, он вместе с уцелевшими людьми своего племени покинул родной край, долго скитался на чужбине. А когда началась революция, быстро выдвинулся как один из самых способных и отважных командиров. Палликары, в особенности сулиоты, горячо любили его, были ему преданны и готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Караискакис верил в успех полководца, в его звезду.

— Действуй, как задумал, — сказал он Маркосу. — Жаль только, что я не могу быть рядом с тобой, помочь тебе. Но я отправлю с тобой сто пятьдесят палликаров. Это храбрые воины, и ты можешь на них положиться.

В ту ночь в долине, где остановился отряд Боцариса, долго горели костры. Возле них, выхваченные огнем из темноты, сидели и лежали повстанцы.

Сулиоты держались всегда вместе, одной семьей. Их можно было узнать по белым рубашам, белым капам, хорошо вычищенному, сверкавшему серебром и позолотой оружию. Боцарис, в голубоватом плаще главнокомандующего, ходил от костра к костру, присаживался, вступал в разговор с воинами.

Греческий бивуак уже погрузился в сон, а Маркос все еще бодрствовал, думая о предстоящем сражении...

Караискакис на следующий день отправился в Пруссос.

Палликары несли его на носилках, сменяя по очереди друг друга.

— Вы тащите меня, как пашу в паланкине,— пошутил Георгиос.

— Если бы ты был паша,— сказал шагавший рядом с ним великан Митрос,— мы сбросили бы тебя с этой кручи...

— Ну и бросьте! Какая теперь от меня польза?

— Что ты такое говоришь, капитан? — сердито произнес Фотис.— Мы вылечим тебя. И ты будешь бегать и прыгать. И скакать на лошади...

— И рубить вражьи тюрбаны,— добавил Митрос.— Придем в Пруссос, я наточу твою саблю. Она тебе еще пригодится.

— Не верю я вам,— вздохнул Караискакис.— Песенка моя спета...

— Замолчи, Цыган! — прикрикнул на него Цакас.— И недели не пройдет, как ты выздоровеешь. Это я тебе обещаю.

— Ладно, братья,— улыбнулся Караискакис.— Не буду с вами спорить. Раз вы так уверены, значит, я поправлюсь. И тогда снова в бой!

В ПРУССОССКОМ МОНАСТЫРЕ

Палликары услышали сначала низкий, басовито гудящий звук колокола, а потом увидели белые стены монастыря.

Навстречу повстанцам вышел здоровенный мужчина лет шестидесяти, краснолицый, с растрепанной, похожей на веник бородой. На животе его болталась, позвякивая, связка ключей. Он сказал, что с радостью окажет гостеприимство капитану и его спутникам, и повел их за собой.

На монастырском дворе кудахтали куры. Где-то повизгивал поросенок. Два ослика дремали, стоя у бочки с водой. Молодой монах шел по двору, взвалив на плечи половину бараньей туши...

Палликаров щедро угостили в трапезной. Настоятель велел откупорить бочонок. Вино было горьковатое, пахло смолой. Пили за независимость, за победу греческого оружия, за выздоровление капитана, и старик часто осушал свою чарку до дна. Лицо его стало багровым... Наконец он ударил своим могучим кулаком по столу, крикнул: «Быть посему!..» — и все поняли, что пора расходиться.

Гостей поселили в кельях с низким сводчатым потолком и с маленькими оконцами в толстых, наподобие крепостных, стенах.

Утром хозяин пришел проведать больного.

— Если хочешь быстро выздороветь,— сказал он,— сделай подарок богоматери Пруссосской.

— А что подарить? — спросил Караискакис.

— Что хочешь. Подари хотя бы своего мула.

— Мула? Зачем он ей?

— Ей-то он, может, и не нужен, зато нам необходим... Мы будем молиться, чтобы наша покровительница ниспослала тебе исцеление.

— Хорошо. Согласен за это подарить мула.

— Ты будешь вознагражден за свою доброту.

Старик ушел, обрадованный тем, что монастырь получит мула.

Вряд ли помогли молитвы, но скоро Караискакису стало лучше.

Палликары собрались в келье, где лежал капитан. Все старались развлечь выздоравливающего разговорами. Каждый рассказывал какую-нибудь смешную историю, случай из жизни.

Один лишь Ахилл не вступал в беседу.

— А ты, цирюльник, чего молчишь? — спросил его Караискакис.— Неужто тебе, городскому жителю, нечего рассказать?

— Почему же нечего? Могу... Только вы мне не поверите.

— Это уж наша забота — верить или не верить. Рассказывай.

— Тогда слушайте,— начал Ахилл.— Приходит раз в кофейню один человек. Высокий, с бородкой, в темном плаще. Городок наш небольшой, я почти всех жителей в лицо знаю. Этого вижу в первый раз. И вид у него какой-то странный. Ясно, что он не из здешних.

«Постриги меня,— говорит.— Вот какая копна выросла! Хоть косу заплетай...»

Ну ладно. Постричь так постричь... Взял я ножницы и принялся за работу. Волосы у него густые и грубые, как лошадиный хвост. Никогда прежде таких волос не стриг.

«Откуда,— спрашиваю,— путь держишь? Издалека?»

«Почему думаешь,— говорит,— что издалека?»

«Да ведь плащ твой в пыли...»

«Ты угадал. Иду из дальних краев. Из Константинополя...»

«Из самого Константинополя? Вот здорово! Как поживает наш повелитель султан?»

«Ничего, понемножку... Я вместе с ним сегодня утром кофе пил...»

«Сегодня утром? — Ножницы чуть не выпали у меня из рук.— Утром на Босфоре, а в полдень уже здесь, у нас?..»

А он смотрит на меня снизу вверх и подмигивает:

«Ну и что такого? Мне сегодня еще надо встретиться кое с кем в Риме, а вечером буду в Мадриде...»

Я смеюсь. Вот, думаю, шутник! Дурачит меня. Продолжаю стричь. И вдруг ножницы натываются на что-то твердое...

«Эй, цирюльник! — со злостью говорит незнакомец. — Нельзя ли поосторожней?»

Я щупаю пальцами его голову и... что такое? Над его лбом, в волосах, — два рожка!.. Ну, думаю, пропал! Ведь стригут я самого черта! Что делать? В кофейне, как на грех, никого, ни одной живой души. Бежать? Да разве от черта убежишь? А он спрашивает с ехидней:

«Почему перестал стричь? Что это ты весь побледнел и руки твои трясутся? Струсил? Не бойся! Стриги быстрее, мне некогда, я спешу!»

Не помню уж, как достриг я черта... Когда кончил, он встает и говорит:

«Молодец! Вот тебе за храбрость», — и протягивает золотую монету.

И тут же исчезает. Как пришел я в себя; думаю: надо собрать и спрятать волосы черта, буду потом показывать... Собрал, положил в шкатулку. А на следующий день открываю — пусто! Хоть бы один чертов волосок остался!..

Рассказ цирюльника развеселил Караискакиса и палликаров.

— А золотой? — спросил Фотис, когда смех затих. — Золотой, что подарил тебе черт? Где он?

— Я давно его истратил... — сказал Ахилл.

Капитан уже встал с постели, выходил во двор подышать воздухом. Настоятель увидел его, заулыбался.

— Мы молились, и заступница наша помогла тебе. Теперь мул уже наш?

— Почти ваш, — сказал Караискакис. — Подожди немного. Не разлучай пока бедное животное с хозяином. Вы получите мула, когда мы будем прощаться...

ОРЕЛ СУЛИ

Большое несчастье постигло восставшую Грецию. Не стало Маркоса Боцариса... Он был смертельно ранен во время ночного нападения на вражеский лагерь.

Сулиоты несли тело своего командира на носилках. Они шли к городу Миссолонги. Траурный кортеж сделал остановку в Пруссосском монастыре. Носилки, на которых лежал Мар-

кос, покрытый плащом, отнесли в церковь. Медленно поплыл печальный звон колокола.

Сердце Караискакиса болезненно жалось, когда он узнал о смерти друга. Ему не верилось, что Боцариса уже нет в живых. Еще недавно он видел его цветущим и полным сил, разговаривал с ним...

Георгиос отворил тяжелую дверь и вошел в церковь. Горели свечи, освещая бесстрастные лики святых, золоченые оклады икон. Пахло ладаном. Караискакис подошел к стоящим на полу носилкам, опустился на колени. Приподнял край плаща. Долго смотрел на окаменевшее лицо Боцариса, на навеки застывшие уста, на запекшуюся над бровью темную ранку, на неживые пряди белокурых волос. Потом поцеловал холодный лоб и, поднимаясь с пола, сказал:

— Хотел бы и я, Маркос, умереть такой смертью, какой умер ты!

Караискакис обвел взором церковные стены и увидел лишь расплывающиеся цветные круги: глаза его были полны слез...

Как же погиб Боцарис?

Выполняя свой замысел, он вместе с отрядом, состоявшим из 450 сулиотов, расположился у входа в горное ущелье и приготовился внезапно атаковать врага.

Это был дерзкий план: Маркос решил напасть на шедший в авангарде корпус численностью в 4000 солдат. Вождь сулиотов хотел проникнуть ночью в лагерь Мустафы-паши, убить полководца, вызвать панику и замешательство среди его солдат. А засевшие в засаде на флангах греческие отряды должны были, воспользовавшись этим, броситься в атаку и закрепить успех.

Воины-сулиоты, следуя обычаю, готовились к бою. Раздевшись, они окунулись в холодную воду горной речки, притока Ахелоя. Потом не спеша расчесали свои длинные волосы, надели чистые белые рубахи. Боцарис приказал хорошо накормить палликаров. Он поднялся на камень и обратился к ним с кратким напутствием:

— Братья мои! Товарищи по оружию! Готовьтесь сражаться, победить или умереть! По сравнению с армией Мустафы-паши нас очень мало. Но мы не раз обращали в бегство полчища, которые во много раз превосходили наши силы. Так будет и теперь! Сама судьба привела нас в это ущелье, откуда рукой подать до лагеря паши. Родина ждет от вас подвига! Сегодня ночью, братья, мы войдем во вражеский стан, не сделав ни единого выстрела. Нашим оружием будут ятаган и сабля... И мы победим!

— Пойдем с тобой! Пойдем, куда ты нас поведешь! —

закричали сулиоты.— Мы одержим победу! Мы всегда побеждаем, когда Маркос с нами!

Воины-горцы вытаскивали из ножен клинки и, целуя холодный булат, клялись победить или умереть...

Подкравшись под покровом темноты к лагерю, палликары бросаются на спящих солдат, врываются в палатки командиров. Крики, стоны со всех сторон. Шум, смятение... Звон оружия. Ошалело мечутся люди, не понимая, что произошло. Пугливо ржут лошади, срываются с привязи, мчатся в темноту.

Маркос велит горнисту трубить сбор, сзывает своих сулиотов. Он отправляет двух воинов с приказом, чтобы другие отряды атаковали лагерь с флангов, а сам вместе с палликарами спешит туда, где находятся шатры Мустафы-паши и его приближенных.

Вот ставка сераскэра¹. Солдаты пытаются сопротивляться, но падают под ударами сулиотов, разбегаются.

— Где паша? — кричит Боцарис, размахивая саблей, врывается в шатер, но он пуст, главнокомандующего там нет.

Маркос выбегает наружу, но в этот момент в него стреляет из пистолета черный невольник сераскера. Боцарис ранен, но рана легкая, не опасная. Он отходит в сторону и быстро сам перевязывает себя. И снова бросается в сечу.

Но вдруг падает: пуля попадает ему в голову, в лоб, заливая кровью лицо...

Уже светает. В середине лагеря водружено лазоревое греческое знамя. Повсюду валяются десятки, сотни тел убитых.

Сулиоты, продолжая вести бой, отходят, унося с собой раненого Боцариса.

На востоке все шире разгорается заря. С горных склонов спускаются палликары, нападают с победными криками на охваченный паникой авангард султанской армии. Враг бежит, бросая оружие, военное снаряжение, багаж, палатки, часть казны, коней, мулов...

Греки, собрав богатые трофеи, отправляются в обратный путь: нужно было спешить на защиту Миссолонги, ведь основные силы армии Мустафы-паши продолжали двигаться к городу-крепости.

Радость победы была омрачена быстро распространившейся вестью о смертельной ране Маркоса Боцариса. Сулиоты несли своего умирающего вождя. Он лежал с закрытыми глазами, веки его чуть вздрагивали. Отряд перешел через каменный мост, поднялся на горный склон. Жители маленькой деревушки, мимо которой проходили воины, в основном

¹ Сераскер — главнокомандующий султанскими войсками.

женщины, старики и ребяташки, выбежали из своих лачуг. Безмолвно, со слезами на глазах смотрели они на печальное шествие.

Маркос слабел с каждой минутой. Дыхание участилось. На лице проступила восковая бледность.

Палликары опустили носилки на землю, склонились к своему командиру, ради спасения которого каждый из них, не задумываясь, отдал бы свою жизнь. Маркос заговорил тихим, прерывистым голосом:

— Друзья, не надо меня жалеть... Я умираю счастливым... Ведь родина будет свободна! Если хотите почтить мою память, сражайтесь! Прощайте, братья!..

Сделав небольшую остановку в Пруссосе, сулиоты продолжали свой путь к Миссолонги. Неподалеку от города к ним присоединились греческие отряды, следовавшие с трофеями другой дорогой. Навстречу войску из ворот Миссолонги вышли толпы горожан и солдат.

Колонна приближалась. Впереди шли захваченные в плен воины. За ними следовали кони в полном боевом убранстве, но без седоков; они принадлежали неприятельским командирам, убитым во время ночного боя. Далее медленно ступали палликары, держа в руках опущенные вниз османские знамена. И в середине колонны, за этими знаменами, сулиоты-ветераны несли на своих плечах носилки с телом Маркоса Боцариса, покрытым голубым плащом. Затем двигались более тысячи оседланных коней и мулов, нагруженных военной добычей: ружьями, пистолетами, саблями, ятаганами, свернутыми палатками, конскими чепраками, султанами... А замыкало колонну огромное стадо овец и коз, также захваченное у врага...

Весь город оплакивал гибель героя. Боцарис прибыл в Миссолонги с небольшим отрядом сулиотов в начале ноября 1822 года, когда армия Омэра Вриони уже стояла у его стен. Он сделал все для того, чтобы превратить город в неприступную крепость. Были восстановлены зубчатые стены, очищены рвы, на самых возвышенных точках установлены пушки. Был укреплен остров Анатблико, расположенный у входа в лагуны.

Под руководством Маркоса гарнизон Миссолонги отразил натиск осаждающих, которые в начале января 1823 года попытались взять крепость штурмом. Ночью турки и албанцы, захватив с собой высокие лестницы, подкрались к городским стенам. Под утро пушечный выстрел возвестил о начале общего штурма. Но защитники Миссолонги, которым удалось заранее узнать о плане Омэра Вриони, открыли ураганный огонь по вражеским колоннам. Солдаты, успевшие взобраться по лестницам на стены, были убиты и сброшены вниз. Полково-

дец, собиравшийся устроить на следующий день победный пир в городе, вынужден был снять осаду и отступить.

И вот теперь жители Миссолонги провожали в последний путь человека, который помог им отстоять город.

Была душная августовская ночь. Ни малейшего ветерка. В лагунах не шелестит тростник. Море застыло, скованное полным штилем. Тишина. Слышно лишь однообразное пение цикад.

Палликары, в полном вооружении, в черных скуфьях, стояли у гроба Маркоса Боцариса... А когда рассвело, с городской стены прогремел пушечный выстрел и зазвенела медь колоколов. Траурная процессия двинулась по улице. На голове Боцариса — лавровый венок, он был весь покрыт гирляндами из роз и лилий. Рядом с ним была положена его сабля. Развевалось знамя Греции, ради освобождения которой жил, сражался и умер орел Сули.

СУД В ЭТОЛИКОНЕ

Караискакис и его товарищи покинули Пруссос. Капитан выполнил свое обещание. Он взял за повод мула с длинными, как у осла, ушами, привязал его к дверям церкви и сказал старику настоятелю, который вместе с другими монахами вышел попрощаться с палликарами:

— Вот, теперь мул ваш... Как мог знать я раньше, о заступница наша черноглазая смуглянка Пруссосская, что ты за мое исцеление захочешь получить это животное? Прощайте, друзья мои... Берегите мула, не обижайте его. Не заставляйте слишком много работать...

Маленький отряд инсургентов держал путь на запад, к побережью Ионического моря. Через несколько переходов в горах здоровье капитана снова ухудшилось, он не мог идти и его несли на носилках.

Путники достигли лесов Акарнании. Они стали устраиваться на ночлег, как вдруг прибегает воин, посланный вперед на разведку, и сообщает, что неподалеку расположился лагерь большой караван, который везет из Арты провиант в Миссолонги для армии Мустафы-паши, осадившей этот город.

— Палликары! — сказал Караискакис. — Отнесите меня за эту скалу и оставьте в этом укромном местечке, там меня никто не увидит, а сами нападите на караван и захватите его.

Повстанцы выполнили приказ командира. Внезапная атака ошеломила солдат охраны. Некоторые были убиты, большинство разбежалось. Палликарам достался богатый обоз, десят-

ки фур с провиантом, две с лишним сотни кавалерийских лошадей и множество мулов.

— Что будем делать? Разгружать? — спросил Митрос, принесший Караискакису эту радостную весть.

— Ничего не нужно разгружать. Весь караван отправим сейчас же в горы Аграфы. Деревни там опустошены и разграблены. Крестьяне лишились крова, голодают, вынуждены питаться желудями... Враги отобрали у них вьючных животных. Поможем нашим братьям...

Такие люди, как Караискакис, друг бедноты и обездоленных, популярный военачальник, вызывали раздражение и беспокорства у греческой знати, богачей, буржуазного правительства.

Маврокордатос задумал опорочить, очернить Караискакиса в глазах народа. Он организовал суд над капитаном: сам состряпал дело, сфабриковал обвинение, сам назначил состав суда, подкупил лжесвидетелей. Князь сказал своим ближайшим сообщникам: «Тяжкое обвинение повиснет на сыне монашки, как проклятие, его военная карьера оборвется, и он, униженный, больной, умрет где-нибудь незаметно в глуши, во время бесконечных походов, и имя его будет предано забвению...»

Но в чем же обвинил Караискакиса этот изнеженный аристократ в очках и в сюртуке, «четыреглазый выскочка», как называл его Георгиос? Маврокордатос обвинил боевого командира повстанцев... в предательстве!

И вот 1 апреля 1824 года в маленьком городке Этоликоне, расположенном недалеко от Миссолонги, начался суд над Караискакисом.

Главная городская церковь с утра заполнилась людьми. На амбоне¹ восседал в кресле митрополит Порфирнос, облаченный в золотую ризу. Внизу расположились на скамьях члены суда.

Придет ли Караискакис? Явится ли он в суд после выдвинутых против него обвинений? Об этом думали все.

Легкий шум прошел по толпе. Стоявшие у входа люди расступились, пропуская Караискакиса и его палликаров. Георгиос был одет по-походному: пояс с патронами, два пистолета, на боку — сабля.

Он остановился, посмотрел по сторонам и спросил у председателя суда Порфирноса:

— Должен ли я стоять или могу сесть?

— Садись, — махнул рукой митрополит. — Ведь ты больной...

¹ Амбон — возвышение над алтарем, с которого произносятся проповеди.

— Мне повезло! Мои судьи — милосердные люди... — усмехнувшись, тихо проговорил Караискакис.

Обвиняемому принесли коворую подушку, и он сел на нее, поджав под себя ноги.

Суд начался.

— Караискакис! — громко и внушительно произнес Порфириос. — Мы хорошо знаем тебя. Ты совершил немало подвигов, проявил бесстрашие, и родина благодарна тебе за это. Правительство поставило тебя во главе большого войска... Но нам стало известно, что в последнее время ты предпринял ряд опрочетивных и опасных действий, забыл свой долг перед нацией... и... того... кха-кха-кха...

Председателя схватил старческий кашель. Окончив кашлять, он вытер рот рукой, оправил бороду и продолжал:

— Никто из нас не желает тебе зла... Молю всевышнего, чтобы ты оказался невиновным. Но, Караискакис, скажу тебе прямо и откровенно: твои речи, слова, которые исторгались из твоих уст, и твои поступки внушают нам, и не только нам, судьям, а и родине нашей, народу серьезные подозрения... Слушай меня внимательно. Ты знаешь человека по имени Вульпиотис?

— Знаю, — спокойно ответил Караискакис. — Это один из моих палликаров. И, думаю, не из самых достойных...

— Ты давал ему бумагу с разрешением на поездку в Янину?

— Да. Не отрицаю.

Это было, пожалуй, главное из тринадцати обвинений, выдвинутых против Караискакиса. Его враги хотели доказать, что он отправил своего палликара к Омеру Вриони, чтобы договориться с ним о сдаче Миссолонги.

— Я не посылаю Вульпиотиса в Янину, — сказал Караискакис. — Он сам поехал туда по своим личным делам. Я помню, как он пришел ко мне и попросил выдать ему разрешение на эту поездку. Я отказался отпустить его: во время войны частные поездки и путешествия неуместны. Но он пришел снова и стал меня упрашивать. И тогда я подписал бумагу. Но я не совершил ничего противозаконного: ведь такие разрешения дают многие капитаны... Лучше всего — пусть суд вызовет Вульпиотиса и спросит у него, зачем он отправился в Янину. Если я виноват, если моя вина будет доказана, я готов понести любое наказание...

— Мы вызовем Вульпиотиса, но не сейчас, — сказал Порфириос.

Митрополит показал бумагу, подписанную одним эпáрхом¹.

¹ Э п а р х — глава местной власти уезда (эпархин).

и зачитал ее. Этот привлеченный князем лжесвидетель сообщал, что Караискакис говорил ему: война проиграна нами; армия султана захватит Миссолонги и другие города...

Председатель спросил находившегося в церкви епарха:

— Это правда? Ты подтверждаешь, что Караискакис говорил тебе это?

— Да, подтверждаю,— сказал «свидетель», опустив глаза.

— Ты слышал от меня эти слова? — вскричал Георгиос.

— Да,— глухо обронил епарх.

— Лжец! Что потупил стыдливо взгляд? Ты не девица на выданье... А, понимаю: тебе стыдно! Впрочем, у таких, как ты, нет ни стыда, ни совести...

— Караискакис, перестань оскорблять уважаемого человека! — вмешался митрополит Порфириос. — Епарх ясно сказал, что ты говорил ему о нашем поражении...

Тогда поднялся со скамьи один из капитанов — членов суда.

— Мы можем судить человека за какие-то конкретные поступки и действия, а не за слова, которые он когда-то произнес, а может быть, и не произносил... Мало ли что говорил Караискакис!

— Если вы, судьи,— сказал Георгиос,— будете опираться лишь на то, что я говорил, на разные бранные и резкие слова и словечки, которые я произносил в запальчивости и гневе, тогда я пропал, мне наверняка не уцелеть... Но судить можно, как верно сказал капитан, не за слова, а за совершенные действия. Вот за мои поступки и действия я готов держать ответ.

Слова попросил ставленник князя — Галáнис Мегапáнос. Этот бесчестный человек до революции пресмыкался перед чужеземцами, был щедро награжден ими, стал богачом, а теперь раболепно служил Маврокордатосу. Он решил высмеять Караискакиса.

— Мы знаем,— сказал Мегапáнос,— ты любишь поговорить... Почему ты так много болтаешь?

— Привычка,— усмехнулся Караискакис. — Такая уж у меня привычка, господин Пано...

Он нарочно искажил имя этого старика, отбросил слово «мега», что по-гречески означает: великий. Это вызвало всеобщий смех.

— Привычка? — не унимался тот. — Тебе стукнуло уже пятьдесят, а ты все болтаешь... Пора образумиться!

— Что делать, господин Пано! — вздохнул Караискакис, которому, впрочем, еще далеко было до пятидесяти. — Не могу избавиться от этой привычки. Да что я... Тебе вот скоро восемьдесят, а ты все ревишься, кривляешься, пристаешь с вопросами, как трехлетний ребенок...

И судьи и все присутствующие разразились смехом. Даже сам Порфириос улыбнулся, хотя был недоволен и раздражен, что обвиняемый своими шутками превращает весь этот суд, эту строго торжественную церемонию в веселое зрелище.

— Молодец, капитан! Хорошо ответил! Не давай себя в обиду! Держись! Мы с тобой! Держись! — слышались крики сторонников Караискакиса.

— За что его судят! Он ни в чем не виноват!

— Кто-то хочет его погубить! Но из этого ничего не выйдет!

— Пусть суд признает его невиновным!

— Правильно! •

— Разве можно судить такого человека!

— Тише! Тише! — закричал Порфириос. — Прекратите шум!

Один из судей предложил прервать заседание, перенести его на следующий день. Председатель не возражал. Это не нарушало планов организаторов процесса. Их главным козырем был Вульпиотис. Палликар вначале отказался оклеветать своего капитана. Но Маврокордатос пообещал ему кучу денег, крупную должность, а когда и это не помогло, пригрозил отлучением от церкви. И Вульпиотис сдался. Он заявил, что Караискакис посылал его к Омеру Вриони, чтобы договориться о сдаче Миссолонги... За эту клевету он был щедро вознагражден, князь приблизил его к себе.

Второго апреля все собрались в доме члена суда Никола́оса Луриотиса, все, за исключением обвиняемого — Караискакиса. Так распорядился Маврокордатос: раз вина капитана доказана, сказал он, значит, ему незачем присутствовать на суде...

Перед хозяином дома на столе лежала его скuffья, в которой находились три показания Вульпиотиса: в двух он сообщал, что ездил в Янину по своим делам, в третьем выдвигал против Караискакиса гнусное обвинение. В спешке, не разобравшись, Луриотис сунул секретарю не ту записку. И секретарь, не вникнув в ее содержание, стал читать... Все услышали признание палликара в невиновности капитана...

— Что ты читаешь? — закричал Луриотис. — Читай вот это... — и протянул растерявшемуся секретарю последнее показание Вульпиотиса.

Это вызвало возмущение у честных, уважаемых всеми капитанов, которых князь вынудил участвовать в суде над Караискакисом.

— Что же это такое? Нам читают совершенно разные показания одного и того же человека... Разве можно считать их свидетельством? Вульпиотис — лжец и клеветник! А тот, кого мы судим, невиновен. Поэтому нужно наказать лжесвидетеля, он оклеветал Караискакиса...

Поднялся шум. Судьи кричали, спорили, перебивая друг друга. Когда наконец все немного успокоились, голоса утихли, со своего места встал известный военачальник Кицос Цавеллас.

— Капитаны! — сказал он с мрачной решимостью. — Я вижу, что есть люди, которые использовали лживое свидетельство Вульпиотиса и хотят, чтобы мы обагрили свои руки в крови Караискакиса. Этому не бывать! Я не согласен! И если вы примете решение осудить капитана, то позор падет на вас и ваших детей... А я ухожу!

Кицос Цавеллас направился к дверям, и за ним последовало несколько членов суда.

В комнату, где заседает суд, входит Маврокордатос. Он держит в руке большой лист бумаги. Это подготовленное заранее сообщение о «предательстве» Караискакиса. Текст подписан ставленниками князя. Один из судей говорит Маврокордатосу, что здесь стоят подписи людей, которые не судили Караискакиса, и поэтому это заявление не может быть официальным документом.

— Неважно! — отвечает князь. — Караискакис разоблачен, и это главное. Нужно, чтобы родина избавилась от предателя! Мы напечатаем это заявление в газете в Миссолонги и, размножив его, развесим в виде афиш на стенах домов. Пусть все знают, что Караискакис — предатель!

И тут же Маврокордатос отдает распоряжение, чтобы капитан незамедлительно покинул Этоликон...

На следующий день, 3 апреля, Караискакис выехал из города, взяв с собой отряд из восьмидесяти человек.

Когда палликары проезжали мимо дома, где остановился Маврокордатос, Караискакис велел подождать его, а сам поднялся по лестнице на второй этаж. Он вошел в большую комнату и приблизился к столу, за которым обедало много людей. В середине сидел князь, а рядом с ним — Вульпиотис.

Все с удивлением и растерянностью глядели на вошедшего. Никто не ожидал увидеть его здесь.

Караискакис сказал с усмешкой палликару:

— Ешь, Вульпиотис! Ешь досыта и пей вволю, ты заслужил это богатое угощение... Подумать только, этот человек был моим палликаром! Вульпиотис, ты мог, как твои товарищи, отличиться на поле боя. Но ты решил отличиться в другом месте, там, где безопасно и хорошо платят. Конечно, каждому свое... Теперь, бывший палликар, ты пойдешь в гору, будешь богат. Не рассказывай только своим детям, за что ты получил золото... А тебе, князь, — обратился он к Маврокордатосу, — не стыдно сидеть и обедать за одним столом с клеветником и предателем?

Лицо князя было бледно, холодно поблескивали стекла очков. Он молчал, опустив голову.

— Эх, Маврокордатос,— заговорил снова Караискакис,— ты приписал мне предательство на бумаге. Конечно, бумага все стерпит... А я, надеюсь, скоро напишу на твоём лбу, кто ты таков. И ты это не сотрешь и не смоешь! Пусть все увидят, что ты за птица! Вот здесь напишу! Вот здесь! — И Караискакис несколько раз хлопнул себя рукой по лбу...

Он выбежал из комнаты и быстро спустился по лестнице к ожидавшим его на улице палликарам.

Где бы ни проходил отряд Караискакиса, повсюду — в каждой деревушке, в каждом селении — его с восторгом встречал народ. Крестьяне, горцы вступали в отряд. Из Этолика на вышле в путь восемьдесят палликаров. Скоро их было уже полторы тысячи...

Суд закончился бесславным провалом. Простые люди верили Караискакису, были вместе с ним.

ТУРЧАНКА

Над Грецией синее небо, дымчатая белизна облаков. Медленно плывут воздушные каравеллы. Какой простор, какие горизонты, какие дали открываются сверху!

Серые скалы, голые утесы, каньоны Эпира и Македонии, льдистые зубчатые вершины Пинда — словно суровые стражи у северных ворот страны. За ними, к югу, травянистым ковром простирается равнина Фессалия с ее тихими озерами и речками, и она, отступая назад, постепенно исчезнет, и возникнут внизу каменные кручи Румелии, ущелья, теснины, бездонные пропасти. Проплывут альпийские луга и плоскогорья, изрезанные берега залива, и появятся тогда горные хребты огромного полуострова, густые леса, узкие цветущие долины, надвинется издали хмурый, покрытый снегом Тайгёт, начнутся зеленые холмы Спарты...

И раскинется внизу лазурь Эгейского моря, где, подобные крупным жемчужинам, лежат острова архипелага с вечнозелеными рощами, с плоскими кровлями домов, ветряными мельницами. И на морской глади, как белые распутившиеся бутоны,— паруса кораблей...

Там, внизу, уже четвертый год идет война, оставляя нестираемые следы и шрамы.

Руины городов, разрушенные дома, закопченные от пожаров стены. Уцелевшие жилища пусты, улицы поросли травой. Обезлюдели городские кварталы.

Срубленные под корень молоденькие оливковые деревца, уничтоженные апельсиновые и лимонные рощи. Умолкнувшие фонтаны. Высохшие трупы людей вдоль дорог. Мертвые тела колыхаются по волнам возле берега. Размотавшаяся окровавленная чалма в зеленоватой, как бутылочное стекло, воде...

Греческая революция вылилась в упорную и ожесточенную многолетнюю войну. Народ воевал, сражался за свободу и независимость своей страны и в то же время занимался привычным, будничным делом — пахал и сеял, выращивал урожай, снимал плоды... Несмотря на затяжную войну, бесчисленные жертвы и разрушения, жизнь продолжалась.

Люди рождались и умирали. Женщины стирали в прозрачных источниках белье. Пастухи, опираясь на посох, окидывали взглядом отары овец. Слышались чистые звуки, бесхитростный мотив деревенской свирели. Полуголые рыбаки, выходя в море на утлых лодчонках, забрасывали в воду сети. Крестьяне обрезали виноград, сбивали палками с ветвей оливки, молотили кукурузу. Женщины пекли в горячей золе хлеб, доили коз, делали сыр. Горожанки вышивали золотыми нитями куртки и туфли. На базарах продавали одежду, оружие, пояса, шали, сукно, ткань для женского платья, украшения.

И по дорогам и тропинкам, в долинах и горах, брели люди, у которых война разрушила домашний очаг, отняла все.

Когда Караискакис и его палликары шли в давно уже находившийся в руках у греков город Навплион, расположенный на крутом и скалистом берегу залива в Эгейском море, они повстречали в лесу молодую турчанку. Она появилась неожиданно из-за кустов терновника, осыпанных мелкими темными плодами. Так внезапно выскакивает из зарослей на дорогу пугливая лань и, увидев людей, стремительно бросается назад, в чащу, ломая ветки. Но девушка, чем-то похожая на эту диковатую обитательницу лесов, никуда не убежала, она сама вышла навстречу воинам. С плачем бросилась она на колени и заговорила торопливо, умоляющим голосом, всхлипывая и размазывая рукой по лицу слезы:

— Сжальтесь! Не гоните меня! Только выслушайте... Никого у меня нет, ни отца, ни матери... Я одна... Сколько уже брожу... Никому до меня нет дела. Никому я не нужна. Нет сил так больше жить. Лучше шею в петлю... Помогите мне. Возьмите с собой! Не пропадать же мне здесь. Возьмите, пожалуйста! Я буду делать все, что мне прикажут...

— Успокойся, девушка, не плачь,— сказал Караискакис.— И поднимись. Встань. Вот так!

Турчанка перестала плакать. Она стояла, опустив голову.

Это была статная, красивая девушка с кругловатым лицом, черными глазами, с тугими жгутами каштановых волос. Весь ее вид: грязные пятна на щеках от размазанных слез, загорелые, с шершавой кожей руки с узкими ладонями и длинными пальцами, ветхая одежда, широкие шальвары, полинявшие от дождя и солнца,— все говорило о том, что ей пришлось испытать немало невзгод и лишений.

— Как же ты оказалась здесь, в лесу? Откуда ты? Где твой дом? — спросил Караискакис.

— Я из Триполицы. Мой отец был богатый и знатный человек. Началась война, ваши войска осадили город. Потом взяли его приступом... В один день я лишилась всего, очутилась на улице. С тех пор скитаюсь...

— Да-а,— задумчиво произнес капитан,— не повезло тебе, бедняжка... Так что же будем делать, палликары?

— Взять ее, и весь разговор! — решительно заявил Митрос.

— Правильно! — поддержал его барба Цакас.— Надо взять. Иначе пропадет ни за грош...

— Возьми ее, капитан! — послышались голоса.— Пусть идет с нами!

— Найдется ей дело!

— Конечно! Сложь руки сидеть не будет...

— Подождите! — сказал кто-то из воинов.— Ведь она турчанка...

— Ну и что?

— Как — ну и что? Мы воюем против турок и возьмем в свой отряд турчанку?

— А мне, приятель,— заметил Караискакис,— например, безразлично, кто она — турчанка, болгарка или грузинка... Разве в этом дело? И вообще, человек не выбирает себе национальность, так же как и родителей. Неважно, кто ты, грек или араб, главное, чтобы ты был хороший человек, справедливый, защищал бедняков, боролся за свободу. Ты сказал, мы воюем против турок. Правильно — и неправильно! Потому что воюем мы прежде всего против деспота-султана, против его богачей-сатрапов, пашей и беев, пьющих нашу кровь и грабящих нашу землю, против полчищ падишаха, против жестоких и неумолимых угнетателей нашей родины... А девушку, братья палликары, если вы уж так хотите, можно взять. Я препятствовать не буду...

Караискакис подошел к турчанке, стоявшей в стороне. На длинных ресницах ее еще дрожали слезы, и она, не слыша того, о чем говорили палликары, но понимая, что речь идет о ней, с тревогой и мольбой посмотрела на усатого предводителя повстанцев в красной скуфье.

— Как зовут тебя?

— Эмне.

— Скажи, красавица Эмне, а ты знаешь, кто мы?

— Да, знаю. Вы греческие воины.

— Но мы твои враги.

— Враг — тот, кто причиняет зло. А вы добрые люди...

— Ну, вот что, умница... Пойдем с нами. Будешь у нас в отряде. Никто не посмеет тебя обидеть. Даю тебе слово.

Турчанка схватила руку капитана и стала целовать. Тот с трудом выдернул ее и строго сказал:

— Брось эти привычки! Мы берем тебя в отряд, и теперь ты такой же палликар, как и все. Но тебе придется отказаться от своей религии. Согласна?

Турки — мусульмане, а греки — христиане; поэтому Караискакис, принимая Эмне в свою среду, предложил ей перейти в другую веру.

Девушка кивнула головой:

— Я согласна...

— И мы дадим тебе другое имя. Как назовем?

— Авги! Василики! Тасия, Мария! Агапи! — посыпалось со всех сторон.

— Мария! Тебе нравится это имя? — спросил капитан турчанку.

— Нравится, — улыбнулась она.

— Послушай, Марио, — сказал Караискакис, назвав девушку этим ласковым уменьшительным именем, — ты вступила в отряд, и тебе нельзя носить женское платье. Ты оденешься, как палликар...

— Хорошо, хорошо... Пусть будет так...

В ближайшей деревне турчанку крестили и нарекли Марией. Она сняла с себя платье и шальвары, надела куртку и фустанеллу. За пояс засунула пистолет. Сильная и стройная, черноглазая, с девичьим румянцем на лице, она стала похожа на юношу-палликара.

ЕЕ ИСТОРИЯ

Эмне была дочерью знатного турецкого чиновника, который жил со своими женами, детьми и слугами в Триполице. Город, опоясанный стеной, раскинулся в глубине долины среди гор. Самый лучший дом принадлежал паше, губернатору Морей, находившейся, как и другие греческие области, под властью османов. Это был настоящий дворец с гаремом, банями, мечетью. Остальные дома были значительно меньше и хуже: все

зависело от положения, которое занимал хозяин, от его состояния. В садах росли персики, абрикосы, гранаты, миндаль, фиги. Улицы были узкие и кривые, по ним бежали ручьи. Проточная вода уносила грязь и мусор. По городу рыскали своры бродячих собак. Они будоражили тишину разноголосым лаем. С рычанием, выдирая друг у друга клочья шерсти, дрались из-за попавшейся им кости...

Жизнь прекращалась с наступлением сумерек. Задвигался тяжелый засов на главных воротах в крепостных стенах. Закрывались и внутренние ворота между улицами и кварталами.

В таком городе жила Эмне. Ее мир был совсем маленький, крошечный, душный. Он был ограничен стенами комнат. Как и все мусульманки, она редко показывалась на улице, а если и выходила из дома, то закутав голову покрывалом.

Женская половина находилась в самом дальнем конце дома. Туда вели коридоры и переходы.

Целый день Эмне проводила в комнате, где окна были из цветного стекла, а потолок покрыт зеленым лаком. Эта комната была похожа на причудливо украшенную клетку.

Жилось Эмне хорошо. У нее было все, что подобает иметь девушке ее положения. Она носила шальвары из дорогого, привезенного издалека шелка, на ногах — красные туфельки. Белые нежные руки украшены золотыми браслетами. В розоватых мочках ушей — бриллиантовые серьги.

Она обедала вместе с сестрами, расположившись за низеньким круглым столом из луженой меди. Они сидели на пушистом ковре. Перед ними были вкусные, издающие приятный аромат кушанья.

В жаркие дни Эмне утоляла жажду прохладным шербетом. Этот напиток приготавливали из сока лучшего в Греции коринфского винограда и розовой воды. Она любила жевать хиосскую мастику, древесную смолу, которая наполняла рот свежестью хвойного леса. Девушка шла к уединенному бассейну, неторопливо раздевалась, бросая на мраморный пол легкие, как пух, шелковые одежды, и медленно погружалась в воду. А когда выходила из нее, служанка-невольница Эфтимия, молоденькая гречанка, еще девочкой проданная в рабство и выросшая в доме аги, заботливо вытирала ее белые плечи, покрытые бисером капель.

Эмне любила заниматься вышивкой. Она выстегивала шелком и золотыми нитями замысловатые узоры и цветы: то розу, то виноградную гроздь с листьями, то оливковую веточку.

Ее отец был суровый и властный человек, и все его боялись, начиная с жен и кончая последним из слуг. У него была

холеная темно-коричневая борода, на лысой макушке — фетровая шапочка, вокруг головы обмотан тюрбан.

Отец часто заходил к Эмне. От него пахло табаком и раки. Он почти ежедневно прикладывался к водке, забывая о мусульманском запрете. Эмне была его любимой дочерью. Он делал ей подарки. Гладил непокорные, с рыжеватым отливом волосы, любовался чуть заметными ямочками на полноватых щеках — они появлялись, когда девушка улыбалась.

Из окна комнаты был виден платан. На его ветвях аисты устроили гнезда. Эмне подолгу смотрела на длинноногих хлопотливых птиц. Следила за их полетом, когда они, шумно взмахивая крыльями, поднимались в небо. Завидовала их вольной жизни. Вглядывалась в далекие очертания синеватых горных хребтов. Что скрывается за ними, какая жизнь?

Одиночество Эмне скрашивала Эфтимия. Отец купил маленькую гречанку на невольничьем рынке в Смирне. Девочка была худенькая, слабая, невзрачная. Дурнушка. Стоила она дешево. Турок подарил ее своим дочерям. Для забавы. Для развлечения.

Эмне полюбила невольницу и не расставалась с ней. Они росли вместе. Эмне играла с гречанкой, поверяла свои тайны, заботилась о ней и, если было нужно, защищала.

Эмне не раз расспрашивала Эфимию о ее прошлом. Откуда она, кто родители, как попала на невольничий рынок? Но девушка почти ничего не помнила. То, что с ней произошло, было похоже на страшный сон: крики, вопли, стоны, выстрелы, темные клубы дыма, запах гари... Она прижимается к распростертому на земле телу матери, но кто-то грубо хватает ее и куда-то уносит. А дальше — море, корабль, сердитые бородатые лица, чужие города, незавидная участь маленькой невольницы...

На новом месте Эфимию не обижали. Гречанка стала забывать, что она рабыня, существо, которое могут купить и продать.

Но наступил день, когда ей напомнили об этом. Отец Эмне вдруг решил продать Эфимию приехавшему из Константинополя бею.

Если сделка состоится, новый хозяин увезет ее в столицу великого султана...

Девушка прибежала к Эмне, стала умолять, чтобы та уговорила отца не продавать ее. «Я не хочу уезжать, хочу всегда быть с тобой, моя госпожа!» — повторяла гречанка.

Эмне, вся в слезах, бросилась к отцу, упала перед ним на колени.

— Что с тобой? — удивился тот, приподнимая дочь с пола.

Он гладил ее по голове и своими толстыми пальцами вытирал слезы, катившиеся по ее щекам.

— Отец! Ты хочешь продать Эфтимию? Не делай этого! Ради меня...

— Какой вздор! И оттого ты плачешь? Из-за какой-то служанки... Эта райя не заслуживает одной твоей слезинки. Успокойся и иди к себе.

— Не разлучай меня с Эфтимией! Она мне как сестра...

— Сестра! Что ты говоришь, Эмне? Или ты лишилась рассудка? Называешь сестрой невольницу, которую я купил из жалости за восемьсот пиастров в Смирне! Из жалости и чтобы доставить удовольствие тебе и твоим сестрам... Ну, хватит! Довольно! Не выводите меня из терпения! Отправляйся к себе и займись вышиванием...

Эфтимию продали бею, и она уехала вместе с ним на следующий день из Триполицы.

Узнав об этом, Эмне не закричала, не зарыдала. Она стойко перенесла удар. Но из ее жизни ушло что-то светлое и чистое. Она стала сдержанно-молчаливой. Перестала смеяться. Много в доме отца, с чем она свыклась, на что не обращала внимания, предстало перед ней в ином свете. Несправедливость, с которой она столкнулась впервые, разбудила ее мысль.

Начавшаяся война разрушила уютную клетку, в которой выросла Эмне, разломала золоченые прутья и швырнула молодую турчанку на широкий простор жизни.

* * *

Повстанцы Колокотрониса после многомесячной осады взяли штурмом Триполицу. Город был окутан пороховым дымом, дома лежали в развалинах. Отец Эмне был убит, многих из его семейства унесла повальная болезнь: она начала свирепствовать еще во время осады.

Эмне уцелела, но осталась совсем одна. Она бродила, как привидение, среди пепелищ. Лицо ее было выпачкано сажей. Моросил мелкий осенний дождик...

Пленных отправляли под конвоем на юг, в город Мистру. Вместе с ними шли женщины, старики и дети. Среди них была и Эмне. Для изнеженной девушки началась трудная жизнь. Она спала под открытым небом, мокла под дождем, радовалась, если ей перепал кусок черствого хлеба.

Эмне некуда было ехать, негде искать пристанища.

Скитаясь по дорогам Морей, она питалась дикими ягодами, пила родниковую воду, черпая ее пригоршнями. Ночевала

в пещерах, в дупле огромного развесистого явора, под сводом полуразрушенного древнего замка.

В одном городе она нанялась служанкой в кофейню: мыла посуду, скоблила ножом грязные дощатые столы, поддерживала огонь в очаге. В кофейне по вечерам было шумно. Громко спорили погонщики мулов. Кто-то стучал кулаком по столу, дребезжали чашки, в одном углу слышался хохот, в другом — затягивали песню. Матросы в широких штанах требовали вина...

Эмне ночевала в каморке. Она спала на полу, на тощей подстилке, укрывшись рваным одеялом. Ей доставалось много объедков, и она уже забыла, что такое голод. Иногда ей снилась комната с зеленым лакированным потолком и разноцветными стеклами окон. Мраморный бассейн с прозрачной водой. Снилось Эфтимия... Где она? В каком краю? Жива ли?

Турчанка побывала в разных городах, в разных селениях.

Раз на каменном античном мосту она увидела мальчугана, тощего, в грязных, изодранных шароварах. Они познакомились. Звали его Мустафой.

Эмне достала спрятанную на груди краюшку и протянула ее мальчику. Он стал есть хлеб, почти не разжевывая, заглатывая по-собачьи. Его круглая голова с нечесаными, сивыми от пыли волосами на тонкой шее была похожа на коробочку мака на длинном стебельке...

Мустафа рассказал, что родители его погибли в начале войны, а сам он бежал и теперь бродит в поисках пропитания.

Эмне и Мустафа стояли на высоком мосту и говорили о своей одинаково нелегкой жизни, а внизу шумела река, и им казалось, что они одни в этом огромном, равнодушном к ним мире.

И, не сговариваясь, они пошли вместе. Эмне была рада, что встретила попутчика. Вдвоем идти легче и веселее. Мустафа никогда не падал духом. То напевал песенку, то строил смешные рожицы, то начинал танцевать...

Днем они шли, добывали пищу. А с наступлением темноты устраивались на ночлег под деревом или в какой-нибудь крестьянской лачуге, куда их пускали сердобольные хозяева. Мустафа быстро засыпал, и погружалась в сон Эмне, обняв рукой худенькие плечи турчонка.

И когда они расстались, Эмне еще долго вспоминала своего маленького веселого спутника.

Скоро, к счастью, она встретила палликаров Караискакиса и верила им свою судьбу...

Капитан и его друзья, знавшие историю турчанки, обра-

щаясь к ней, называли ее Марио. Для большинства же палликаров это был новый боец, симпатичный юноша Зафiрис.

Скоро Марио завоевала доверие Караискакиса. Он оценил ее сердечность и правдивость, преданность, умение безропотно переносить трудности и лишения, безбоязненное поведение в минуту опасности. Марио же видела в капитане своего спасителя и готова была идти за ним хоть на край земли. Этот худощавый, уже немолодой человек, смуглолицый, с черными усами, с глазами, как два горящих уголька, стал для нее вторым отцом. Пройдет немного времени, и Марио займет место среди самых верных друзей Караискакиса.

Турчанка будет выполнять его поручения. Будет с ружьем в руках охранять палатку полководца, дежурить по ночам возле постели, когда его свалит изнурительная болезнь, давать ему лекарства, класть на горячий лоб мокрое полотенце. Будет помощницей, адъютантом.

Ну, а пока? Пока Марио предстояло отправиться вместе с отрядом Караискакиса в Западную Грецию, к городу Миссолонги, над которым снова нависла угроза.

ДЕТИ МИССОЛОНГИ

Город снова готовился к обороне: с севера двигалось к нему войско генерала Решiда-паши Кютахъй. Удастся ли гарнизону и в этот раз выдержать осаду? Об этом с тревогой думали палликары и жители, оставшиеся в Миссолонги.

Часовые на крепостных стенах зорко всматривались в даль, чтобы вовремя предупредить своих, когда покажется армия сe-раскера.

Городские ребята не отставали от своих отцов и старших братьев. Они горячо обсуждали события, спорили, гадали, что будут делать, когда начнется осада. А пока взрослые поручили самым смелым и смышленным из них вести наблюдение в открытом поле.

Подростки целыми днями пропадали в окрестностях. Некоторые старались уйти подальше в надежде, что им удастся прежде других заметить неприятеля. Другие залезали на деревья, росшие на холме недалеко от города, и оттуда наблюдали за местностью.

Пятнадцатилетний Тасос устроился на верхушке огромного дерева. Оттуда все далеко было видно — волнистая равнина, стальная лента реки, оливковые плантации, сады, рощи, хребты далеких гор...

Тасос жил в ветхом одноэтажном доме в нижней части

города, у залива. Его отец, мастер-жестянщик, был убит при отражении вражеской атаки еще во время первой осады. Мальчик остался в семье за старшего: заботился о матери, которая часто болела, и о маленькой сестренке.

Он любил улицу. Знал в городе каждый камень и каждую дорогу и тропинку в ближайшей округе. Ловкий, проворный, с кудрявой головой, с большими темными блестящими глазами на красивом смуглом лице, он был одним из самых отчаянных мальчишек Миссолонги.

Ребята, устроившие свои наблюдательные пункты на деревьях, услышали донесшийся издалека шум и заметили облачко пыли.

— Идут! — закричали они. — Идут! Это войско Кютахьи!

И, быстро спустившись по ветвям, прыгнули на землю. С громкими криками, размахивая руками, они побежали к крепости. Впереди всех бежал Тасос. Ему хотелось первому сообщить об этом палликарам. Но часовые тоже заметили приближавшуюся к городу армию паши. Сразу были заперты ворота. Воины заняли свои места.

По равнине нестройными рядами двигались несметные полчища. Клубы золотистой в солнечных лучах пыли висели в воздухе. Раздавался мерный топот тысячных колонн, слышались гул голосов, выкрики, пение... Доносилось ржание коней. Всю равнину на подступах к городу заполнили пестрые массы солдат в чалмах и фесках.

Впереди войска ехали на ослах монахи-дервиши в разноцветной одежде и остроконечных шапках. «Алла! Алла!» — неслись их дикие, пронзительные голоса. За ними выступала кавалерия. На боку у конников болтались кривые сабли. Блестели глянцеви́то-атласные крупы коней. За конницей шли вкривь и вкось, как кому захочется, роты пехотинцев с ружьями без штыков. Штыки в турецкой армии не применялись.

Двигалась артиллерия, без которой не обходится ни одна осада. Чугунные пушки везли буйволы, мулы. Резким, выстреливающим звуком шелкали бичи.

Колыхались тяжелые знамена с полумесяцем. В окружении многочисленных слуг, выделяясь в этом людском море своими пышными одеждами и роскошным оружием, следовали военачальники, генералы и среди них — сам грозный Решид-паша Кютахья. На голове паши красовалась чалма, украшенная вергу́зом — султаном из цаплиных перьев с алмазами. Этим знаком отличия султан награждал своих самых умелых и храбрых генералов.

Замыкали это шествие десять тысяч оборванных и голодных заложников, а по существу — невольников, двигавшихся

под охраной. Заложники несли на плечах лопаты и кирки...

Решид-паша Кютахья пришел со своим войском из столицы Эпира — Янины, где властвовал когда-то Али-паша.

Одна мысль не выходила у Решида из головы, мучила его. Султан Махмуд II, прощаясь с ним в своем константинопольском серале, сказал: «Ты возьмешь этот город, или падет твоя голова». Кютахья прекрасно понимал, почему султан придает такое значение этой крепости на северном берегу Патрского залива: взяв Миссолонги, можно было подчинить своей власти всю Западную и Центральную Грецию. Паша вовсе не хотел расставаться со своей головой и поэтому имел твердое намерение во что бы то ни стало взять город, о стены которого обломал свои зубы командующий турецкой армией Омер Вриони в январе 1823 года.

Тридцатипятидесятая армия разбила свой лагерь у стен Миссолонги. И дня не прошло, как там вырос палаточный город. Решид-паша повелел немедленно приступить к осадным работам. Невольники копали землю, рыли траншеи, устраивали позиции для полевых орудий. За ними следили, понукали их, торопили грубыми окриками надсмотрщики. Они расхаживали с бичом в руке. Чуть что, и удар обрушивался на изможденного пленника.

Стремясь заполнить ров вокруг Миссолонги, сераскер приказал рубить деревья в окрестностях, делать фашины и кидать их в ров вместе с мешками, набитыми землей.

Паша стал действовать напористо, но без излишней поспешности, осторожно. Он предложил жителям Миссолонги капитулировать. По восточному обычаю обещал им всевозможные блага, восхваляя свою мощь и силу. Он льстил и угрожал. Жители, отказавшись от переговоров, дали ему лаконичный ответ: «Ключи от города подвешены к нашим пушкам. Иди, возьми эти ключи!».

Осажденные говорили между собой: «Мы отразили атаки Омера Вриони. Заставили быстро убраться Мустафу-пашу. Отобьемся и от Решида!»

Люди дали клятву: «Жить свободными или умереть!».

Разъяренный Кютахья поклялся овладеть городом и расправиться с населением.

По приказу сераскера десять тысяч невольников возвели земляную насыпь. Недалеко от крепости вырос искусственный холм. Зачем понадобился он осаждающим? Для того чтобы под его прикрытием прорыть подземный ход к стенам, подкатить туда бочки с порохом и взорвать укрепления. После взрыва Решид-паша поведет свою армию на приступ и овладеет городом...

Но гарнизон узнал об этом коварном плане. В полночь палликары сели на баркасы и поплыли по заливу в сторону неприятельского лагеря. Подойдя к берегу, они стали стрелять и кричать, как будто здесь высаживается большой десант. И тогда другой отряд, воспользовавшись тем, что внимание турок отвлечено, вышел из крепости и уничтожил подземный ход.

Решид-паша неистовствовал. «Эти рыбаки Миссолонги — дьяволы, шайтаны! — кричал он своим приближенным, собравшимся в его шатре. — Каким колдовством, какой магией разрушили они гору, которую я приказал соорудить перед крепостью? Эти гяуры¹ осмеливаются еще оскорблять меня с высоты своих стен! Они поплатятся за это!»

Для осажденных наступили тяжелые дни. Город блокирован с суши и моря. На исходе запасы продовольствия. Недостает пороха, пуль, ядер, бомб. Много больных и раненых. Артиллерия бьет по крепости, по домам. Надвигается голод, и остро ощущается недостаток воды: главный источник расположен вне городских стен, вблизи лагеря паша.

Дети Миссолонги разделяли трудности и лишения вместе со всеми. Они помогали взрослым.

Подростки перетаскивали на носилках раненых. Девочки — санитарки и сиделки — ухаживали за ними, кормили, вливали в рот с запекшимися горячими губами драгоценные капли воды.

Не хватало лекарств, бинтов. У многих раны перевязаны кое-как, у некоторых — совсем открыты. В помещениях — запах крови и гноя. Жужжат, кружатся над ранеными залетевшие с улицы мухи. Люди изнывают от боли, от жажды...

Стояли жаркие дни. Знойное марево повисло над осажденным городом. С лагун, окружавших Миссолонги с юга и запада, поднимались вредные испарения. В этих местах свирепствовали тогда малярия, лихорадка.

Девочки бегали по домам, выпрашивали тряпки, разную ветошь. Они стирали тряпки в морской воде и приносили врачу, а тот пускал их в дело вместо бинтов.

Ну, а вода? Как быть с водой? Недалеко от крепости, на территории, занятой осаждающими, находится фонтан. Четырехугольное сооружение из камня, увенчанное куполом. Сюда до осады приходили женщины, держа на плече глиняные кувшины. Чистая холодная вода, пить которую — одно наслаждение... Совсем близко, но за глоток можно поплатиться жизнью.

Кого послать за водой? Было решено поручить это ребятам.

¹ Гяуры — так мусульмане называли всех иноверцев.

Им легче незаметно пробраться к источнику, не обратив на себя внимания часовых.

Ночью к крепостной стене подошли два подростка — Тасос и его приятель Петрос. Каждый держал в руке ведро. Перед ними открыли небольшую, окованную железом дверь. Ребята вышли из крепости, прижимая ведра к груди, чтобы они не гремели.

Лагерь сераскера спит. Кругом тишина. Слышно лишь, как перекликаются часовые. Ребята бегут к источнику. Они часто останавливаются, прислушиваются. Когда шаги часовых приближаются, ложатся на землю. А когда удаляются, снова бегут. Вот и фонтан. Мальчики наполняют ведра водой и осторожно, бесшумно пускаются в обратный путь.

На следующую ночь к источнику отправилась другая пара... Дети Миссолонги защищали свой город.

П И С Ь М О

Тасос раздобыл где-то пистолет. Во время одной из вылазок он выбежал с палликарами из крепости и оказался в гуще схватки. Вокруг свистели пули, слышался лязг оружия... Он увидел, как в нескольких шагах от него упал командир, и бросился к нему. Тот велел ему бежать назад. Но Тасос не послушался. Он спрятался в яме, выстрелом из пистолета уложил солдата, схватил его ружье и благополучно вернулся в крепость.

О подростке заговорил весь город. И только его больная мать, не выходявшая из дому, ничего не знала.

Как-то вечером Тасос сказал матери, что переночует у Петроса: они договорились на рассвете отправиться ловить рыбу. Она стала его отговаривать. Какая рыба, когда не прекращается пушечная стрельба... Но сын успокоил ее, уверил, что с ним ничего не случится...

Ночью Тасос подошел к берегу, где его ждала длинная и узкая, как пирога, лодка. Он залез в нее, и лодочник, оттолкнувшись шестом, направил свое суденышко в море.

Небо было затянуто облаками. Ночной сумрак сливался с зеркальной чернотой залива. Было безветренно и тихо. Слышался лишь всплеск воды, когда в нее погружался покрытый водорослями шест...

Тасос полез рукой за пазуху и нащупал гладкий и твердый лист бумаги, спрятанный у него на груди: письмо было на месте.

Он обманул мать. Не хотел, чтобы она волновалась. Мальчик вовсе не собирался ловить рыбу. Ему дали важное поручение.

чение: доставить письмо Караискакису. Капитан со своими палликарами находился в тылу у армии Решида-паши, в горах. Его отряды совершали внезапные и стремительные набеги, нападали на обозы с провиантом и боевыми припасами, шедшие в лагерь осаждающих.

Тасосу сказали: если тебя схватят, письмо уничтожь и ни за что не признавайся, что идешь из осажденного города.

Они долго плыли по лагуне. Наконец, повернули к берегу, и скоро лодка уткнулась носом в песок.

Это было глухое, пустынное место, поросшее кустарником. Тасос выскочил на берег и простился с лодочником. Тот помахал ему шестом. Уже светало.

Посланец осажденных шел по тропинке, поглядывая по сторонам. Скрылся за поворотом залив. Местность постепенно повышалась, начинались отроги гор. Над землей курился туман. Из-за дальних гор медленно всплывал пылающий диск июльского солнца.

Тасосу рассказали, в каком направлении нужно идти, чтобы он не сбился с дороги.

Гонец поднимался по склону, на котором росли вековые деревья. Между могучими стволами лесных великанов протянулись, пересекаясь, снопы солнечного света. Он остановился на каменной площадке, откуда открывался вид на горные хребты, на раскинувшуюся внизу равнину. Поглядел вниз и пошел дальше.

Вдруг услышал за деревьями голоса. Родная речь... Свои, греки! Он побежал, но раздался властный окрик:

— Стой! Кто идет?

Перед ним выросла фигура палликара в рубаше с засученными рукавами.

— Кто такой? Что здесь делаешь?

— Да к вам я пришел. По важному делу. Веди меня к капитану.

— Что за дело?

— Я ему скажу.

— Кто тебя послал? Зачем?

— Я все скажу капитану...

Палликар и его товарищ, показавшийся из-за деревьев, с любопытством разглядывали подростка.

— Откуда ты взялся?

— Пришел издалека...

— А не Решидов ли ты лазутчик?

— Я?!

— Ты! Кто же еще?

— Я лазутчик? Я... мне...

— Не горячись! Тебе сколько лет?

— Не все ли равно?

— А все-таки?

— Пятнадцать.

— Пятнадцать? Мальчишка...

— И пусть. А я уже дрался...

— Кто в твои годы не дерется?

— Я дрался в бою!

— Не врешь?

— Я никогда не вру...

— Вот ты какой... Ну, а как зовут нашего капитана?

К кому ты шел?

— Его зовут Караискакис. К нему-то я и шел. Мне нужно его видеть, кое-что передать. Срочное дело! Не держите меня здесь, ведите к капитану.

Палликар, первым увидевший и остановивший Тасоса, сказал что-то тихо своему товарищу, и тот быстро удалился, скрывшись за деревьями. Воин в белой рубашке привел мальчика на большую поляну. Здесь были разбиты палатки. Возле них стояли, сидели палликары. Кто чистил ружье, кто точил на бруске саблю. На вертеле жарилось мясо. От аппетитного запаха у мальчика закружилась голова.

У одной палатки, которая ничем не отличалась от других, провожатый велел ему сесть на камень и подождать. Из палатки вышел старик с седыми обвисшими усами. Палликар поговорил с ним и ушел. Барба Цакас, а это был он, подошел к подростку:

— Устал с дороги? Вид у тебя, прямо надо сказать, дохлый. Хочешь есть?

— Хочу. Но сначала мне нужно увидеть капитана.

— Не все сразу. Подожди-ка...

Цакас пошел в палатку, пробыл там минуты две и снова появился, держа в соединенных вместе ладонях, как на дне миски, кусок сыра и очищенную крупную головку лука-порей.

Голодный Тасос с хрустом впился зубами в головку лука и быстро расправился с ней. А потом с наслаждением принялся за сыр. Это был овечий сыр, свежий и жирный, такой жирный, что пальцы прилипали к нему.

Занятый едой, Тасос не заметил, как возле палатки появилось несколько человек в обычной одежде палликаров. Один из них, худощавый, с темными, чуть тронутыми сединой волосами, спросил:

— Это ты хотел видеть меня? Я Караискакис... Кто тебя прислал?

— Я из Миссолонги...

Тасос вскочил с камня и смотрел восхищенными глазами на капитана, чье имя было в городе у всех на устах.

— Ты должен что-то мне передать?

Мальчик вытащил спрятанное на груди письмо и подал капитану. Тот не спеша прочитал послание защитников Миссолонги и задумался.

— Ты пришел весьма кстати, сынок,— сказал Караискакис.— Мы хотели послать к вам человека, но теперь в этом нет надобности. Скажи, ты можешь сегодня же вечером отправиться назад, в город?

— Конечно. Мне сказали, чтобы завтра утром я принес ответ.

— Вот и хорошо... А пока отдохни. До вечера еще далеко.

Палликары, угостив Тасоса жареным мясом, расспрашивали его о Миссолонги. Потом пришел Зафирис, красивый, похожий на девушку адъютант Караискакиса, и отвел подростка в палатку. Тасос разулся, лег на одеяло, постеленное на земле, и тотчас уснул.

Он проснулся, чувствуя, что чья-то рука тихонько похлопывает его по щеке. Открыл глаза и увидел склонившегося над ним Зафириса.

Наступил вечер. На горные склоны опустились фиолетовые тени. Тасоса вызвал Караискакис.

— Знаешь, дружок,— сказал капитан,— ты не получишь никакого письма. Это рискованно. Слушай, что я скажу, и передай в точности мои слова тем, кто тебя послал. Слушай и запоминай. Через три дня я подойду со своим войском к городу. Как только стемнеет, мы нападём на лагерь сераскера. Атакую я, и одновременно должен совершить вылазку миссолонгский гарнизон. Ударим с двух сторон. Понял? Запомнил? А ну повтори!

Тасос повторил сказанное капитаном слово в слово.

— Молодец! Бестолковый, с дырявой памятью палликар — то же самое, что ружье без кремня, ножны без клинка... Не зря тебя отрядили гонцом. Значит, не забудешь?

— Не забуду. Все передам, что ты сказал.

— Тогда, сынок, отправляйся в путь. И соблюдай осторожность. Я не прощаюсь с тобой. Мы скоро увидимся!

Тасос ушел не с пустыми руками. Ему дали хлеб, мясо и сыр. На небе взошла луна. Она помогала посланцу миссолонгцев двигаться напрямик к заливу. Мальчик спешил домой.

Как было условлено, лодка-пирога ждала его в том месте, где он высадился накануне.

В лунном безмолвии легкое суденышко быстро скользило по спящей лагуне, возвращаясь в город.

Караискакис давно задумал напасть на лагерь Решида. Если, рассуждал он, наш удар будет неожиданным и стремительным, сераскер уйдет от стен Миссолонги, снимет хотя бы на время осаду. Если этого не произойдет, мы постараемся захватить Кютахью в плен, увести с собой. Без грозного, энергичного генерала армия превратится в стадо без пастуха. Именно на это рассчитывал незабвенный Маркос Боцарис: напав два года назад на лагерь под Карпениси, он хотел прежде всего убить Мустафу-пашу, обезглавить неприятельское войско. Все мысли Караискакиса были о предстоящем сражении. По ночам он долго не мог заснуть в своей палатке, ворочался с боку на бок.

— Чего не спишь? — спрашивал Цакас. — Скоро начнет светать, а ты все вздыхаешь, сам не даешь себе покоя. Это совы не спят по ночам, а люди должны спать. Может, грудь болит у тебя? Выпьешь настой из травок? Или...

— Отстань! Какие там травки! Меня гложут сомнения, не могу заснуть... Силы наши слишком малочисленны по сравнению с армией Кютахьи. И все-таки надо атаковать неприятельский лагерь. Да-да! Надо спасти Миссолонги, помочь нашим братьям. Там, дядюшка Цакас, там, в городе, — женщины, дети, старики. Голодные, больные... Под бомбами и ядрами... Если мы не сделаем этого, то, боюсь, будет поздно...

Но вот настал день, когда повстанческие отряды, собравшись вместе, выступили в поход во главе с Караискакисом.

Шли налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Скудный рацион палликара: маслины, сыр, хлеб. Жажду утоляли в горных речушках, источниках, встречавшихся на пути, Шли пешком, без мулов и лошадей. Подняв края фустанеллы и завернув за пояс, чтобы она не мешала при ходьбе, следовали молча, тихо и осторожно по каменистым склонам и ущельям, по едва различимым в зарослях тропинкам. Ноги исцарапаны колючками кустарников, подошвы в кровавых мозолях.

За пять переходов, совершенных в ночное время, пройдя более семидесяти миль, народная армия подошла к Миссолонги. Устроив лагерь в горах, повстанцы стали готовиться к набегу. В эти дни и побывал у них Тасос.

Через день в греческий лагерь пробрался еще один гонец и сообщил, что осажденные принимают план Караискакиса.

На рассвете палликары двинулись к Миссолонги. Спустившись с лесистого склона, быстро пересекли холмистую местность и вступили в лес, расположенный недалеко от города. В лесу они устроили привал, здесь им предстояло провести

весь день, до вечера. Караискаки приказал соблюдать крайнюю осторожность: внезапный шум, нечаянная оплошность, малейшая случайность могли провалить задуманную операцию. Люди переговаривались шепотом, старались не кашлять, не греметь оружием.

Утренний туман зыбкой кисеей повис над лесными полянами и опушками, скрыл частокол древесных стволов. В лесу стало тесно, расстояние резко сократилось, все приблизилось. Туман с его таинственной скрытностью был союзником греков, готовившихся к нападению на лагерь Решида-паши. Влажные испарения поднимались с земли, пахло лесной прелью, мокрой корой. Огромное сумрачное небо прояснилось, и на востоке заалела гряда недвижных кучевых облаков.

Вдруг до слуха палликаров донеслись удары топора и глухой шум рухнувшего дерева. Совсем недалеко, на опушке, в белесых клочьях медленно рассеивавшегося тумана показались человеческие фигуры. Ни о чем не подозревая, люди рубили деревья, собирали хворост, громко разговаривали. Это были неприятельские солдаты. Караискаки приказал незаметно следить за дровосеками.

В полдень палликары, неслышно подкравшиеся к ним, услышали произнесенные по-гречески слова. Когда капитану сообщили об этом, он велел постараться схватить дровосеков-греков и привести к нему. Скоро три перепуганных крестьянина, еще не осознавших вполне, что находятся среди своих, стояли перед Караискакисом.

— Мы все из одной деревни,— сказал пожилой грек.— Весной солдаты окаянного Решида нагрянули к нам, отобрали всех здоровых и сильных мужчин и погнали в свой лагерь. Нас заставили рыть траншеи, делать самую тяжелую работу. Пришлось нам разделить участь невольников, которых привел с собой Кютахья. Здесь, в лесу, мы уже второй день, заготавливаем дрова. Нас взяли с собой, потому что мы хорошо знаем местность.

— А лагерь сераскера вы тоже хорошо знаете? — спросил Караискаки.— Ведь вы там, как говорится, свои люди...

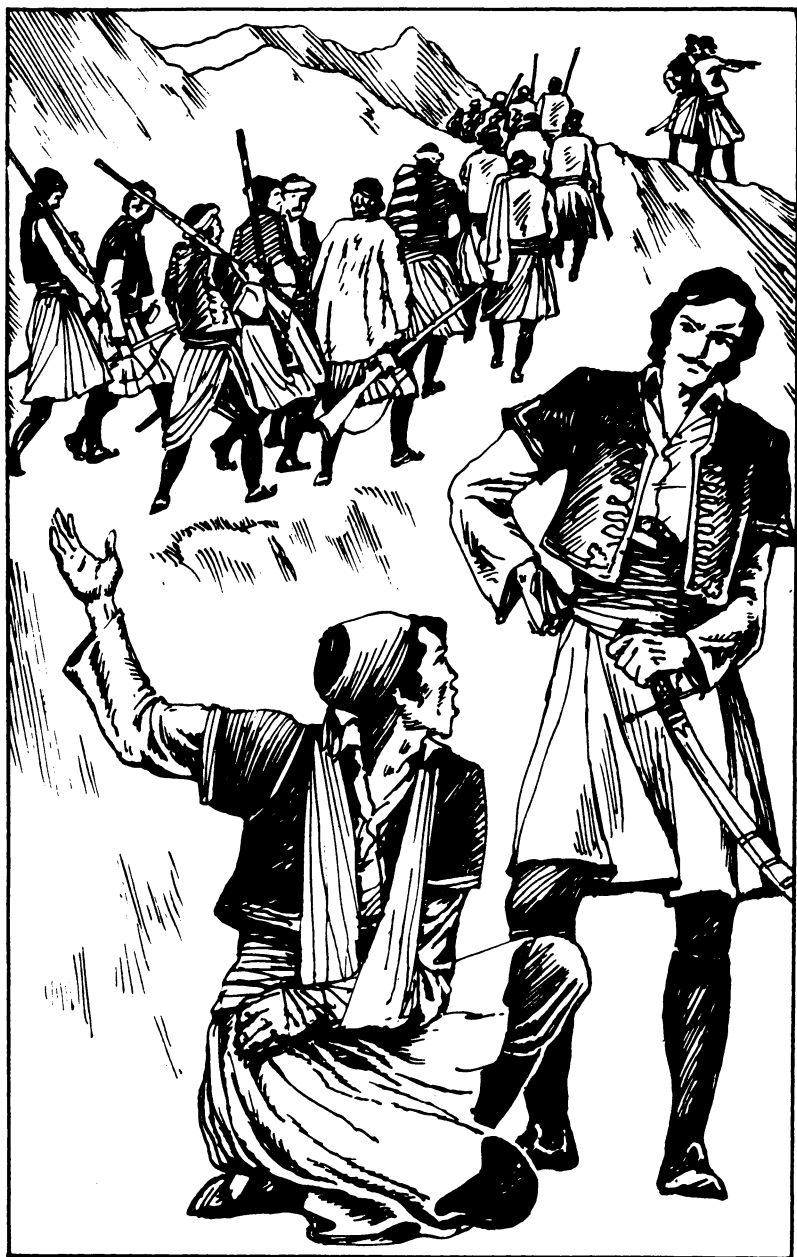
— Будь он проклят, этот лагерь! Если бы могли, давно бы сбежали. Да нельзя, кругом стража... А лагерь, конечно, знаем. Взять, например, траншеи. Мы сами их рыли...

— Вот-вот, траншеи! Именно это меня интересует. Сколько их?

— Вот что я тебе скажу: идет одна траншея, длинная-предлинная, потом другая, такая же, а потом третья. И все...

— Значит — три линии.

— Выходит, так...

— И можешь рассказать, где они проходят?

— Это мы тебе расскажем.

— И где стоят сторожевые посты?

— И это тоже.

— И в каком месте шатер вашего приятеля Кютахья?

— И шатер супостата укажем.

— Молодцы! Да вам не деревья рубить, а войском командовать! Наградить! Наградить вас надо! И я вручаю вам самый дорогой, самый бесценный на свете подарок — свободу!

Крестьяне рассказали Караискакису о неприятельском лагере все, что знали. Они вызвались идти с передовым отрядом, чтобы показать дорогу.

В сумерках греческое войско выбралось из леса и устремилось к городу. Колонна шла за колонной... Словно гигантская гусеница, неслышно перебирая тысячами ножек, ползла по земле под покровом надвигающейся ночи.

Гарнизон Миссолонги бодрствовал. Палликары с оружием в руках стояли перед крепостными воротами, готовые к вылазке. И когда дозорные заметили со стен пламя трех костров, все поняли, что наступила решительная минута.

Воины Караискакиса атаквали лагерь. И тотчас распахнулись ворота крепости, и осажденные с яростными криками бросились к вражеским палаткам. Загремели выстрелы, вспыхивая огненными точками. Зазвенели клинки...

Внезапное, с двух сторон, нападение ошеломило солдат Решида, они прятались в траншеях, бросали оружие, молили о пощаде. Но довольно скоро чаша весов стала склоняться не в пользу повстанцев. Сам сераскер оказался неуязвимым для нападающих. Он укрылся в своем шатре, который был окружен со всех сторон глубоким и широким двойным рвом, и палликары не смогли преодолеть это препятствие.

Из-за туч выглянула луна, стало хорошо видно. Для греков, которые были здесь в меньшинстве, это грозило бедой.

Кютахья воспрянул духом. Он отдал приказ, чтобы конница напала на пеших палликаров, смяла, опрокинула их, отрезала путь к отступлению. И уже неприятельские кавалеристы, стягиваясь на краю лагеря, готовились к атаке. Их командир — генерал в полосатых шароварах, пышном тюрбане — гарцевал на белом арабском жеребце, кричал что-то и размахивал саблём... Скоро дели с дикими возгласами, держа наперевес свои пики, понесутся неотразимой лавиной...

Караискакис приказал своим отрядам немедленно отступить. Они, не мешкая, один за другим покинули лагерь, унося раненых и захватив с собой пленных. Воины гарнизона быстро вернулись в цитадель, и за ними наглухо закрылись массивные

скрипучие ворота. На первом привале утром, когда город остался далеко позади, раненый палликар окликнул проходившего мимо Караискакиса. Он сидел на земле, прижав к груди окровавленную руку.

— Капитан, мы уходим... А что будет с Миссолонги?

— Мы отступили, но мы не уходим,— хмуро сказал Караискакис.— Нам нельзя уходить. Нет сейчас города важнее миссолонгской твердыни. Мы снова займем горные проходы и будем совершать набеги, нападать на караваны и обозы. Будем драться!..

Поздней осенью Караискакис побывал на острове Калáмос в Ионическом море, где жила тогда его жена Гольфо вместе с приемными дочерьми, и провел там несколько дней. После возвращения на материк ему удалось пробраться в осажденный город. Комендантом миссолонгской крепости был Кицос Цавеллас, тот самый, который в 1824 году в Этоликоне горячо защитил Георгиоса от гнусной клеветы и в знак протеста покинул судилище. Караискакис встретился и совещался с ним, а также с Нотисом Боцарисом, дядей вождя сулиотов Маркоса Боцариса, и другими командирами, возглавлявшими оборону города. Он побывал на крепостном валу, возле орудий. На улицах его окружали толпы людей, каждый хотел взглянуть на капитана, пожать ему руку.

То, что Караискакис увидел в городе, поразило его. Сорванные с домов неприятельскими бомбами и ядрами крыши. Оборванные, страшно исхудавшие люди. Голодные ребятишки, рвущиеся в кучах отбросов. Трупы умерших от болезней и ран, которые не успевают хоронить. Над городом низко нависли осенние облака. На усыпанных разбитой черепицей улицах завывает ветер...

Хмурый вернулся он в свой лагерь в Драгомéсто. Устав после долгого, утомительного и опасного пути, прилег отдохнуть и заснул. В палатку ворвался запыхавшийся палликар:

— Капитан! Где капитан?

— Чего кричишь? — набросился на него Цакас.— Уходи! Потом придешь. Не видишь разве, командир отдыхает.

— Да пойми же ты! Не могу я прийти потом. Поздно будет... Сюда идет отряд конницы. Надо разбудить капитана!

Но Караискакис уже проснулся от шума и сказал:

— Отпустите, не держите его! А ты, крикун, расскажи толком, что случилось.

Палликар сообщил, что по дороге к Драгомéсто движется отряд вражеских кавалеристов.

— Хорошо! — сказал капитан. — Все по местам!

Готовиться к бою! Эй, Зафирис, мои пистолеты! Ружье Вассилики!

В те времена был обычай давать ружьям имена людей.

Палликары, занявшие по приказу Караискакиса оба склона ущелья, куда держал путь отряд, еще издали заметили, что это не рядовые деди, а офицеры. В лучах проглянувшего в тучах солнца было видно, как сверкает золотом и серебром их оружие. Всадники приблизились. В богатых одеждах, они ехали на белых и вороных конях, сидя в искусно расшитых седлах. За ними следовали мулы, навьюченные багажом.

Караискакис вспомнил изможденные лица жителей Миссолонги, разрушенные дома и крепко стиснул эфес сабли...

Когда всадники въехали в ущелье, он тихо свистнул, и в тишине, нарушаемой лишь мерным цоканьем копыт, затрещали выстрелы... Многие деди были убиты, прежде чем успели взяться за оружие. Узкая теснина ущелья оказалась для них страшной ловушкой. Лишь несколькими кавалеристам удалось вырваться из нее. Два офицера были взяты в плен. Караискакис допросил их, и пленники рассказали, что все они — командиры, приближенные Решид-паши. Главнокомандующий отправил их в Эпир, для того чтобы они набрали там пополнение для его армии, сильно поредевшей во время затянувшейся осады Миссолонги.

Повстанцам достались богатые трофеи: оружие, собольи и горностаевые шубы, много золотых монет, часы иностранной работы. Часы вызвали особый интерес у палликаров: большинство видело эти диковинки впервые. Они с любопытством рассматривали их, открывали ногтем крышки, слушали, как неумолчно тикает загадочный механизм...

Ахилл, житель города, в отличие от своих товарищей умевший обращаться с часами, держал в руке французский брегет. Он нажал пальцем на кнопку репетира и, приложив брегет к уху, услышал тонкий и мелодичный бой. Цирюльник позвал Митроса и показал ему это маленькое волшебство... Кузнец слушал бой часов, закрыв глаза:

— Чудеса! Если расскажу у себя в деревне, мне не поверят...

Кто-то из палликаров обнаружил в кушаке у одного убитого целую горсть жемчужин и драгоценных камней. Все это принесли Караискакису. Здесь были алые, как кровь, рубины, темно-синие, как живые колокольчики полей, сапфиры, фиолетовые аметисты, розовые топазы, светло-зеленые, как ранняя весенняя трава, хризолиты... Все любовались игрой бесценных камней. Караискакис послал за палликаром, который знал грамоту, умел читать и писать, и, когда тот явился, поручил ему переписать все трофеи.

— Я верю в вашу честность, — сказал он воинам, — но во

всем должен быть порядок. Это наши трофеи, но они нам не принадлежат. Они принадлежат народу, родине нашей, революции. Используем их ради нашего общего дела.

ФЛОТ КАПИТАНА-ПАШИ В ЗАЛИВЕ

Два человека были особенно дороги жителям Миссолонги. Один из них — Маркос Боцарис, спасший город от нашествия армии Мустафы-паши в августе 1823 года. Другой — Джордж Гордон Байрон, великий поэт, отдавший свою жизнь ради освобождения Греции.

Тридцатилетний Байрон прибыл в Миссолонги морем в начале января 1824 года с острова Кефалония в Ионическом море, где он прожил до этого несколько месяцев. Поэт, чьими гениальными стихами зачитывалась вся Европа, был встречен с воинскими почестями. Прогремел пушечный салют с крепостных стен. Палликары, стоявшие ряд за рядом на берегу, выстрелили из ружей. Толпы горожан приветствовали гостя радостными возгласами. Байрон обратился к народу с такими словами: «Греки! Перед вами англичанин, который, изучая историю Древней Эллады, постоянно думал о современной Греции. Англичанин, в своих надеждах и помыслах всегда взывавший к свободе, ради которой вы прилагаете сейчас столько усилий... Скоро я буду среди ваших воинов, полный решимости победить или умереть вместе с вами!»

Через месяц поэту были торжественно вручены шпага и свидетельство о том, что отныне он — гражданин Греции.

Байрон поселился в двухэтажном доме с деревянной террасой, красной черепичной крышей. Дом этот стоял на берегу залива, недалеко от тихо покачивавшихся на воде лодок и баркасов. Всего лишь три с половиной месяца, маленький отрезок остававшейся ему жизни, провел он в Миссолонги, но сколько добрых и полезных дел успел он совершить в интересах греческой революции! Помог организовать оборону города, сформировал и содержал на собственные средства отряд из 500 сулиотов, снарядил военный корабль, основал и стал выпускать газету. Он думал и об обучении новобранцев, и о приобретении лекарств и медикаментов. Занимался обменом турецких военнопленных на греческих. Разрабатывал план наступательной операции. Вел переговоры с вождями, призывал их к единству и согласованным действиям. Он выделил Караискакиса среди других капитанов, по достоинству оценив его храбрость и военный талант.

Лорд Байрон, принадлежавший к знатному аристократи-

ческому роду, был лишен предрассудков своего сословия, жил просто, как палликар среди палликаров. Он одевался как грек, говорил по-гречески. С интересом изучал национальные обычаи, песни, танцы. Сидя в траве, участвовал в трапезах сулиотов, восхищался их воинственными танцами и мелодичными песнями. Горцы обожали своего командира... Поэт посвятил им «Песнь к сулиотам».

Дети Сули! Киньтесь в битву,
Долг творите, как молитву!

В апреле Байрон заболел жестокой лихорадкой. Силы его были подорваны лишениями военного времени, неустанными трудами и бесчисленными заботами. Состояние его быстро ухудшалось. Он лежал в полузабытой на походной кровати в невзрачной комнате с голыми стенами. 19 апреля над городом бушевала гроза, небо прочерчивали ослепительные зигзаги молний, грохотал гром, лил дождь, а перед домом, где умирал поэт, собралась и не расходилась молчаливая угрюмая толпа. Последние слова Байрона в предсмертном бреду были обращены к Греции, к которой он относился всегда с сыновней нежностью и любовью: «Я отдал ей свое время, средства, здоровье — теперь отдаю жизнь! Что мог бы я сделать еще?»

Английский корабль «Флорида» отвез прах Байрона в свинцовом и деревянном гробу на родину, а память о нем жила в восставшей Греции, и греческий народ, оплакивая его смерть, считал поэта своим национальным героем. Его называли «благородным британцем».

Стоял ноябрь 1825 года. Прошло полтора года с тех пор, как не стало Байрона, но тень его, казалось, витала над несчастным городом, над искалеченными ядрами и бомбами домами, над крепостными стенами, чьи защитники не раз отражали атаки вражеских полчищ. И все помнили здесь великого гражданина Греции. И уже бессмертными стали посвященные Элладе строки, которые Байрон написал незадолго до смерти:

Моей любви нетленная основа!
Я твой — и с этим мне не совладать.

* * *

Неподалеку от дома Байрона находилась одна из городских кофеен. До осады в ней бывало многолюдно. Но теперь, в трудные блокадные дни, сюда заходили лишь изредка, ненадолго, отдохнуть, посидеть в кругу друзей и знакомых, выкурить трубку, обменяться новостями.

Сейчас в кофейне собралось несколько посетителей. Два палликара. Старик с худым, изможденным лицом. Подмастерье, работавший на небольшой фабрике, где ремонтировали пушки, лили картечь, ядра, готовили заряды. Рыбак, промышлявший в лагунах. Был здесь и Тасос, чувствовавший себя если не героем, то уж наверняка бывалым воином.

— Что там видно и слышно у Кютахьи, будь он трижды проклят? — спросил старик молодого безусого воина.

— Ничего особенного... Солдаты копошатся возле своих палаток. Утром и вечером кричит имам, сзывает мусульман на молитву...

— Вчера днем канониры установили еще одну пушку, — добавил другой палликар.

— Не беда! Нам бы хлеба и пороха, и тогда мы сможем еще долго держаться...

Лишь отдельным греческим кораблям удавалось изредка прорваться к Миссолонги, блокированному с моря неприятельским флотом, и снабдить город съестными и боевыми припасами. Под покровом ночной темноты барки, боты и другие мелкие плоскодонные суда, груженные мешками с мукой и сухарями, входили в миссолонгскую гавань... Но продовольствия хватало ненадолго. Голод угрожал осажденному городу. Плохо было и с водой. Ее запасы иссякали. После того как солдаты паши расположились вокруг источника и маленькие смельчаки из Миссолонги, Тасос и его друзья, уже не могли приходить сюда, жители пробовали копать в разных местах землю в поисках воды. Но повсюду она оказывалась морской, соленой, непригодной для питья. В жаркие дни жажда делалась нестерпимой. Ребятышки лежали в полуразрушенных домах, в сколоченных наспех хижинах без движения, тяжело, прерывисто дышали. Нельзя было без содрогания слышать мольбы раненых и больных: «Пить! Пить! Дайте воды! Один лишь глоток!..» И здоровые люди, палликары с трудом выносили нестерпимую жажду. Все постоянно думали о воде, о дожде, ливне. Вода снилась по ночам. Холодная, вкусная, обильно льющаяся из источника...

Где-то в отдалении бухнул орудийный выстрел. Один, другой, третий... Это артиллеристы Решиды возобновили бомбардировку города. В кофейне задребезжали стекла.

— Опять бьют, варвары! — сокрушенно произнес подмастерье. — Позавчера ядро грохнулось рядом с моим домишком... Здоровенное ядро, фунтов шестьдесят весом.

— А вчера на площади убило таким вот чугунным ядром женщину с ребенком, — сказал старик.

Все знали об этом. Каждый день при артиллерийском обстреле кто-нибудь погибал от ядер и бомб.

— Нас тоже обстреляли,— заметил Тасос.— С турецкого баркаса...

Тасос с Петросом и другими ребятами шли по песчаным отмелям, которых много в лагунах, и охотились за крабами. Мальчишки увлеклись этой охотой; обитатели прибрежных вод в своих темно-зеленых панцирных доспехах, почуяв опасность, разбежались с неуклюжей проворностью, боком, быстро перебирая клешнями... Ребята старались схватить крабов покрупней; они брали их двумя пальцами под панцирь и кидали в холщовые мешочки. Для голодных жителей Миссолонги крабы стали лакомым блюдом! Краболовы увидели плывущий вдаль, параллельно берегу, баркас. Они стали махать руками, кричать. С баркаса грянули выстрелы. Это суденышко с парусом оказалось турецким. К счастью, оно шло довольно далеко, и пули не долетели до отмели, где находились ребята...

Все в кофейне молчали, прислушиваясь к пушечной канонаде.

— А помните,— спросил вдруг рыбак, который жил недалеко отсюда, в хижине, стоявшей на четырех сваях в лагуне,— помните, как на берег выбросило ветром турецкий бриг?

— Еще бы! Как не помнить! Побольше выбрасывало бы их на наш берег!

Многие горожане, узнав о случившемся, бросились тогда к побережью, чтобы захватить корабль. Бриг лежал почти на боку, и флаг с полумесяцем на грот-брамстенеге почти касался воды. Команда пыталась поджечь свое судно, но не успела этого сделать. Матросы разбежались, но большинство их потом было поймано. Жителям осажденного города досталась хорошая добыча: мешки с бобами, маисом, сухарями...

Воспоминания о захваченном неприятельском бриге превали донесшиеся с улицы крики. Все в кофейне вскочили с мест и бросились к выходу, чтобы узнать, в чем дело.

— Турецкая эскадра! Турецкая эскадра! — неслись тревожные крики людей, бежавших к молу.

В этот ноябрьский день в заливе показалась не эскадра, а целый неприятельский флот. Более ста кораблей с распущенными парусами едва заметно двигались по покрытому легкой рябью заливу, развертываясь перед небольшим укрепленным островом Василáди. Мелководье лагун с песчаными отмелями было спасением для осажденных: вражеский флот не мог приблизиться к самому городу и высадить десант. Корабли подходили к Миссолонги лишь на расстояние не

ближе двух миль. Но появление неприятельской армады перед городом, разумеется, не сулило защитникам Миссолонги ничего хорошего. «И где же флот Миаулиса? ¹ — спрашивали друг друга жители. — Где корабли нашего адмирала?»

Между тем османский флот во главе с фрегатом капитана-паши, развернувшись на глазах у осажденных, ушел на восток, в сторону портового города Патры.

Прошло несколько дней, и донесшаяся с моря канонада убедила горожан в том, что греческие корабли под командованием Миаулиса вступили в сражение с флотом капитана-паши. На следующий день морской бой приблизился к Миссолонги настолько, что можно было различить очертания кораблей и вспышки пушечных выстрелов. Всю ночь не прекращался орудийный гул. Долго не исчезало во мгле над морем багровое зарево...

Флот Миаулиса состоял всего лишь из тридцати четырех кораблей, но адмирал не поколебался атаковать сотню с лишним многопушечных фрегатом, бригов и корветов. Греческие моряки мужественно сражались двое суток. Но вскоре сильный ветер разъединил оба парусных флота.

Через два дня бой возобновился. Жители Миссолонги не могли видеть маневры кораблей, но они слышали грозные раскаты судовой артиллерии. Все молили небо об одном: чтобы отважный адмирал Миаулис победил в сражении, разорвал кольцо блокады, сдавившее город.

Но малочисленный греческий флот не смог долго противостоять огромной османской армаде и вынужден был вскоре уйти в Эгейское море.

ВЫХОД

Уже не одна, а две армии вели осаду Миссолонги: в конце декабря 1825 года здесь появилось войско под командованием Ибрахима-паши, приемного сына правителя Египта, которого султан сумел вовлечь в греческую войну. Покорив Морейский полуостров, Ибрахим-паша вознамерился овладеть неприступным городом.

Он привел тысячи темнолицых солдат, словно обуглившихся в нещадном пекле африканских пустынь, мускулистых и выносливых воинов кочевых племен. Привел он с собой и конницу, кавалькады горячих арабских чистокровок. И тяже-

¹ Андреас Миаулис — командующий греческим флотом, прославившийся во время национально-освободительной войны.

люю осадную артиллерию. И караван равнодушных ко всему, мерно вышагивающих верблюдов. Они тащили на своем горбу огромные тюки и ящики с провиантом и боевым снаряжением.

Удачливый полководец, обласканный судьбой, был горд и самонадеян и на Решида-пашу Кютахью смотрел свысока. Оба паши были давними соперниками. Сераскер завидовал военным успехам Ибрахима и вынужден был призвать его на помощь лишь оттого, что понял наконец: одному ему Миссолонги не взять. И, поразмыслив, решил, что лучше разделить лавры победы вместе с надменным египтянином, чем потерпеть неудачу и быть обезглавленным: падишах слал ему грозные предупреждения из своей столицы на Босфоре, требуя ускорить взятие города.

После бурного объяснения с глазу на глаз под уютным куполом роскошного шатра оба генерала договорились, что армия султана выйдет пока из игры, займет другие позиции, и свежие войска предпримут штурм злосчастной крепости, этого «плетня», как выразился с пренебрежением Ибрахим-паша...

Утром запели трубы и раздалась дробь барабанов. Стараясь запугать осажденных, полководец устроил парадное прохождение своей армии под звуки военной музыки. Во главе темнокожих солдат шли европейские офицеры в пышных, сверкающих золотом восточных одеяниях...

Потом начались учения. Из палаток, протянувшихся длинными рядами, выбегали африканские воины, строились в батальоны и под командой наемных инструкторов, размахивавших шпагами, устремлялись на приступ башни, которая была сооружена у подошвы горы.

Прошло почти два месяца. И вот однажды внезапно заговорила артиллерия. Огонь был открыт из всех батарей. Осадные пушки, выплевывая облачка едкого дыма, бомбардировали крепость и город. Вся равнина содрогалась от беспрерывного грохота.

Три дня продолжался этот адский огонь. Было выпущено по городу восемь тысяч ядер и бомб. И когда наконец непрерывная пушечная пальба прекратилась, пять тысяч воинов Ибрахима ночью двинулись к крепости, неся с собой осадные инструменты и приставные лестницы. Но они не успели преодолеть рвы и взобраться на стены. Осажденные, опередив их, с саблями и ятаганами бросились врукопашную. У крепостных стен закипел бой. Необычайная стойкость и отвага миссолонгского гарнизона поразила солдат. Они дрогнули, подались назад, многие побежали, бросая наземь заряженные ружья. Но полководец посылал подкрепления, и бой продолжался.

Решид-паша был рядом с египтянином. Он покинул свое войско, находившееся теперь в другом лагере, на дальних позициях, и прибыл сюда, чтобы присутствовать при генеральном штурме. Ибрахим-паша пригласил своего соперника специально, чтобы тот стал свидетелем его триумфа. Но триумф не состоялся... Решид-паша наблюдал с тайным злорадством, как рушатся честолюбивые замыслы приемного сына египетского владыки. Он досаждал ему каверзным вопросом: «Что ты скажешь теперь об этом плетне? Если это и вправду плетень, то отчего ты не можешь через него перелезть?» Ибрахим-паша делал вид, что не слышит издевки. Он жалел, что позвал сераскера. Генерал выслушивал донесения, отдавал приказы, кричал на своих приближенных, грубо оттолкнул в грудь подбегавшего к нему офицера, а потом махнул рукой и удалился в свой шатер. Бой закончился в одиннадцать часов утра. Свыше пятисот воинов остались лежать в окаменевших позах у непреодолимых стен. Штурм провалился.

Поняв, что Миссолонги не такой уж простой орешек и что ему одному его не разгрызть, Ибрахим-паша, смилив свою гордыню, вынужден был позвать Кютахью. Полководцы объединили свои силы. Они сообщили султану, что в ближайшее время овладеют крепостью...

Наступила весна 1826 года... Разительным и беспощадным был контраст между пробивающимися повсюду из земли зелеными ростками, слепящим весенним светом над лагунами и безысходностью положения осажденных. Зимой жители Миссолонги голодали и мерзли у потухших очагов в своих полуразрушенных домишках, в наспех сколоченных лачугах (многие сами разобрали свои дома, чтобы передать камни для восстановления разрушенных бомбардировкой крепостных стен и укреплений). Теперь было тепло, но голод стал невыносим. Когда кончилась конина, люди стали есть мясо собак, крыс, мышей... Ели водоросли, добытые со дна лагун. Ребятишки запихивали в рот соленую морскую траву, от которой начинались рези в желудке, кровавые поносы, дизентерия.

Мужчины и женщины, пошатываясь от слабости, бродили по улицам. Умерших от болезней и ран, убитых накрывали капями, чтобы живые не падали духом...

Но город все еще жил и боролся. Когда одному из кораблей адмирала Миаулиса удалось прорваться к Миссолонги, палликары просили у моряков лишь сухарей, пороха и свинца. Подростки метко бросали со стен камни в неприятельских солдат. Ребята — и среди них были девочки — изготовляли патроны, насыпая порох в бумажные гильзы...

Неизвестно, кто первый произнес это слово, но оно рас-

пространилось из дома в дом, из квартала в квартал и, передаваемое из уст в уста, облетело весь город.

Выход! Нужно ночью выйти из крепости и пробиться в горы, уйти к отрядам Караискакиса, стоявшим у деревни Платанос, недалеко от Миссолонги.

Апрельским вечером зазвонил колокол, сзывая народ на главную площадь. Все высыпали на улицу. Шли женщины и старики. Шли дети. Ковыляли раненые и больные, опираясь на костыли и палки. Люди были взволнованы, знали, что решается их судьба.

Когда все собрались на площади, старый военачальник с седой головой Нотис Боцарис взошел по ступенькам на церковную паперть и, подняв руку, чтобы призвать к тишине, обратился к народу:

— Братья! Мы сделали все, что могли. Целый год мы защищали наш город, нашу землю. Это наш город, это наша земля, здесь могила Маркоса Боцариса и тех, кто пал, сражаясь за свободу. Двенадцать долгих месяцев мы отбивали атаки врага. Мы выстояли в жестокой осаде. Ни голод, ни жажда, ни пули, ни ядра и бомбы не могли сломить наш дух. Мы не стали на колени, не запросили пощады. Мы поклялись: жить свободными или умереть, и не нарушили своей клятвы. Но силы наши иссякли. Дальнейшее сопротивление бесполезно... Попробуем выйти из города. Все пойдут — и женщины и дети. Останутся лишь те, кто не может идти. Не скрою: выход связан с большим риском. Но я надеюсь, что многие из нас вырвутся из тисков смерти. Мы уйдем в горы и будем продолжать борьбу!

Нотис Боцарис кончил говорить и сошел со ступенек вниз, к толпе. Вся площадь загудела, люди переговаривались между собой, обсуждая услышанное.

Осажденные больше всего надеялись на помощь Караискакиса. Незадолго до этого дня в лагерь повстанцев, расположенный вблизи деревни Платанос, был послан гонец с письмом. Вождь лежал больной. В письме осажденные сообщали о своем намерении покинуть город и просили его спуститься вместе со своим войском в долину и помочь им.

Караискакис прочитал письмо, и рука его, державшая это послание, бессильно упала на грудь. Уже неделю он не вставал с постели, не выходил из палатки. Полковница терзала мысль, что болезнь свалила его именно теперь, когда решается судьба жителей Миссолонги, судьба защитников крепости, и что он не сможет сам повести в поход своих палликаров. Но все равно, и без него они покинут горы и займут позиции внизу, в долине, чтобы встретить мучеников и героев осады.

Караискакис велел Зафирису вызвать к нему в палатку командиров...

И вот наступила последняя ночь Миссолонги! Тяжелые, набухшие влагой облака заволокли небо, и в редких просветах между ними видны были звезды. Снова всю площадь заполнили толпы людей: безоружные ремесленники, женщины с маленькими детьми, подростки, палликары. Прощались те, кто уходил, и те, кто вынужден был остаться.

Многие женщины надели на себя мужскую одежду. Они сделали это для того, чтобы, если не будет им спасения, умереть смертью воинов, в бою. Матери прижимали к груди запеленатых младенцев, укачивали их, чтобы они не кричали. Некоторые привязали их к своей спине. Другие подняли детишек на плечи. Ребята постарше стояли рядом.

Жители находились в середине небольшого войска, в окружении воинов. Люди стояли молча, а если переговаривались, то шепотом. Женщины плакали: они покидали родной город.

Но вот раздалась приглушенная команда, и все зашагали к крепости, в восточную часть города, откуда был назначен выход. В толпе вместе со всеми шел Тасос.

Его мать умерла. Он остался вдвоем с сестренкой. Девочка выжила благодаря брату. Тасос дал себе слово, что сделает все, для того чтобы дыхание не прервалось в этом маленьком тельце, ослабевшем от голода. Каждое утро он уходил из дома и весь день рыскал по городу и побережью в поисках съестного. И почти всякий раз ему удавалось что-нибудь раздобыть. Он спешил домой, как спешит зверек в свою нору, к голодным детенышам, и кормил сестру.

Когда она заболела, он не отходил от нее, давал ей пить, прислушивался к хриплым вздохам, вырывавшимся из ее груди, брал горячую ручку с тонкими, почти прозрачными пальчиками и нащупывал едва заметный пульс: так делал врач, лечивший больных и раненых... Он привел лекаря к себе, и тот осмотрел девочку, дал ей лекарство. Болезнь отступила, сестренка первый раз улыбнулась, громко произнесла имя брата, и это был самый счастливый день в жизни Тасоса.

И теперь он шел, затерявшись в толпе, нес малышку на руках, как несли своих детей матери, и думал об одном: если удастся вырваться, девочка будет спасена, будет жить. Он отнесет ее в деревню к родственникам отца, и там этот чахлый стебелек выпрямится, окрепнет. От питательного, пахнущего травами молока, от кусочков жареного мяса щечки девочки вновь округлятся и порозовеют, и она будет бегать и играть в тени развесистого платана...

В два часа ночи все собрались у крепостных стен. Горо-

жане замерли, затаив дыхание. Кровь стучала в висках. Неизвестность пугала и манила. Сейчас начнется! Скорей бы!..

На стенах, как обычно, расхаживают часовые, перекликаются между собой: ничто не должно вызвать подозрение у неприятеля. Все ждут сигнала... Через глубокие наружные рвы уже перекинуты мосты из заранее сколоченных досок.

Но вот сигнал подан, и толпа, всколыхнувшись, движется вперед, проходит через открытые ворота, и первый людской поток появляется на дощатом настиле. Начинается выход!

Но что это? Окутавшая равнину мгла теплой и влажной апрельской ночи озаряется огненными вспышками. Грохочут ружейные залпы. Предательство? Возможно ли? Кто-то предупредил Решида и Ибрахима?

Первые колонны палликаров и горожан уже перешли по мосту через ров и бегут к траншеям. Отступать поздно да и некуда: из крепости выходят всё новые и новые толпы.

Окружив женщин и детей, воины в сомкнутом строю пробиваются вперед, отстреливаются, бросаются врукопашную. Они стремятся прорваться через вражеские рвы и траншеи, выйти в открытое поле и, воспользовавшись темнотой, поскорей удалиться от лагеря. Солдаты пашей стреляют с двух сторон, и их пули не щадят никого, ни женщин, ни детей. Слышатся крики: «Назад! Назад!» И обезумевшие от ужаса люди поворачивают обратно, к крепости, но большинство продолжает бежать за палликарами.

Сильно поредевшие массы беглецов вырвались наконец из лагеря и двинулись на восток. Но им преградила путь вражеская конница: дели заняли дороги, ведущие в окрестные селения. Они понесли наперерез показавшимся на равнине людям, которых прикрывали пешие воины. И снова солдаты гарнизона, сомкнувшись кольцом вокруг женщин и детей, отчаянно дрались, защищая их жизнь...

Выход из крепости обернулся для осажденных трагедией. Многие погибли, когда еще пробивались через неприятельский лагерь, многие пали на равнине от пуль и ятаганов преследователей. Другие, уцелев в этом побоище, остались лежать на дорогах, изнемогая и умирая от слабости, истощения сил.

Лишь один отряд из войска Караискакиса пришел в условленное место и вступил в бой с солдатами Решида, посланными вдогонку за жителями обреченного города. Полководец был тяжело болен и не смог по-настоящему оказать своим братьям поддержку, в которой те так нуждались.

По дорогам, ведущим в горы, брели измученные люди. Они оборачивались, смотрели в сторону Миссолонги: там поднималось зарево пожара.

Армии сераскера и Ибрахима-паши ворвались в город. Солдаты убивали всех, кто попадался им под руку, грабили, яростно спорили из-за добычи. Город сотрясаясь от мощных взрывов, в ночное небо взметались пылающие столбы огня и дыма. Это оставшиеся в Миссолонги греки взрывали пороховые погреба и погибали, увлекая за собой врагов. Один из самых достойных граждан, седобородый Кростос Капсалис, собрал больных и стариков и заперся с ними в доме, куда было принесено сорок ящиков пороха. Когда в дом стали ломиться солдаты, он поджег порох, и грянул взрыв, эхо которого докатилось до предгорий.

Беглецы все дальше и дальше уходили от Миссолонги. Счастливый жребий выпал Тасосу. Ни одна пуля не задела его. И он пронес сквозь огонь, сквозь тысячу смертей свою сестренку, и теперь девочка спала, прижавшись теплым комочком к его груди, сморенная усталостью, оглушенная выстрелами и криками. Она даже не испугалась, потому что все, что видела вокруг себя, казалось ей сказкой, пусть страшной, но все-таки сказкой... Тасос думал о том, что утром он отнесет девочку в деревню, а сам отправится в лагерь Караискакиса и останется там, поступит в один из отрядов.

Прошло несколько дней, а полусожженный, лежащий в развалинах город все еще дымился, и траурные хлопья копоти покрывали свежую траву у его стен. Потом торжествующие победители будут грузить на фрегат мешки с отрубленными головами и бочки с отрезанными и посоленными ушами, и корабль, распустив паруса, поплывет в Константинополь, чтобы доставить этот «подарок» султану. И закованные в кандалы пленники, мужчины, женщины и дети, двинутся под конвоем на север, в торговые города Эпира, и там их будут продавать по дешевке вместе с домашним скотом.

Так закончилась годовая осада Миссолонги.

ПОЛКОВОДЕЦ

От пули смерть сладка, друзья, сладка отвага боя.
Того, кто в битве смерть найдет, прославят как героя.

Греческое народное двустишие

МОРЕЙСКИЙ СТАРЕЦ

Лучи заходящего солнца, заглянув в окно, ослепительно вспыхнули на оружии, развешанном на стене. За низеньким столом, где красовалось блюдо с жареным ягненком, шла дружеская беседа. Взгляды расположившихся на ковре вокруг стола капитанов были обращены к двум полководцам, сидевшим рядом. Один из них был Георгиос Караискакис, другой — Теодорос Колокотронис, «морейский старец», как с любовью называли его в народе.

Несмотря на то что Колокотронису было в ту пору уже близко к шестидесяти, он не казался стариком. Он был крепкий и крепок, как дуб, глубоко вросший корнями в землю. У полководца, одного из замечательных вождей греческой революции, были широкие плечи, сильные мускулистые руки. Глаза его смотрели с суровой неумолимостью. Сухое смуглое лицо с длинными черными усами. И откиннутые назад седые волосы.

Все внимательно слушали Колокотрониса. Он говорил резким, отрывистым голосом, подчеркивая отдельные слова коротким и энергичным взмахом руки:

— Правительство, фанариоты¹, богачи не доверяют нам. Они боятся собственного народа и поэтому, захватив власть, спешат накинуть на него узду. Эти люди думают не столько об интересах родины, сколько о своих собственных интересах, о своем благополучии, о своих богатствах, о своем золоте и расшаркиваются перед англичанами. Они готовы действовать по указке иностранной державы, а держава эта проводит

¹ Ф а н а р и о т ы — греческая аристократия, жившая в квартале Фанар в Константинополе. Многие фанариоты занимали видные должности при дворе султана.

свою, выгодную ей политику. Жалкие людишки! Они трепещут при мысли, что народ, разбив цепи рабства, может посягнуть на их сокровища, земли, имущество. Вот почему они так нерешительно, так трусливо ведут войну!

Действительно, Маврокордатос, вынужденный уйти в отставку с поста президента, но продолжавший пользоваться большим влиянием, подписал в 1825 году акт, который ставил восставшую Грецию в полную зависимость от Англии. В первой статье этого акта говорилось о том, что греческий народ передает свою свободу, национальную независимость под покровительство Великобритании. Народ Эллады отверг этот постыдный документ, назвав его актом продажи.

Народные вожаки подверглись репрессиям. Колокотронис и многие его товарищи были брошены в тюрьмы, несколько известных капитанов — предательски убиты.

— О чем только не передумал я, находясь под стражей в монастыре святого Илиаса на Идре! — воскликнул Колокотронис. — Порой мною овладевало бешенство, дикое отчаяние. Там, на материке, идут сражения, наши воины проливают свою кровь, а я вынужден сидеть взаперти в монастырской тюрьме на острове! И кто упрятал сюда меня и моих друзей? Свои же, греки... Неслыханно!.. От бессильной ярости я кусал до крови кулаки. Мне хотелось расшибить себе голову о каменную стену... Как не помутился мой разум, не знаю. Каждый день длился для меня нескончаемо долго. Шло время. Я отпустил в знак скорби бороду...

Наконец нас освободили. Мы вышли из тюрем, потому что этого потребовал народ, палликары, потому что само правительство нуждается в нашем военном опыте, умении руководить войсками и одерживать победы... Да, мы люди из народа. Мы не получили образования, у нас грубая речь и плохие манеры, но зато мы умеем воевать. Мы сражаемся за свободу. И мы победим!.. Налей-ка, сынок, вина! — крикнул Колокотронис молодому палликару, который прислуживал гостям. — Мы выпьем за нашу удачу!

Палликар наполнил кубки красным терпким вином, и все разом осушили их до дна. Многие закурили чубуки, и в комнате поплыли облачка ароматного дыма.

Дело происходило в конце июня 1826 года в небольшом городе Аргосе на востоке Морей.

Время было трудное, тревожное. Овладев Миссолонги, Решид-паша Кютахья и Ибрахим-паша возобновили кампанию. Египтянин направился в Морею, надеясь утихомирить непокорные племена горцев, повстанцев, не сложивших оружия. Кютахья двинулся в Восточную Элладу, прошел, подчинив

себе горную область Румелию¹, и подошел к границам Аттики, готовясь к захвату Афин.

После падения Миссолонги Караискакис, как только почувствовал себя лучше, покинул деревню Платанос, где он принял беженцев и оказал им помощь, и отправился в Навплион. В этом городе находилось тогда греческое правительство. В грозный час, когда решалась судьба революции, Георгиос был назначен главнокомандующим войсками континентальной Греции. Правительство пошло на это неохотно из-за страха перед надвигавшейся катастрофой. Тогдашний президент Греции Заимис сказал: «Нужно во что бы то ни стало спасти отечество, и я подаю голос в пользу своего врага». Правительство понимало, что Караискакис с его военным и организаторским талантом принадлежит к числу тех немногих людей, которые могут спасти страну от нового порабощения. Точно так же за год до этого был назначен главнокомандующим войсками в Морее освобожденный из заточения Колокотронис. Теперь оба полководца встретились в Аргосе.

Колокотронис поднялся из-за стола и, потянувшись, расправив свои могучие плечи, прошелся по комнате. Он был невысокого роста, и тем не менее его фигура казалась внушительной, неотразимо красивой. Даже не зная, кто он, невозможно было не обратить внимание на этого сильного коренастого человека с гривой седых волос, темными усами и бровями, с орлиным носом, с пронзительно дерзким взглядом смотрящих исподлобья глаз. Белые длинные волосы еще более подчеркивали бронзовую смуглоту его худого, опаленного жарким пелопоннесским солнцем лица. И глядя на этого человека, весь вид которого говорил о несокрушимом, железном здоровье, трудно было поверить, что он провел всю свою жизнь в походах и сражениях, что его тело продырявлено пулями и покрыто шрамами от сабельных ударов.

— Друзья мои,— сказал старый клефт,— в недобрый час собрались мы с вами. Сейчас все поставлено на карту. Судьба революции в наших руках. Сумеем мы одолеть и разгромить врага — честь нам и слава. Не сумеем — потомки с презрением будут произносить наши имена! Но мы одержим победу. Мы должны победить!

Колокотронис сел на ковер, рядом с Караискакисом, и палликар, обойдя вокруг стола, снова наполнил кубки гостей вином. Потом кто-то из капитанов затянул старую клефтскую песню, и все подхватили хором этот протяжный, немного печальный напев.

¹ Название «Румелия» применялось тогда также для обозначения фактически всей континентальной Греции.

Был уже вечер. Палликар принес подсвечник с двумя зажженными свечами. Капитаны простились и ушли. Колокотронис и Караискакис остались вдвоем, продолжая начатый за столом разговор.

Был поздний час, когда они расстались, крепко обняв друг друга и расцеловавшись.

Город Аргос, где встретились два полководца, ничем не отличался от других больших и малых городов Южной Греции. Легкие красивые дома с выступающими балконами и галереями. Поднимающиеся над черепичными крышами темно-зеленые пирамиды кипарисов. Старые платаны на площади. Кусты роз, пряно пахнущая гвоздика. Лимонные и апельсиновые деревья.

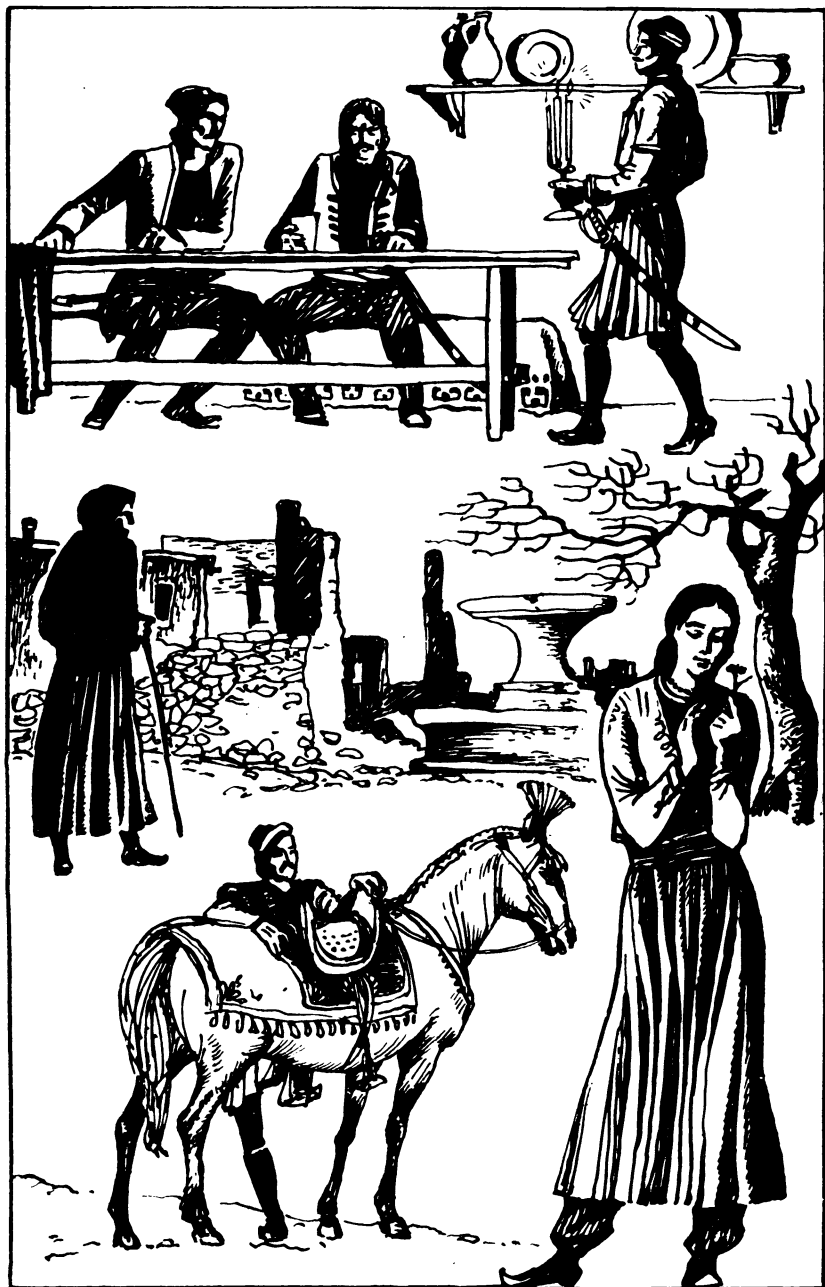
На вершине горы, возвышающейся над городом, расположен замок.

Война разрушила многие дома в Аргосе. От базара остались одни лишь стены да посередине иссякший заброшенный фонтан.

Но было лето, солнце заливало землю своими щедрыми лучами, и поэтому руины и развалины не производили гнетущего впечатления.

Караискакис и сопровождавшие его палликары выехали из Аргоса на следующий день. Небольшой конный отряд двинулся рысцой по прямой и широкой улице к восточной окраине города, где начиналась дорога, ведущая в Навплион. Ахилл ехал рядом с главнокомандующим. Он не любил путешествовать верхом, потому что был неважным наездником. Он ерзал в седле, сползал то в одну, то в другую сторону, то отпуская, то резко натягивая поводья, злился сам и злил, раздражал своего коня, и, наверно, только потому, что у его лошадки был кроткий, покладистый характер, она не сбросила этого беспокойного седока. Марио ехала, таинственно улыбаясь и время от времени искоса поглядывая на Митроса, чья могучая фигура возвышалась над остальными всадниками.

Турчанка думала об этом молчаливом великане, о его странном вчерашнем поступке. Палликар подошел к Марио и, протянув ей какой-то цветок, удалился, не проронив ни слова. Это была крупная, с детский кулачок, алая гвоздика со множеством зубчатых многослойных лепестков. Девушка убежала в свою комнату, достала зеркальце, которое прятала от всех, и, украсив гвоздикой свои густые волосы, стала не без удовольствия разглядывать себя в зеркале, поворачивая его в разные стороны. И теперь цветок, немного увядший, но все еще красивый и пахучий, лежал за воротником ее чистой белой, выстиранной накануне рубашки.

Аргос остался уже позади, когда всадники увидели возле дороги старуху. Она привлекла их внимание тем, что гонялась с прутом за белой козочкой, что-то кричала, звала ее к себе. Строптивное животное, подпустив хозяйку на близкое расстояние, снова отбегало от нее... Карайскакис придержал коня, наблюдая за этой сценой, и вся кавалькада тоже остановилась. Георгиос кивнул Фотису и Ахиллу, и те, соскочив с коней, бросились на помощь старухе. Не без труда удалось им поймать беглянку. Женщина поблагодарила палликаров и, привязав к шее козы веревку, повела ее за собой. Отряд продолжал свой путь.

— Шустрая козочка,— обернулся Карайскакис к ехавшему чуть сзади Фотису.— Вот из-за такой проказницы однажды я всю ночь лазил по скалам...

Ему вспомнилась история, которая произошла с ним в детстве. Он жил тогда у Пуляноса в деревне Мавромати и пас его небольшое стадо. Как-то вечером мальчуган пригнал овец и коз домой, и оказалось, что одной козы не хватает. Уже стемнело. Погода испортилась, подул сильный ветер, начался дождь. Георгиос забился в угол и со страхом ждал, что Пулянос вытащит его оттуда и изобьет. Так случалось уже не раз. Но хозяин, вместо того чтобы надавать ему оплеух, послал его искать козу и сказал, чтобы без нее он не возвращался.

Ночью, в бурю мальчику пришлось уйти из дома. В темноте, под проливным дождем ползал он среди скал и колючих кустарников, исцарапав до крови свои босые ноги, и звал запропавшее животное. Скоро он выбился из сил, прилег под кустом и заснул. На рассвете проснулся и поплелся в деревню. И вдруг чуть не закричал от радости: видит — козочка дремлет в траве, недалеко от дома...

— Неужто и вправду, капитан, ты бегал всю ночь за козой? — спросил недоверчиво Фотис.— Когда бы это могло случиться?

— Давно, ох давно это было, дружище! — ответил с улыбкой Карайскакис.

В П О Х О Д!

Греческое войско отступало, двигаясь к своему лагерю близ Элевейна. Позади осталась деревня Хайдáры, расположенная в одной миле от Афин. Недалеко от этой деревни, в большом неогороженном саду и на примыкавших к нему невысоких холмах, дважды всныхивал жестокий бой. В первый день

палликары Караискакиса бросились врукопашную и заставили неприятеля отойти на исходные позиции. Но через несколько дней Решид-паша, усилив свою пехоту конницей, снова напал на греков. Сражение началось с восходом солнца и продолжалось целый день, до вечера.

Повстанцы, у которых почти совсем не было кавалерии, потерпели поражение.

Звездная августовская ночь опустилась над равниной Аттики. Древняя каменная земля, покрытая высохшей травой, дрожала под ногами быстро удалявшегося войска. Скрипели повозки, на которых везли раненых и убитых, раздавались приглушенные крики команд. Ночь была ясная, и лежавший повсюду камень-известняк выделялся серовато-белыми пятнами...

После встречи Караискакиса с Колокотронисом в Аргосе обстановка резко ухудшилась. Решид-паша Кютахья, подойдя к Афинам, открыл огонь по городу из всех орудий и в августе захватил греческую столицу. Защитники Афин бросились в Акрополь, поклявшись защищать его до последних сил. Сераскер начал осаду цитадели.

Караискакис поспешил со своим отрядом в Аттику. Он устроил свой лагерь у маленького городка Элевсин. Туда были стянуты значительные силы повстанцев. Вскоре произошли две битвы при деревне Хайдары. Защитники Акрополя тщетно надеялись, что греческая армия нанесет поражение Решиду и освободит Афины. Но они воспрянули духом, когда в крепость удалось проникнуть отряду, который усилил гарнизон осажденных. Воины принесли с собой мешки с порохом и с кремнями для ружей. Афиняне, укрывшиеся за крепостными стенами на отвесной акропольской скале, отбивали приступы неприятеля.

Караискакис чувствовал, какая огромная ответственность лежит на его плечах. Как разгромить Решиду? Как освободить Афины, сняв осаду Акрополя? Как очистить Аттику от вражеских полчищ? Эти жгучие, требовавшие ответа вопросы не давали ему покоя ни днем, ни ночью...

* * *

Солнце уже село, когда он вышел из своей палатки. Потемнели голые рыжеватые горы, нависшие с севера над белыми домиками Элевсина. Благодатный воздух Аттики был чист и сух. Караискакис обошел палатку и свернул на дорогу, ведущую в поле. Митрос последовал за полководцем, но тот велел ему остаться. Караискакису хотелось побыть одному.

По неглубокому, полувысохшему руслу бежал ручей. Георгий опустился на обломок мрамора, лежавший на берегу, стал слушать беззаботное журчание воды. Он поднял валявшийся рядом камушек, бросил его в ручей. Сделал он это машинально, не отдавая себе отчета. Мысли его были далеко. Вечерние сумерки, тишина располагали к сосредоточенным размышлениям.

«Решид-паша,— рассуждал про себя Караискакис,— сильнее нас, и последний бой у деревни Хайдары доказал это. В сражениях на равнине, на открытой местности нам его сейчас не одолеть. У него много конницы (а у нас ее почти нет), артиллерия. Он получает регулярно военные припасы и провиант из Румелии. Подвоз из Румелии...»

Не впервые думал Караискакис о Румелии, о том, что, как ни странно могло это показаться, но путь к победе, вероятно, лежит через скалы и ледники этого края. Но сейчас, при трезвом анализе последних событий, он окончательно укрепился в своем первоначальном замысле. «Да, да! Конечно же, нужно идти в Румелию! Нужно идти туда, несмотря на то что уже осень, а когда мы начнем поход, на пороге будет зима. Но иного выхода нет! Надо двинуться в Румелию, разбить войско сераскера, поднять на борьбу народ. Там, в горах, где мы знаем каждый проход, каждую тропинку, где к нам наверняка примкнут рассеянные турками отряды горцев,— преимущество на нашей стороне! И когда вся Румелия будет наша, когда Решид уже не сможет получать оттуда подкрепления, лишится подвоза, мы спустимся в Аттику и, хорошо подготовившись, обрушимся на врага. Освободим Афины с Акрополем, всю Аттику!»

Караискакис вскочил с камня и, взволнованный, зашагал по берегу. Сейчас, когда решение было принято, он почувствовал большое облегчение.

В эту ночь у него окончательно созрел, четко оформился необыкновенный план, в котором отразился гений народного полководца.

* * *

Наступил ноябрь. Над Аттикой хмурилось небо. Волны Эгейского моря с грохотом набегали на берег и отступали, откатывались назад, оставляя на пустынном берегу бурые водоросли.

В палатке главнокомандующего собрались капитаны. На следующий день было назначено выступление. Обсуждались маршрут и детали похода войска численностью в две с поло-

виной тысячи человек. Караискакису нездоровилось, он сидел на лежанке, накинув на себя капю. В широкой, приподнятой на плечах капю он был похож на нахохлившегося больного орла.

Кое-кто из присутствующих не в первый уже раз высказывал свои опасения.

— Вождь! — сказал один из самых храбрых и опытных капитанов, высокий и рослый Хаджипётрос. — Зима в горах сам знаешь, какая суровая, а палликары наши плохо одеты и обуты...

— Будет туговато и с едой, — заметил другой капитан, которого звали Василис Бусгос. — Не так уж много мешков с мукой в нашем обозе, да и овец, которых мы берем с собой, разве надолго хватит для всей нашей оравы? Две с половиной тысячи человек накормить — не пустяк...

— Верно, — согласился Караискакис. — Придется нам подтянуть пояса. Но ведь мы, клефты, люди выносливые. Или ты забыл, брат Бусгос, пословицу: «Грек будет жирен и тогда, когда будет голодать осел»?

Все в палатке громко засмеялись.

— Но не вздумайте, — сказал уже серьезным тоном Георгиос, — разрешать своим ребятам рыскать по деревням и брать что-либо у населения. Увижу вора — сам отрублю ему лапу саблей! Я не шучу, вы меня знаете. Так и сделаю! И вы, когда разойдетесь, объявите это палликарам... Иначе нельзя. Если крестьяне и пастухи увидят в нас грабителей, то как мы сможем увлечь их на борьбу с врагом? Бедные горцы, они сами живут впроголодь: солдаты проклятого Кютахьи уже обчистили их, все отобрали. За это можно ручаться.

В палатку без спроса, на правах ближайшего друга, уже двадцать с лишним лет не отходившего ни на шаг от своего командира и постоянно заботившегося о нем, как о ребенке, вошел барба Цакас и протянул Караискакису глиняную кружку с каким-то питьем, настоящим на травах и кореньях.

Пока Георгиос медленными глотками, сморщившись, пил лекарство, капитаны многозначительно между собой переглянулись. О том, что главнокомандующий давно и тяжело болен, что неизлечимый недуг — злая чахотка — постепенно, но неотвратимо подтачивает его силы, знали все, от командира до рядового палликара. Знали и восхищались силой духа и твердостью Караискакиса, который, несмотря на изнурительную болезнь, вел их за собой в походы и сражения, даже не помышляя о том, чтобы хотя бы на время уехать в какое-нибудь тихое и безопасное место, как советовали ему врачи, и подлечиться там, воспользовавшись покоем, чистым целебным воздухом. Но завтра Караискакис должен отправиться

во главе своей армии в Румелию, а он плохо себя чувствует, пьет лекарство, болезнь его обострилась. Как поведет он по горным кручам своих палликаров? Лежа на носилках, как это было уже не раз? Выдержит ли суровые условия зимы в горах? Об этом думали, это волновало сейчас всех капитанов, собравшихся в палатке полководца.

Один из них, Гардикиотис, который воевал с начала войны и которого палликары любили за смелость и справедливость, спросил Караискакиса, показывая пальцем на кружку, которую тот, выпив лекарство, передал Цакасу:

— Помогает?

— Не знаю,— усмехнулся вождь.— Барба Цакас думает, что должно помочь... Да ты, друг мой, обо мне не тревожься. Эта чертова болезнь и в самом деле не дает покоя, но я давно уже к ней привык. Я научился держать, когда надо, свою хворь, свою чахотку, в кулаке. Вот так! — и Георгиос, сжав смуглый костлявый кулак, потряс им, показывая капитанам, как он расправляется со своей болезнью.

Караискакис вместе со всеми вышел из палатки. Неподалеку собралась большая группа воинов.

— Братья палликары! — обратился к ним главнокомандующий.— Завтра мы идем в поход в Румелию. Я знаю: вы разуты и раздеты, ничего у нас нет. Не беда! Одежду и хлеб мы возьмем у наших врагов. Вас ждут тяготы и лишения, но вы их вынесете, увидев, как ваш капитан первым поставит свою палатку среди снегов!

Рано утром Элевсин проснулся, разбуженный тревожными звуками военных труб, криками, голосами, шумом войска, готовившегося покинуть лагерь.

В древности местечко Элевсин было широко известно. Осенью, после уборки урожая, здесь устраивались религиозные празднества в честь античных богов и богинь. Тысячные толпы людей в белых одеждах, украшенных гирляндами из листьев и венками, двигались в клубах пыли, распевая торжественные гимны, по священной дороге из Афин в Элевсин. Эта шумная и яркая процессия начинала свой путь от западных ворот Афин и, минуя роши Академии, переходила по мосту через речку Кефис и следовала затем по равнине, мимо мраморных храмов, мимо могил знаменитых поэтов, философов и жрецов. Поднятая на руках, плыла, покачиваясь, над людским потоком статуя бога вина и веселья Вакха, чья голова была увенчана миртовым венком...

Но все это происходило очень давно, все бесследно исчезло, и сейчас на древней дороге можно было встретить лишь кавалерийские разъезды неприятеля. И овечья легендами Элев-

син был теперь обычным городком, который пощадила война.

Все жители вышли на улицу и потянулись к лагерю, раскинувшемуся на равнине, у отрогов крутых гор. Палликары строились в колонны, готовые, как только прозвучит сигнал, тронуться в путь, к перевалам. В лагере оставался лишь небольшой отряд.

Опустела палатка главнокомандующего. Караискакис, с саблей на боку, с двумя пистолетами у пояса, вскочил на коня и поскакал к голове выстраивавшейся колонны. Он смотрел на палликаров, которым предстояло сражаться в Румелии. Перед ним промелькнуло худощавое лицо пастуха Фотиса, с крупным носом и двумя глубокими продольными морщинами. Он заметил тщедушную фигурку Ахилла. Верные товарищи, друзья, вместе с которыми он начинал войну в Эпире. Он увидел стройного юношу Тасоса, явившегося к нему в деревню Платанос после гибели Миссолонги. Многих палликаров он знал в лицо, видел их в бою и гордился ими. Было здесь и немало новобранцев, недавно вступивших в его войско. Он не знал их, но верил, что они не подведут.

Когда колонна качнулась, двинулась вперед и сотни людей медленно зашагали по дороге, ведущей в горы, один из жителей Элевсина, провожавших армию Караискакиса, сгорбленный старик, опирающийся на узловатую палку, громко сказал:

— Идите, дети мои, идите освобождать нашу землю. Мы будем ждать вас с победой!

И смахнул слезу рукавом серой замусоленной рубахи.

ШАЛЬВАРЫ КАТЕРИНЫ

Путь их лежал через горный массив в местечко Домврена на берегу Коринфского залива, а оттуда — на северо-запад, к деревне Дистоמו, в самое сердце гор. В Домврена провели несколько дней. Это была короткая передышка перед теми испытаниями, которые ждали повстанцев зимой среди угрюмых хребтов и неприступных скал.

Караискакис остановился в доме одного купца. Он посмеивался над дочкой хозяина: девушка в желтом шелковом платье, стянутом в талии поясом с серебряной пряжкой, с насурмленными дугами бровей грустно распевала румелийскую песню: «Я вяну; пены волн морских стал цвет ланит моих бледнее... Приди ж, о милый...»

Полководец сказал ей:

— Хорошо ты поешь, только песня твоя очень печальная. У тебя есть жених?

— Нет...— едва слышно проговорила красавица.

— За этим дело не станет. Но прошу тебя, не горюй и не страдай, а то и впрямь будешь бледнее морской пены...

У девушки, вопреки песне, которую она пела, были полные, румяные щеки...

Но вот из Домврена — снова в горы, и уже надолго, до весны.

Неприветливо встретили войско Караискакиса горные кручи Румелии. Чем выше взбирались палликары, тем становилось холоднее. Погода испортилась. Совсем низко — рукой подать — летели облака, задевая за скалистые вершины. На открытых площадках свистел ветер. Начались затяжные дожди. С глухим рокотом бежали в ущельях вздувшиеся от дождей мутные потоки.

Люди в промокшей насквозь одежде месили ногами грязь, падали на скользких плитах скал. Цепляясь руками за мокрые кусты, упрямо лезли вверх. Тянули за собой упиравшихся мулов. На коротких привалах, выбрав укрытия от дождя и ветра, с трудом разжигали костры, готовили еду, грелись у горевших с шипением сучьев, над которыми поднимался дымный чад.

На рассвете очертания впереди лежащих гор едва вырисовывались в тумане. Когда к утру туман таял, можно было увидеть кое-где внизу маленькие деревушки, прилепившиеся к скалам.

Войско вступило в высокогорную часть Румелии. Первые же стычки с неприятелем, который вовсе не ожидал встретить в этой завоеванной области греческую армию, увенчались успехом палликаров. Война пришла в эти полные первозданной тишины горы, где можно было услышать лишь шум стремительно несущихся по каменистому дну речек, да звук пастушьей свирели, да крик парящего в небе орла.

Жители освобожденных деревень радостно встречали повстанцев, делились с ними своими скудными припасами, приглашали на ночлег. Многие горцы, кто был еще не стар и мог владеть оружием, присоединялись к армии Караискакиса.

Вблизи одного перевала завязался бой, и палликары оказались в тяжелом положении. Караискакис послал связного к Василису Бусгосу, который занимал со своим отрядом одну из ближайших вершин, и приказал капитану быстро спускаться на помощь.

Связным оказался молодой новобранец. Его ошеломила лихорадочная трескотня выстрелов, крики, он струсил и, вместо того чтобы бежать к Бусгосу, спрятался за скалу, закрыл

глаза, зажал ладонями уши, чтобы ничего не видеть и не слышать...

Когда атаки были с трудом отбиты и бой затих, Караискакис, не медля ни минуты, сам отправился к Бусгосу. Он без передышки стремительно взбирался вверх. Палликары едва попевали за ним. «Трус! Жалкий трус! Старый осел!..» — гневно повторял Георгиос, осыпая ругательствами капитана, осмелившегося не выполнить его приказание.

Увидев издали Василиса Бусгоса, который стоял под сонами вместе со своими товарищами, он закричал:

— Эй, Бусгос! Где твоя совесть? Ты опозорил себя!..

Бусгос побледнел и рванулся навстречу полководцу:

— Я трус? В чем ты меня обвиняешь?

— И он еще спрашивает! Ты не пришел нам помочь, отсиживался в безопасном месте. Нас чуть всех не перебили!.. Шальвары Катерины! Несите сюда шальвары Катерины! — вскричал Караискакис, сжимая кулаки. — Наденьте их на капитана! Пусть все видят его позор!..

— Мне... я... мне шальвары?... — запинаясь, произнес Бусгос. Губы его дрожали, он хотел что-то сказать, возразить, но от страшной обиды не мог больше произнести ни слова. Первый раз в жизни при всех его оскорбили так жестоко и так несправедливо!

Не было палликара, который не знал бы о «шальварах Катерины». Как-то, еще в начале войны, повстанцы, захватив неприятельский обоз, обнаружили среди разного имущества и восточных одеяний женские шальвары из полосатой ткани. Посмеялись тогда — зачем солдатам султана шальвары? Смеялся вместе со всеми и Караискакис... На следующий день снова был бой. И случись так, что один палликар, увидев издали несущегося на него кавалериста, испугался, побежал назад и спрятался в кустах...

Самым большим человеческим пороком Караискакис считал трусость, малодушие. Он, негодуя, обрушился на палликара: «Ты не мужчина! Не ружье тебе надо дать — веретено!» И тут вспомнил про вчерашнюю находку. Велел принести полосатые шальвары и надеть их на струсившего воина.

Кто-то назвал тогда это орудие позора «шальварами Катерины», дав им это распространенное имя. Караискакис повсюду возил их с собой. И не было для воина, для мужчины большего унижения, чем оказаться в женских шальварах...

Яростный крик Караискакиса замер, отозвавшись эхом, но никто не двинулся с места. Кто мог усомниться в воинской доблести и честности старого капитана Бусгоса? Даже сама мысль, чтобы облачить этого заслуженного, храброго коман-

дира в женские шальвары, казалась всем чудовищной и невероятной.

— Что стоите? — крикнул Караискакис, и в его часто моргавших маленьких глазах, глубоко спрятанных под темными нависшими бровями, вспыхнули зловещие огоньки. — Я не привык повторять приказание! А ну быстреей!..

Но тут все видят, как Бусгос выхватывает из-за пояса пистолет, кричит: «Я трус! Я?..» — и наводит на вождя черный зрачок дула. Палликары бросаются к Бусгосу и не дают ему выстрелить.

Капитан вырвался из сцепившихся в него рук и быстро, не оглядываясь, пошел по тропинке, огибавшей гранитный утес. Никто не осмелился его остановить, задержать. Караискакис, насупившись, молчал...

Скоро запылала костры, запахло дымом и жареным мясом. День выдался тяжелый, и вождь приказал, несмотря на нехватку провианта, досыта накормить людей. В обычные же дни солдатский рацион был безжалостно урезан: нередко — сухая ячменная лепешка, горсть маслин да ледяная, сводящая скулы вода из горных потоков и ручьев. Но сегодня, после особенно ожесточенного боя, полководцу хотелось хорошо угостить палликаров, сделать так, чтобы они хотя бы ненадолго забыли о тяготах походной жизни.

Воины, прикрывая рукой от огня лица, медленно поворачивали вертела с барашками. На подернутых пеплом горячих углях жарились длинные тонкие колбасы — кокорёци: бараньи кишки, набитые мелко нарубленными и сильно наперченными внутренностями. Зажаренных барашков снимали с рогатин и ставили к скале, передними ногами вниз. Янтарный жир капля за каплей стекал на землю. Длинные кокорёци разрезались на равные доли с помощью деревянной мерки.

Сильно проголодавшиеся за день палликары набросились на вкусное, сочное мясо. Появились глиняные кувшины с раки, каждый отпивал сколько хотел.

Караискакис сидел у костра, подбрасывая в него сухие сучья. Вдруг кто-то подбежал к нему, бросил наземь брякнувшее о камень ружье.

— Вождь, виноват я... Вели меня убить...

Это был связной, молодой парень с пухлыми, как у ребенка, губами.

Караискакис вскочил, грубо оттолкнул его, закричал:

— Бусгос! Где Бусгос? Бусгоса ко мне! Быстреей! Сию минуту!

Бросились искать капитана, его нигде не было. Но вот к Караискакису подошел Митрос и, наклонившись, что-то про-

шептал ему на ухо, показывая рукой на видневшиеся в стороне серые скалы. Главнокомандующий поспешил туда.

Он подбежал к Бусгосу, заговорил горячо, возбужденно:

— Прости меня, брат. Я обвинил тебя несправедливо. Не разобрался в том, что произошло. Ты не виноват, виноват этот подлый трус связной: я послал его к тебе, а он сбежал, спрятался в нору... Прости, если можешь. И давай поцелуемся, брат Бусгос! Забудем об этом. Слышите вы? — крикнул он находившимся здесь палликарам.— Я при всех прошу прощения у капитана. Я его зря обидел. Беру все свои бранные слова обратно...

Караискакис первым шагнул к Бусгосу и привлек его к себе, стиснул крепким мужским объятием. Они поцеловались, и у обоих по щекам потекли слезы. Ничто не могло заставить их заплакать. Это были люди сильной воли, твердой закалки. А тут они вдруг оба ощутили спазм в горле, и из глаз их полились слезы. Они не могли сдерживать эти слезы и не стыдились их перед окружающими.

Полководец снял с себя длинную, в дорогих ножнах саблю и протянул ее Бусгосу:

— Прими мое боевое оружие. Дарю тебе...

Караискакис вернулся к своему догоравшему в сумерках костру. Палликары заканчивали трапезу. Огненные блики играли на их худых, бородатых лицах.

— А где этот... щенок? — спросил полководец.

— А вон сидит под деревом.

— Позвать сюда!

Парня привели.

— Уходи! — сказал ему Караискакис.— Уходи из отряда. И чтоб я больше никогда тебя не видел!

Стало совсем тихо. Хрустнула веточка. Кто-то вздохнул. Кто-то кашлянул. Парень стоял неподвижно, опустив голову.

— Я все сказал. Баста! — решительно произнес вождь.

Палликары заговорили все разом:

— Куда он пойдет?

— Замерзнет в горах.

— С голоду помрет.

— Конечно, виноват он...

— Верно, что виноват, да кому первый раз не страшно было в бою?

Что-то далекое, полузабытое возникло в памяти полководца. Он вспомнил, как давным-давно, придя в отряд Кацандониса в горах Аграфы, он растерялся во время первой стычки и лишь после того, как Цакас здорово треснул его по шее, опомнился, стал стрелять и сразил пулей одного из наемников.

Сердце Караискакиса смягчилось, ему стало жалко парня.

— Когда к нам пришел? — спросил он его.

— Нынешним летом.

— Где жил до этого, что делал?

— В деревне жил, пас овец, ухаживал за ягнятами... Прости меня... Не прогоняй... Поверь мне... Я докажу... Даю слово! — умоляющей скороговоркой выпалил парень.

— Ладно, оставайся пока... А завтра, — сказал Караискакис палликарам, — наденьте-ка на него шальвары Катерины, обязательно наденьте. Пусть походит в женских штанах. Получай, что заслужил!

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

Глухой ноябрьской ночью порывистый холодный ветер, дувший из ущелий, уныло завывал над горной деревней Дистомо, где стояло лагерем греческое войско.

В большой мрачноватой комнате бедного крестьянского дома горел очаг, потрескивали поленья и сучья. Невдалеке от огня, на земляном полу, лежали охапки свежих сосновых веток, покрытых сверху одеялом. Это была постель главнокомандующего. Караискакис расхаживал взад и вперед по комнате, где пахло дымом и хвоей, древесной смолой.

Хлопнула входная дверь, слышались шаги, голоса. Вошел дядюшка Цакас.

— Капитан, тебя хочет видеть какой-то монах.

— Час от часу не легче! — сказал Караискакис. — Монах, да еще в полночь... Зачем я ему?

— Говорит, для важного разговора...

— Ох уж эти мне монахи!.. Ладно, засвети лампу и зови его.

Цакас поднес зажженную щепку к фитилю самодельной масляной лампы, прикрепленной к стене, и в комнате стало светлее. Старик привел молодого монаха в забрызганной грязью рясе и темной скуфье.

— Я из соседнего монастыря, — сразу заговорил нежданный гость, обращаясь к Караискакису. — Мой дядя, игумен, послал меня, чтобы сообщить тебе важную новость...

— Иди к огню, погрейся, — сказал полководец. — Ну, что за новость?

— Дядя велел передать, что около монастыря и в ближних деревнях расположилось войско турок и албанцев. Не меньше двух с половиной тысяч солдат. Генерал Мустафа-бей и

кехайя-бей¹ остановились у нас в монастыре...

Караискакис встрепетнулся весь. Это было действительно важное сообщение. Речь шла о находившейся в Румелии резервной армии Решида-паши, которой командовал опытный и искусный в военном деле Мустафа-бей. До сих пор повстанцы имели дело лишь с отдельными неприятельскими отрядами. Теперь им предстояло противоборство с основными силами, с целой армией. Таков был первый вывод, который сделал для себя Караискакис.

— Мустафа-бей и кехайя-бей, — продолжал инок, — обедали в келье, и им подавал кушанья один монастырский слуга — он хорошо знает турецкий язык. Он слышал, о чем они говорили. Мустафа-бей сказал, что завтра им идти в Арахов, а оттуда к Салона, что там они атакуют с тыла наших, которые осаждают эту крепость. Мустафа-бей подробно объяснил свой план, и слуга запомнил все, побежал к дяде и рассказал, что услышал.

— Молодец грек!

— Дядя сразу позвал меня и отправил к тебе, чтобы ты узнал, что затевают враги. И вот я здесь... А план у них такой. Пятьсот солдат на рассвете уйдут в Арахов. Остальное же войско, главные силы чуть позже тоже направятся в Арахов, но с другой стороны, через проход Земенó...

«Нужно опередить Мустафу-бея! Мы должны войти в Арахов первыми, раньше его отряда. Устроим ему ловушку! — Эта дерзкая идея возникла у Караискакиса внезапно, подобно вспышке молнии. Он стал лихорадочно думать, стараясь развить, обосновать свой замысел. — Арахов лежит как бы на перекрестке, при соединении выходов из трех долин. Быстро занять деревню, пропустить туда через горный проход войско Мустафы-бея, следуя за ним по пятам, и зверь — в капкане! Да ведь это удивительный случай, его посылает нам судьба, и не воспользоваться им — преступление!»

В самом деле, то, что монах принес полководцу столь важные сведения, было случайностью, счастливой для греков случайностью, которой могло и не быть. Монастырский слуга мог не понимать по-турецки, и план, изложенный Мустафой-беем, остался бы ему неведом. Но и узнав его, он мог не сообщить об этом игумену, а тот, в свою очередь, вовсе не обязательно должен был послать своего племянника к Караискакису.

Да, это была одна из тех случайностей, которые так не-

¹ К е х а й я - б е й — должность: заместитель командующего турецкой армией.

редки на войне. Главное — уметь использовать эту случайность в своих интересах, не упустить время. Нерешительный, излишне осторожный полководец на месте Караискакиса, узнав о том, что армия Мустафы-бея менее чем через сутки будет в Арахове, возможно, лишь принял бы это к сведению или долго и мучительно колебался бы, раздумывая, что надлежит предпринять в создавшейся обстановке, взвешивая «за» и «против», не отваживаясь на решительный шаг. Но для талантливого, энергичного военачальника благоприятная случайность может стать залогом победы! Караискакис, этот «Цезарь гор», как его называли, всей своей безошибочной интуицией, прозорливостью, своим военным опытом мгновенно понял, что нужно действовать, не теряя ни минуты. Сейчас все зависело от быстроты движения, быстроты маневра.

Полководец весь преобразился. Расправлены плечи, голова слегка откинута назад, твердый, повелительный взгляд из-под густых нависших бровей. Перекатываются желваки по смуглым скулам, топорщатся, вздрагивают длинные темные усы.

— Ты принес ценные сведения,— сказал Караискакис ночному гостю.— Спасибо! Возвращайся назад. Передай дяде мою благодарность. Сумеешь незаметно вернуться в монастырь?

— Сумею. Темнота мне поможет, да и каждую тропинку я здесь знаю.

— Что будешь делать, если тебя остановят солдаты Мустафы?

— Скажу, что ходил в деревню проведать больную мать.

— Могут принять за шпиона!

— Отобьюсь! Убегу! У меня под рясой кинжал!..

Инок ушел. Караискакис велел позвать капитанов. Они явились, встревоженные и удивленные тем, что их вызвали в столь поздний час.

Главнокомандующий кратко рассказал им о том, что сообщил ему монах, изложил свой план, отдал приказания:

— Гардикиотис! Возьми пятьсот человек и отправляйся сейчас же в Арахов. Займешь церковь на окраине деревни и соседние дома. Будешь ждать, когда подойдет отряд, посланный Мустафой-беем. Встретишь его, как полагается! А ты, Хаджипетрос, тоже пойдешь вместе со своими палликарами к Арахову, но не сейчас, а попозже, когда начнет светать. Поможешь Гардикиотису: нападешь на солдат Мустафы с тыла. Я же позволю неприятелю беспрепятственно пройти через Земено и двинусь за ним следом в Арахову. Мы зайдем выходы из трех долин. Путь назад врагу будет отре-

зан! Позаботимся и о том, чтобы Мустафа не смог, обойдя деревню, идти к Салона. Кольцо замкнется! Все! Ясно, друзья мои? А теперь быстро расходитесь и выполняйте то, что я приказал.

Караискакис подозвал грамотного палликара Энианаса, выполнявшего роль секретаря, и продиктовал ему письмо к капитанам, осаждавшим крепость Салона. Он уведомил их, что необходимо снять на время осаду и поспешить к Арахову, чтобы преградить путь Мустафе-бею, если тот, стремясь вырваться из окружения, попытается двинуться в этом направлении.

Энианас вложил письмо в пакет, запечатав его сургучом. Гонец, которому была вручена депеша, тотчас же покинул деревню.

Вскоре во дворах Дистомо вспыхнули костры. Караискакис приказал испечь хлеб для отрядов, которым предстоит рано утром отправиться в путь. В те времена каждый палликар был сам для себя пекарем. В снаряжение воина, помимо ружья, сабли, пистолетов, кинжала, пояса, в котором имелось место для патронов, входила также «скатерка» — кусок козлиной или овечьей шкуры. На этой скатерке палликары ели во время привалов и на ней же месили тесто.

Вот и сейчас все лепили из ячменной муки булочки, чтобы испечь их потом на углях, в горячей золе.

Никто не спал в эту ночь. Уже давно ушел к Арахову, бесшумно покинув лагерь, отряд Гардикиотиса. В темноте багровые пятна догорающих костров были похожи на глаза фантастических животных. Поблекли, стали пропадать звезды в холодном осеннем небе. Близился рассвет.

Когда все распоряжения были сделаны, Караискакис, оставшись один, подошел к очагу и, взяв уголек, раскурил трубку. Он сел на лежанку из сосновых веток. Курил, думал о своем плане, о предстоящем сражении.

Потом вышел во двор. Марио сидела на ступеньке порога, зажав в коленях свое маленькое греческое ружье. Услышав шаги, она вскочила.

— И ты не спишь, Марио?

— Я охраняю тебя!

Главнокомандующий усмехнулся и, показывая трубкой на чистую светло-зеленоватую полоску в небе над темными кручами гор, сказал:

— А ведь уже светает. И день будет, по-моему, хороший, ясный...

— Да, хороший будет день...— закивала головой турчанка.— Все будет так, как тебе хочется...

— А раз так,— рассмеялся Караискакис,— давай поднимать лагерь. Пора!

Не прошло и получаса, как войско оставило горную деревушку.

В ЗАПАДНЕ

Среди пятисот палликаров, которые вскоре после полуночи первыми ушли к Арахову, был Тасос. Мальчишка из Миссолонги запасся патронами (каждый патрон — заряд пороха с пулей в бумажной гильзе), взял свое кремневое ружье и поспешил за товарищами, стараясь держаться ближе к впереди идущим, чтобы не отстать, не потеряться в темноте.

Времени на сборы не было, и поэтому палликары взяли с собой лишь самое необходимое — оружие. Остальное имущество оставили в деревне, надеясь захватить его при возвращении. Многие шли налегке, без кап, в одних куртках. Но от быстрой ходьбы все разогрелись, никто не чувствовал ночного холода. Луна не светила, но небо было ясное, и звезды помогли людям Гардикиотиса не сбиться с пути.

Тасосу было приятно идти рядом с палликарами, слышать их звучавшие в темноте голоса. Когда кругом свои, совсем не страшно и начинаешь верить, что все будет хорошо. И вообще он был весь охвачен легким и радостным, приподнятым настроением. Он радовался, что участвует в походе в горах Румелии, что его знает сам Караискакис, который относится к нему, как к доброму старому знакомому, и что сейчас, ночью, он вместе с отрядом Гардикиотиса направляется, как сказали, к Арахову.

Сзади донесся протяжный приглушенный крик:

— Замедлить ша-а-аг!..

Один из находившихся возле Тасоса палликаров, приложив обе ладони ко рту, закричал, передавая эту команду дальше:

— Замедлить ша-а-аг!..

И через несколько мгновений эти же слова, повторенные вновь, послышались уже издалека. Команда, как птица, порхала, уносясь все дальше и дальше над рядами сильно растянувшегося в длину отряда. Так еще со времен клефтской борьбы из уст в уста передавались приказания командиров.

Гардикиотис отдал это распоряжение, проявляя осторожность, потому что его отряд уже подошел близко к Арахову. Нужно было убедиться, нет ли там турок. Посланные в разведку палликары сообщили, что деревня не занята врагом.

Отряд уже выходил из долины. Ночной сумрак постепенно рассеивался. Впереди в глубоком безмолвии лежала большая

деревня, окруженная горными хребтами, чьи очертания начинали заметнее проступать на побледневшем фоне предутреннего неба.

Тасос и другие палликары спускались по протоптанной мулами тропе. Слышно было, как со стуком скатываются вниз небольшие камни. На краю деревни белела церквушка, за ней по обе стороны виднелись черепичные крыши.

Гардикиотис, выполняя приказание главнокомандующего, занял окраину Арахова.

Тасос вместе с другими палликарами вошел в один из домов. Это было жилище бедняков: почти пустая комната, насквозь продымленная, с покрытыми копотью стенами. У входа, на земляном полу, — несколько головок козьего сыра. Рядом — бочонок для вина. В углу на циновке копошились трое ребятишек, один другого меньше. Здесь же лежала на полу, должно быть, заболевшая белая грязная овца.

Две женщины, одна старуха, другая молодая, с гладкими черными волосами глядели с испугом на палликаров. Хозяин, хромой пожилой горец с заспанным лицом, спросил:

— Кто вы?

— Мы из армии Караискакиса. Сюда идет Мустафа-бей... Вам нельзя здесь находиться.

Обе женщины заплакали. Мужчина цыкнул на них:

— Перестаньте! Мы пойдем в пещеры — там безопасно. Собирайте-ка лучше вещи!

Взрослые засуетились, стали складывать в мешок самое ценное, что у них было из одежды, домашней утвари. Ребятишки с любопытством, широко раскрыв глаза, наблюдали за родителями. И только по-прежнему спокойно лежала на полу безучастная ко всему овца. Она словно понимала, что эта кутерьма ее не касается, что все равно ее не возьмут с собой...

Вскоре все жители покинули деревню, хорошо зная, что их ждет, если враг ворвется в Арахов. Они спешили укрыться в пещерах Парнаса, где уже не раз во время войны находили себе убежище.

Тасос вместе с палликарами полез на чердак. Выбив ударом ружейного приклада черепицы, они устроили в крыше бойницы.

Прошло несколько часов. И вот с колокольни церкви, где был устроен наблюдательный пункт, донеслись крики:

— Идут! Идут! Эй, готовьтесь к бою!

Всмотревшись в даль, Тасос и его товарищи увидели множество фигурок, появившихся при выходе из близлежащей долины. Неприятельские солдаты, ничего не подозревая, двинулись к деревне. Хорошо был виден Парнас — огромная гора,

чьи скалистые вершины покрывал снег, ослепительно сверкавший в холодных лучах осеннего солнца. Парнас, где, как гласит античное сказание, обитали бог света, солнца, покровитель искусств Аполлон и его девять муз, был в этот час спокойно-величественным и лучезарным.

Фигурки солдат, приближавшихся к Арахову, становились все более заметными.

Это был передовой отряд, посланный Мустафой-беем.

— Гляди-ка, сколько их! — крикнул Тасосу его сосед. — Ну, парень, заряжай ружье и жди команды. Стрелять-то ты умеешь?

— Чудак! Если бы я не умел стрелять, то зачем бы я полез с вами под крышу? И вообще, зачем мне тогда было поступать в отряд?

Подросток взвел курок и откинул стальное огниво, помещенное в кремневом замке. Потом достал из своего широкого, украшенного вышивкой пояса патрон, надкусил его с одного конца и, отсыпав часть пороха на ружейную полку, закрыл огниво. Тасос поставил ружье прикладом на пол, высыпал из патрона в дуло оставшийся порох и затолкнул туда шомполом круглую свинцовую пулю, лежавшую в уже пустой бумажной гильзе.

Он действовал уверенно и неторопливо, хотя, сказать по правде, то, что враг все ближе и ближе подходит к деревне, волновало его. Темно-карие, почти черные глаза Тасоса лихорадочно блестели... Он высунул до половины ружье из бойницы и, плотно прижав приклад к плечу и широко расставив ноги, стал ждать, когда будет подана команда стрелять.

Неприятельский отряд двигался по равнине. Солдаты шли беспорядочными толпами. Уже можно было различить белые капы албанских наемников. Среди них выделялись воины в зеленых бешметах, в мохнатых папахах. Неторопливо ступали навьюченные низкорослые мулы, серые ослики с деревянными седлами.

«Чего же медлят командиры? — недоумевал Тасос. — Уже надо стрелять!..» Он не знал, что Гардикиотис приказал подпустить врага совсем близко и потом сразу, внезапно открыть со всех сторон огонь.

Но солдаты, увидев, что вся деревня словно вымерла, окутанная подозрительной тишиной, что никто из жителей не выходит их встречать, забеспокоились и стали замедлять шаг. Наконец они совсем остановились, почуяв опасность. Турки заметили, возможно, бойницы, сделанные в стенах домов и на крышах, поняли, что греки, опередив их, заняли Арахов.

Тогда солдаты, подождав, когда подтянется весь отряд, начали без передышки с расстояния трехсот—четырёхсот шагов стрелять по позициям палликаров, стараясь осторожно, где ползком, а где короткими перебежками, достичь окраины деревни и выбить их оттуда.

Тасос прицелился и выстрелил. Разрядили свои ружья и его товарищи, стоявшие у бойниц. Чердак наполнился грохотом и дымом.

Тем временем к Арахову подошло войско во главе с Мустафой-беем. То, что направленный им сюда отряд ведет у деревни бой, было для него полной неожиданностью. Проклятый сын монашки, этот чахоточный гяур Караискос перехитрил их, разгадав каким-то дьявольским способом их план, и преградил им путь к крепости Салона!.. Но ничего... Теперь, когда подошли основные силы, они овладеют Араховом!

Бой возобновился с новой силой. Турки рвались вперед, но палликары, метко и дружно стрелявшие из укрытий, не давали им приблизиться. И все же воинам Гардикиотиса не удалось бы долго продержаться, тем более что Хаджипетрос, спустившийся к Арахову, не мог из-за малочисленности своего отряда оказать им существенную помощь.

Но тут с колокольни раздался радостный громкий крик, подхваченный теми, кто находился внизу:

— Караискакис! Ура!.. К нам идет Караискакис!

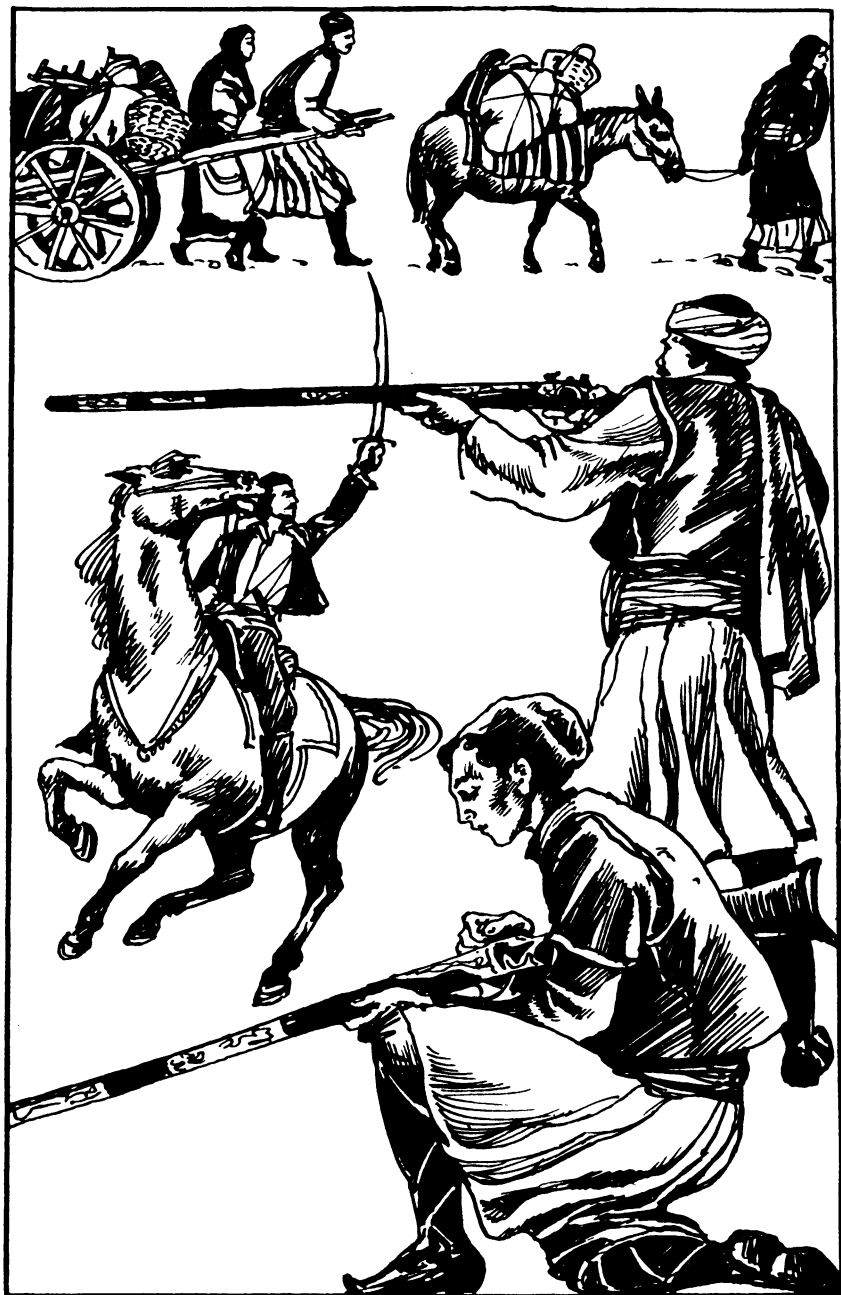
Полководец, выполняя свой план, шел от самого Земено за неприятельской армией, потихоньку загоняя ее в ловушку у Арахова. Греческое войско заняло выходы из всех трех долин.

Повстанцы, защищавшие окраину деревни, воспрянули духом. Сзади на врага устремились воины Караискакиса; стал спускаться с возвышенности отряд Хаджипетроса... Турецкие начальники поняли, что они оказались в западне, и их охватила паника. Тем более, что единственный путь к спасению — путь к Салона — преградили им греческие отряды, прибывшие оттуда по приказу Караискакиса.

Турки и албанцы отступили от Арахова и расположились у предгорий, приготовившись к обороне. Все молились, чтобы аллах послал им спасение.

Весь день, пока шло сражение, светило солнце, но к вечеру погода внезапно, как это бывает в горах, испортилась. Небо над Парнасом заволочло тучами, с неприступных вершин подул ледяной ветер.

Когда стемнело, вдруг пошел снег. Густые пушистые хлопья закружились в воздухе, опускаясь на крыши домов, деревья, землю... Все окутала белая пелена, и от обилия выпавшего

и продолжавшего идти снега тьма словно рассеялась, стало светлее.

Тасос оставался в доме целый день, то на чердаке, у бойниц, то внизу, в комнате, где палликары отдыхали и закусывали сыром и ячменным хлебом. Вечером он вышел на улицу и поразился, увидев, как все изменилось вокруг. Он впервые в жизни видел снег, столько снега, и сейчас с интересом смотрел, как вокруг него с мягким, едва слышным шуршанием, налетая друг на друга, несутся к земле крупные снежинки, как они нежно скользят по лицу, скатываются со щек, залетают за воротник, покалывая шею своим холодным мимолетным прикосновением, как невесомо застревают в складках одежды.

Из дома вышел палликар, крикнул Тасосу:

— Ты что, замерзнуть хочешь? Иди к нам!

Ему налили вина из бочки. Он выпил это кисленькое крестьянское винцо и почувствовал, как по телу разливается приятная теплота.

Холод, снег застигли греков врасплох. Никто не думал, что погода так сразу переменится. Плохо одетые палликары мерзли, но они находились в деревне, могли укрыться в покинутых крестьянами домах. Неприятельские же солдаты, расположившиеся на открытой местности, сильно страдали от холода. Они сняли с ослов деревянные седла, побросали их в кучи и зажгли костры. Солдаты, закутавшись в капы и надвинув до бровей бараньи шапки, жались друг к другу. Они с нетерпением ждали рассвета, надеясь, что аллах смилостивится над ними и пошлет им утром спасение. А пока молча сидели, и снег падал и падал на их понурые фигуры.

Своих лошадей, мулов и ослов они поставили вокруг себя, с края. Животным тоже было не сладко. Тоскливо раздавались в ночи конское ржание и резкий, прерывистый ослиный крик.

«ТЫ ХРАБРЫЙ МАЛЫШ!»

Лишь к утру перестал идти снег. Над побелевшими горами низко нависло тусклое, хмурое небо. Деревня утопала в сугробах.

Ожил возле Арахова вражеский лагерь. Из палатки вышел Мустафа-бей в распахнутой собольей шубе, крытой парчой. За поясом сверкало золотом оружие. Бей посмотрел по сторонам: на деревню, на горы, на небо... Сказал подбежавшим к нему начальникам, приближенным:

— Всемогущий аллах не покинет нас в беде! Скоро сюда

придут отряды, которые мы оставили у монастыря. И наш мудрый и храбрый Кютахья-паша поможет нам из Афин. Презренный Караискакис просчитается! Мы вырвемся из этой ловушки! Клянусь аллахом, мне еще принесут отрубленную башку этого разбойника, и я плюну в нее и пошлю потом нашему непобедимому паше. Проклятый сын монашки узнает наконец, с кем имеет дело!..

Когда рассвело, с обеих сторон началась перестрелка, и она не прекращалась до самого вечера.

Палликары из отряда Гардикиотиса покинули дома возле церкви и заняли другую позицию. В домах с бойницами в черепичных крышах расположились воины, пришедшие вместе с Караискакисом. Люди Гардикиотиса находились теперь на самом передовом, ближайшем к неприятелю рубеже. Это был загон для скота, обнесенный невысокой, немного меньше человеческого роста, стеной, сложенной из камней. Стена эта служила хорошим укрытием от пуль, которые со скрежетом чиркали о камень с внешней стороны.

Тасос стрелял, взобравшись на небольшой плоский валун, лежавший у самой стены; она была для него слишком высока. Разгоряченный азартом усилившейся перестрелки, он скинул с себя капу, оставшись в синей курточке-безрукавке. На густых кудрявых волосах его была надета чуть набекрень красная скуфья с кисточкой.

Впереди, до самых предгорий, расстилалась заснеженная равнина. В разных местах в отдалении то и дело вспыхивали едва заметные огоньки, окутанные маленькими облачками дыма. Это было похоже на какую-то веселую безобидную игру, но это были ружейные выстрелы из неприятельского лагеря, несущие смерть.

Мальчишка из Миссолонги напевал строфу из «Военного гимна» Ригаса, одну и ту же строфу, которая врезалась ему в память: «За ружья! За мечи! Дружнее в бой! И дрогнут пред нами палачи». Вдруг пуля жикнула у него над самой головой, скуфья съехала совсем набок. Тасос спрыгнул с камня, снял скуфью и осмотрел ее со всех сторон: под верхним донышком, над которым развевалась кисточка, обнаружил дырку. Он всунул туда мизинец, и мизинец свободно пролез через отверстие. Тасос показал свою простреленную скуфью соседу. Палликар покачал головой и сказал:

— Будь осторожней, сынок! Не высовывайся очень из-за стены. Это пули, а не пчелы... Не успеешь опомниться, как бац — и крышка!..

Тасос снова влез на камень. «Дружнее в бой! Дружнее в бой!» — напевал подросток. Он нацепил свою скуфью на

дуло, поднял ружье над головой и стал им размахивать. Сбитая пулями скуфья упала на землю...

— Эй, перестань дурачиться! — крикнул Тасосу палликар. — Со смертью вздумал шутить?

На третий день, утром, перестрелка не возобновилась. Мустафа-бей приказал не тратить зря патроны. Он ждал, когда придет главный отряд, оставленный в резерве у монастыря. И вот наконец со стороны Парнаса донеслись выстрелы. Это спускались турецкие солдаты. Лагерь всколыхнулся, тронулся с места. Турки и албанцы, побросав в снег тяжелые капы, побежали навстречу своим, стараясь во что бы то ни стало вырваться из западни, в которую их заманили.

Мустафа-бей не знал, что это явился лишь небольшой отряд, шедший не через Земено, а другим путем. Главный же отряд, восемьсот солдат вместе с мулами, нагруженными тюками с провиантом, попал в ловушку в этом горном проходе. Он был свободен, и турки спокойно в него вошли. И они оказались в мышеловке. На них с обеих сторон напали палликары, спрятавшиеся в засаде. Солдаты, спешившие на помощь окруженным беям, отступили, оставив убитых и лишившись обоза с съестными припасами.

Повстанцы у Арахова атаковали неприятеля. Их повел в бой Караискакис. Он шел впереди. Кричал, называя по именам известных своей храбростью, бывалых воинов, подбадривая и воодушевляя весь отряд.

Враг не выдержал этого внезапного и стремительного натиска, повернул обратно.

На белой равнине, от Арахова до гор, кипел бой...

Преследуя неприятельских солдат, Тасос бежал вместе с палликарами, спотыкаясь, падая на скользких, запорошенных снегом камнях, поднимаясь и снова устремляясь вперед. У заброшенной, прижавшейся к скале хижины, где в ненастье укрывались местные пастухи, он увидел лежавшего в снегу палликара. Подбежал, опустился на колени. Как помочь раненому? Или бросить его здесь и бежать вслед за своими? Пока Тасос раздумывал, что делать, товарищи ушли вперед, их не было видно. Выстрелы слышались где-то в стороне и не так уже громко.

Кто-то подскочил к Тасосу, тряхнул за плечо.

— Что здесь делаешь? Где наши? Бежим вперед!

Мальчик увидел перед собой запыхавшегося воина с черной щетиной на худых щеках, горбатым носом, темно-жгучими зрачками воспаленных глаз.

Тасос показал рукой на лежавшего в снегу палликара:

— Ранен в грудь. Стонет...

— Оставь его. Побежали! Не видишь разве, мы здесь одни! Кругом скалы.

Палликар схватил Тасоса за руку, рванул его за собой. Они побежали, но грохнувшие где-то совсем близко выстрелы заставили их броситься на землю. Солдаты, спрятавшиеся за валунами, заметили их и открыли по ним огонь.

— Назад! Назад! Ползком! Не поднимайся! — услышал Тасос хриплый голос палликара.

Бах-бах-ба-бах!.. Пули чмокнулись в снег совсем рядом.

— Раненого — в хибарку! — задыхаясь, проговорил горбоносый. — Помоги...

Взяв палликара одной рукой под мышки, а в другой держа ружье, они потащили его в укрытие. Оставив раненого в хижине, осторожно выбрались из нее и, спрятавшись за грудой камней, начали отстреливаться. Бежать отсюда они не могли: слева, изгибаясь полукругом, тянулись серые глыбы скал, это было гибельное для них место, горловина, выход из которой преграждали враги.

— Сдавайтесь, гяуры! — послышался резкий крик. Впереди, среди голых кустов, замелькали бородастые лица.

— Врете! — закричал звонким голосом Тасос. — Палликары не сдаются!

— Молодец! Ты храбрый малыш! — воскликнул горбоносый воин.

Летевшие из-за кустов пули, взвизгивая, ударились о кучу камней, за которой укрылись взрослый и подросток.

— «За ружья! За мечи! — громко повторял Тасос, заряжая ружье. В его поясе оставался один лишь патрон. — За ружья! За мечи! Дружнее в бой!»

Вдруг его товарищ, выглянувший на миг из-за укрытия, вскрикнул и, заваливаясь назад, упал в снег. Тасос кинулся к нему. Палликар был мертв.

Солдаты выскочили из кустов и, крича, стреляя на ходу, побежали к хижине. Тасос вогнал в дуло последний патрон, выстрелил навстречу бегущим и, поднявшись во весь рост и крепко сжимая в руке ружье, вышел под пули из-за груды камней...

Громадного роста солдат, поддев ногой лежавшего ничком Тасоса, перевернул его на спину. Широко раскрытые глаза подростка глядели в холодное пасмурное небо. В полуоткрытый рот набился снег.

— Это не воин. Это мальчишка! — сказал кто-то из врагов.

— Я говорил — их надо брать живьем! Оба убиты!

— Здесь есть еще один! — раздался голос из хижины. — Раненый...

Стоявший над Тасосом великан выдернул из ножен тускло блеснувший кривой клинок и вошел в хибарку пастухов...

Так окончилась жизнь Тасоса.

Никогда уже не узнает юный палликар, что произойдет вскоре на снежной равнине у подножия Парнаса, что случится потом на его родной земле, где полыхает война за свободу. Не узнает он, что его черноглазая сестренка, которую он вынес на руках из Миссолонги, вырастет свободной девушкой, вернется в возрожденный из руин и пепла город, выйдет замуж за свободного человека, родит детей, которые тоже будут свободными людьми.

Пройдут многие годы, десятилетия... И в этой семье из поколения в поколение будет передаваться, рассказываться история о предке — юноше Тасосе, который защищал город Миссолонги, а потом, вступив в войско Караискакиса, участвовал в освободительном походе в горах Румелии и героически погиб в боях у деревни Арахов.

Храбрый малыш! Ты так рано ушел из этого мира, но ты не зря прожил свою короткую жизнь!

ПАРЛАМЕНТЕР И ПЕРЕБЕЖЧИК

На следующий день погода снова испортилась. Из-за вершин угрюмого Парнаса поползли гонимые ветром тучи. Опять повалили на землю снежные хлопья, закружилась в воздухе гигантская белая карусель. Никогда еще в этих местах не выпадало столько снега.

Турки решили начать переговоры. Перед Караискакисом предстал их посланец. Зрачки его глаз безостановочно бегали, как два зверька, попавшие в клетку.

— Генерал, — сказал парламентар, — наши прославленные военачальники Мустафа-бей и кехайя-бей великодушно делают тебе выгодное предложение: позволь нам уйти отсюда, и за это ты получишь пятьсот тысяч курушей.

— Пятьсот тысяч? — с наигранным изумлением переспросил Георгиос.

— Да, генерал. Я в точности передаю то, что мне повелели тебе сообщить.

— Столько денег! Пятьсот тысяч! У меня никогда еще не было столько монет!

— И ты получишь их, можешь не сомневаться. Тебя не обманут.

— И что я должен за это сделать?

— Я сказал уже: ты позволишь нам выбраться отсюда, и все. Больше от тебя ничего не требуется.

— Понимаю, понимаю... Пятьсот тысяч... Да-а... А теперь слушай,— резко переменял тон Караискакис,— слушай, что я скажу. И передай это беям. Первое, что я требую: вы сдаете оружие, все оружие. Во-вторых, возвращаете нам Салона и Левадию. И в-третьих, до тех пор, пока вы эти условия не выполните, Мустафа-бей и кехайя-бей должны находиться у нас в заложниках. Вот и все, что я хотел сказать.

— Невозможно! Это невозможно! — вскричал парламентар.— Вернуться назад без оружия! Лишиться двух городов! Да еще выдать командующих, которыми гордится наш все-сильный и непобедимый визирь Решид-паша Кютахья! Мыслимо ли предлагать такие позорные для нас условия? Ручаюсь, Мустафа-бей и кехайя-бей их не примут. Они никогда не пойдут на это!

— А это уж не твоя забота, — спокойно произнес Караискакис.— Возвращайся к своим и передай, что я сказал. И скажи еще, что мне некуда спешить, Арахов в моих руках и моим палликарам есть где укрыться от стужи. Прощай!

Оба бея отвергли условия полководца. Несмотря на то что их положение ухудшалось с каждым часом, они все еще надеялись, что Решид-паша пришлет им подмогу из Афин или, быть может, даже сам придет сюда, чтобы разгромить войско Караискакиса. Весь день и всю ночь шел мокрый снег. Не прекратился снегопад и на следующее утро.

В неприятельском лагере солдаты начали роптать. Сколько так может продолжаться? Гибнут от холода и истощения люди. В грязном снегу валяются трупы павших животных...

В Арахове появился перебежчик. Это был высокий албанец, который долгое время жил в Янине и хорошо говорил по-гречески. Его узкое, худое и темное лицо было похоже на острый осколок скалы. Голова обмотана шерстяным шарфом.

Толпа повстанцев окружила его на церковном дворе, возле огромного дуплистого дерева, росшего там с незапамятных времен. Кто-то протянул албанцу ячменную булку, и он стал с жадностью есть, хрустнув подгорелой корочкой.

Позвали Караискакиса. Перебежчик смиренно склонил голову и приветствовал его по греческому обычаю — приложив правую руку к сердцу.

— Каким ветром занесло тебя к нам? — спросил его Георгиос.— Ты удрал из лагеря?

— Да, начальник,— торопливо заговорил албанец.— Я не мог больше терпеть... Нам нечего есть, мы днем и ночью мерзнем под снегом и ветром. Мы поняли, что нас обманывают.

Говорят: потерпите еще день, другой, и нам пришлют помощь, все будут спасены. Но это ложь! Никто нам не поможет, мы пропадем тут, как жалкие бродячие собаки... Мы стали кричать и ругать турок. А потом пошли к палатке кехайя-бея. Нас не хотели пускать, но мы кричали и требовали. И тогда нас впустили. Я тоже вошел в палатку, но многие остались ждать на улице. Старик бей сидел на коврике и смотрел на нас. Мы опять стали кричать, каждый хотел что-то сказать. Но кехайя-бей велел, чтобы все замолчали и говорил кто-нибудь один. Тогда стал говорить старший из нас. Он говорил, а драгоман¹ передавал бею по-турецки его слова. Он сказал, что терпение наше кончилось, что мы не хотим околевать в снегу. Надо что-то сделать, спасти армию...

Перебежчик закашлялся, схватившись рукой за грудь.

— И что же ответил кехайя-бей? — спросил Караискакис, когда приступ кашля у албанца прошел.

— Он сказал: «Аллах велик и могуч, всемогущ наш повелитель падишах. Нас не оставят в беде. Потерпите еще немного, и славный визирь Решид-паша Кютахья пришлет сюда войско, оно сметет наших врагов, мы победим».

— Ваш кехайя-бей солгал. Решиду некого сюда присылать, никто не придет к вам на помощь.

— Да, мы поняли, что старый бей врет. И наш начальник, который говорил ему, стал кричать, что мы не верим его обещаниям, что он морочит нам голову, а тем временем наши солдаты подымают от голода и холода, что мы не уйдем от него, пока он не примет решения. Тогда кехайя-бей сказал: «Хорошо! Только не кричите, давайте говорить спокойно. Я ваш начальник, но разделяю все невзгоды вместе с вами. Мы все связаны одной судьбой. Погибнете вы, и я погибну. Я только и думаю о том, как спасти нашу армию. Об этом молю аллаха. Положение наше и вправду ужасно. Я знаю это не хуже вас. Вы требуете, чтобы я сказал, что нам делать. Но решаю не я, решает Мустафа-бей. Он командует нашей армией... Идите к нему, и я пойду вслед за вами».

Так мы и сделали. Всею гурьбой пошли к палатке Мустафы-бея. Среди нас были и турки. Они тоже бунтовали, никому не хочется зря умирать. Из палатки вышел брат бея, Каремфил-бей. Мы сказали ему, что хотим говорить с начальником, что сейчас сюда придет кехайя-бей. Но Каремфил-бей сказал нам: «Вы напрасно пришли. Мой брат при смерти. Его сразила пуля неверных. Не шумите, уходите отсюда. Дайте брату спокойно умереть».

¹ Драгоман — переводчик.

— Мустафа-бей при смерти? — живо переспросил Караискакис. — Я тебя правильно понял?

— Правильно. Генерал помирает... Мы ушли и разнесли эту весть по всему лагерю. Я думал про себя: «Не будет нам спасения. Главный начальник почти мертвец, другой — нерешительный старик. Никому до нас нет дела. Все мы пропадем. Нужно позаботиться о самом себе». И я решил перебежать к вам. Я взял свое ружье и пошел... Падал густой снег, и это было мне на руку. Наши часовые не заметили меня. Вот и все, начальник. Возьми мое ружье. Я твой пленник...

И албанец поднял лежавшее на снегу свое длинное ружье, покрытое тонкой насечкой, и протянул его Караискакису.

Перебежчик сказал правду. Мустафа-бей был тяжело ранен. Он отправился проверить передовые посты, расположенные вблизи деревни: ходил там, подбадривая часовых, и, когда возвращался назад, его настигла пуля. Она попала ему в голову. Бея поспешно унесли в палатку. Людям, которые видели это и которые несли раненого, приказано было молчать о случившемся. Ведь солдаты, узнав, что командующий опасно ранен, совсем пали бы духом.

Состояние бея быстро ухудшалось. Его приближенные поняли, что он вот-вот умрет, и уже не стали скрывать, что произошло.

РАЗГРОМ

Скоро наступила развязка. Первыми покинули лагерь шестьсот албанцев. Они бежали, держа в руках обнаженные ятаганы. Их подгоняло отчаяние обреченных. Они поклялись прорваться сквозь заслоны, уйти в горы либо умереть на заснеженных склонах.

Увидев, как бегут албанские воины, турки, не сговариваясь, подчиняясь внезапному порыву, последовали их примеру. Вся армия уходила из-под Арахова. На снегу темнели покинутые палатки.

Греческое войско начало преследовать, окружать неприятеля. Караискакис стоял на небольшом холме.

— Вперед, палликары! Вперед! — закричал он, простирая руку в ту сторону, где шла погоня. — Вперед, греки! И я с вами!..

Полководец подбежал к коню, которого держал под уздцы палликар, вскочил в седло и поскакал к своему войску. Конская грива развевалась на ветру, из-под копыт летели снежные комья...

В предгорьях завязалась яростная, без единого выстрела рукопашная схватка. Изнуренная, обессилевшая армия беев таяла на глазах. Солдаты шли навстречу смерти. Они не знали местности, метались в поисках выхода и падали под ударами, которые наносили им палликары. Они срывались с обледенелых круч в пропасти, попадали в расщелины скал, умирали на снегу, у подножия Парнаса. До самых сумерек продолжалось это побоище. Когда стемнело, завыл, засвистел ветер, поднялась снежная буря, словно спеша замести следы разгравшейся здесь трагедии.

Из двухтысячного войска пробились, ушли в горы лишь триста солдат во главе с Каремфил-беем, братом Мустафы-бея, который умер еще до того, как началось бегство. Выполняя последнюю волю своего брата, он отрезал его голову, чтобы она не досталась победителям, и унес ее с собой. Но, спасаясь от наседавших со всех сторон палликаров, он бросил голову Мустафы-бея в снег, и греки случайно нашли ее и принесли потом показать Караискакису...

Старик кехайя-бей был убит в сражении.

Повстанцы, захватив трофеи, оружие, вернулись в Арахов.

На следующее утро к Караискакису пришел Митрос. Он принес ему печальную весть: пропал их друг Ахилл.

Георгиос велел искать повсюду цирюльника, расспросить палликаров: может, кто-нибудь видел его — живого или мертвого. Эти поиски и расспросы ничего не дали. Значит, остался он где-то лежать, занесенный снегом.

— Погиб наш товарищ, — сказал с грустью Караискакис, когда ему сообщили, что Ахилла нигде нет. — Помню, как пришел он к нам в отряд, нас было тогда сорок, всего лишь сорок палликаров... И вот Ахилл бросает свою городскую кофейню и является к нам, чтобы сражаться за свободу. Он показался мне таким тщедушным. Послал мне господь палликара, подумал я тогда... Но я ошибся. В его слабом, хилом теле был заключен дух воина. Это был храбрый человек и добрый... Чуть-чуть не дожил до победы. Как жаль!..

Но оплакивать цирюльника было преждевременно. Днем нежданно-негаданно он въехал в Арахов верхом на муле. Все бросились к нему.

— Снимите меня, — жалобно произнес он, — я не могу слезть...

Его осторожно стащили с мула. Он стоял, подогнув одну ногу, опираясь на турецкую саблю, которую держал, как посох.

Раненого подвели к камню, лежавшему у колодца. Он сел и стал рассказывать Караискакису и своим товарищам-палликарам о том, что с ним приключилось:

— Я дрался вместе со всеми и вдруг поскользнулся и полетел куда-то вниз. Упал, закричал от боли — и ничего не помню. Сколько пролежал, не знаю. Наконец очнулся, открыл глаза — лежу в снегу, тихо вокруг, ночь. Ощупал себя, вроде цел, все на месте. Приподнялся и хотел встать, двинул левой ногой и чуть не закричал... Припомнил, как было дело, как падал я куда-то... Что делать? Покричал, позвал на помощь, никто не откликается. Нет, думаю, так я к утру замерзну, превращусь в ледышку. Надо ползти к своим...

— И пополз? — спросил Митрос.

— А что мне оставалось делать? Умирать никому не хочется... Ползу, работаю локтями, волочу больную ногу. Выбился из сил. Надо отдохнуть. Тут наткнулся на что-то мягкое. Потрогал — конечно же, это кинутая кем-то капа. Вытащил ее из-под снега, закутался с головой и скоро заснул. Проснулся, высунул голову наружу — уже утро, светло. Бросил капу, пополз дальше...

Ахилл рассказал, как увидел валявшуюся в снегу саблю в ножнах. Он взял ее, воткнул в снег, оперся обеими руками и, потихоньку поднимаясь, встал во весь рост. С трудом, медленно пошел вперед. Воспрянул духом, обрадовался, что все-таки идет, приближается к своим.

— Тут заметил я вдали мула, — продолжал цирюльник. — Стоит он одинокий, забытый всеми, не шелохнется. Вот, думаю, кстати! Стал я звать его к себе. А он стоит как вкопанный, не двигается с места. До него мне ковылять еще долго. «Ну миленький, хорошенький, — зову я мула, — иди сюда, иди сюда, пожалуйста!» И вдруг он точно сжалился над мной, пошел. Медленно, как будто нехотя, но все-таки шел... Подошел, остановился возле меня, стоит длинноухий, глядит на меня, шевелит губами. Просит, чтобы его покормили. Худой, страшно смотреть, ребра можно пересчитать, все кости выпирают. Смотрит на меня, и я на него смотрю. А в глазах его слезы. Первый раз увидел я, как мул плачет... «Ну ладно, — говорю я ему, — помоги мне сейчас, и я потом помогу тебе, не дам околеть...» Кое-как вскарабкался к нему на спину, и поползли мы к деревне. Вот, братцы, какая история...

— А мы тебя уже похоронили... — сказал Караискакис. — Но ты взял да воскрес! Молодчина! Тащите его, ребята, в дом.

Два палликара подошли к Ахиллу, один хотел взять у него саблю, но он не отдал ее.

— Не трогай, — сказал цирюльник. — Эта сабля останется со мной. Она выручила меня, я ее сохранию. Вот кончится

война, я вернусь домой и женюсь на статной красивой девушке... У меня родится сын. Он подрастет, и тогда я подарю ему эту саблю и расскажу, как воевал в Румелии, как все было...

Его подхватили вместе с саблей и понесли в дом.

— Эй, братцы! — закричал он. — Дайте корм моему мулу! Я обещал ему, что позабочусь о нем. Не забудьте!

...Хмурое небо местами очистилось от туч. В голубом про свете показалось солнце. В его лучах заискрилась рыхлая белизна снега. Вспыхнул золоченый крест на деревенской церкви.

Караискакис одержал под Араховом крупную победу. Но поход его армии на этом не закончился. Он продолжался до тех пор, пока султанские войска не были изгнаны из всей Румелии, пока эта горная область не обрела вновь свободу.

АДМИРАЛ КОХРЕН В ГРЕЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ

После снежных бурь и ледяных ветров, после жестоких схваток и битв, после всех тягот походной жизни зимой в горах инсургенты спустились в Аттику, залитую лучами весеннего солнца. Оставив несколько отрядов в Румелии, Караискакис возвратился в Элевсин с полуторатысячным войском. Последний переход протяженностью в 65 миль палликары совершили всего лишь за двое суток, двигаясь по труднодоступной горной местности. Все обрадовались, увидев лежащий внизу маленький городок, его белые дома и темные кипарисы.

Осенью уходили отсюда в поход здоровые, сильные, опрятно одетые воины. Весной вернулись смертельно усталые, худые, измученные люди. Грязные, оборванные... Кто в капах, кто без кап, кто в царухи, а кто и босиком... Лишь с оружием ничего не сделалось: оно по-прежнему сверкало, прочное, холодное, неуязвимое... У солдат революционной армии — огрубевшие лица с красными от ветров, от кострового дыма глазами. У многих бороды, густая щетина на щеках.

Над Атикой, полуостровом, где за тысячелетия столько прошумело войн и нашествий, распахнулась бездонная синь неба. Чистый и ясный, прозрачный воздух. Все можно отчетливо увидеть издали: дом, оливковое дерево, смоковницу, колодец античной постройки, арочный мост над мелководной речкой, запряженную парой белых медлительных волов повозку с двумя огромными колесами... Дышится легко и свободно.

Равнина Атики покрыта насаждениями оливковых деревь-

ев, виноградниками, фруктовыми садами. У горизонта синеют горные цепи.

Караискакис избрал для своего лагеря местечко Керацини, недалеко от Пирея, морской гавани, расположенной в четырех милях от столицы, куда вела дорога, протянувшаяся мимо виноградников и оливковых рощ. Скоро сюда прибыли отряды повстанцев из других районов страны, и среди них — отряд во главе с Генёбосом Колокотронисом, сыном знаменитого полководца, воевавшего в Морее. Армия Караискакиса возросла до семи тысяч человек. И все же она уступала по численности войску Решида-паши Кютахья, который уже много месяцев вел осаду афинского Акрополя, и, кроме того, у греков почти не было пушек. Поэтому Караискакис, даже одержав победу в Румелии, не мог сразу, одним ударом, нанести сокрушительное поражение неприятелю. И он решил выждать, перекрыть все пути, сделать так, чтобы Кютахья перестал получать провиант и боевые припасы и с суши и с моря, чтобы паша сам оказался в положении осажденного. А тогда — зажать его войско в клещи и разгромить.

Но вот в чем беда. Президент Греции Заимис, так же как и его предшественники князь Маврокордатос и крупнейший богач, престарелый Кондуриотис, все свои надежды в войне возлагал на Англию. И пока крестьянская, революционная по своему духу, разутая и раздетая армия Караискакиса героически сражалась в снегах Румелии, Заимис и другие друзья англичан в буржуазном правительстве с нетерпением ждали двух сыновей Альбиона — генерала Роберта Черча и адмирала Томаса Кохрена. В марте 1827 года оба чужестранца ступили на греческую землю и были поставлены во главе всех вооруженных сил восставшей Эллады. Первый стал главнокомандующим сухопутными войсками, второй — главнокомандующим военным флотом.

Почему это было сделано? Ради чего? Греческое правительство по-прежнему относилось с подозрением и недоверием к народным полководцам. Оно надеялось, что английские генерал и адмирал окажутся более искусными военачальниками и одержат решающие победы. Кроме того, правительство упало на помощь Англии.

Апрельским утром Караискакис сидел в своей просторной палатке в Керацини. Он ждал адмирала Кохрена. Это был ответный визит англичанина. Накануне Георгиос посетил его на корабле «Эллада».

Лорд Кохрен предложил Караискакису незамедлительно предпринять генеральное сражение, атаковать вражеский лагерь, освободить Афины. «Адмирал, — возразил греческий пол-

ководец,— в течение года шаг за шагом я стремился создать благоприятные для нас условия. Мы освободили Румелию. Сейчас моя армия насчитывает уже семь тысяч человек. Разумно ли, проявляя поспешность и неосмотрительность, рисковать потерять за один день то, что достигнуто за целый год? Неужели вы хотите, чтобы я сейчас собственными руками порвал сети, которые я сам расставил перед неприятелем?»

Кохрен, вопреки этим доводам, настаивал на своем плане.

И вот теперь Караискакис снова должен был встретиться с адмиралом.

— Сказать по совести,— заметил он собравшимся в палатке капитанам,— этот лорд сейчас мне нужен так же, как мулу расшитое золотом седло... Но правила вежливости обязывают нас принять его как подобает. Ведь это, друзья мои, не кто-нибудь, а главнокомандующий нашими морскими силами... Как будто у нас нет своих адмиралов! Неужто он опытнее и умнее нашего славного Миаулиса?

— С лордами надо ухо держать востро,— сказал Василис Бусгос, которого Караискакис когда-то собирался облачить в шальвары Катерины, ошибочно обвинив его в трусости,— не то обведут вокруг пальца, и не заметишь. А заметишь — поздно будет...

— А разве ты с ними встречался? — спросил его Георгиос.

— Не приходилось еще... Но слышал — говорят они одно, а делают совсем другое, то, что им выгодно...

— Тот, кто сказал тебе это, не врал,— усмехнулся Караискакис.

В большой палатке из потрепанной белой ткани, продырявленной во многих местах, собралось человек пятнадцать. Капитаны приделались: на головах — красные скуфьи с синими кисточками, из-под бархатных курток, расшитых золотыми и серебряными нитями, видны чистые рубашки.

Находилась в палатке и Марио. Турчанка, нареченная этим греческим именем, адъютант Зафирис, самый преданный и верный товарищ Караискакиса. Марио была одета наполовину по-мужски, наполовину по-женски. Все уже, конечно, давно разгадали ее секрет. На ней была курточка из овечьей шкуры, вокруг талии — красный кожаный пояс. На ногах — белые хлопчатобумажные чулки. У пояса — два пистолета и ятаган. Как и у капитанов, голову ее украшала скуфья, державшаяся не очень надежно на ее густых и пышных каштаново-рыжеватых волосах.

В палатку заглянул палликар и сообщил, что англичанин прибыл в лагерь. Караискакис и несколько капитанов, Марио пошли его встречать. Музыканты ударили в барабаны, заиг-

рали на флейтах... Адмирал Кохрен шел к палатке, придерживая рукой золоченый эфес сабли, которая почти волочилась по земле. Вся его свита состояла из адъютанта и переводчика. Они следовали за ним позади.

Адмирал был в красном мундире с золотыми эполетами, с черным стоячим воротником, в белых лосинах. На голове — темная треугольная шляпа с султаном, надетая удлиненным, слегка загнутым концом вперед.

Караискакис приветствовал Кохрена, приложив руку к сердцу. Адмирал сказал, что рад снова увидеть уважаемого генерала и побывать впервые в греческом лагере, познакомиться с храбрыми палликами. Переводчик, шотландец Массон, слегка улыбаясь, как и Кохрен, перевел его слова. Ведь никто из греков не знал английского языка.

Караискакис, отступив, пропустил гостей в палатку и вошел вслед за ними. Он представил лорду собравшихся здесь капитанов. Кохрен с подчеркнутой вежливостью пожимал руку каждому. Когда ему представили двадцатилетнего Генеоса Колокотрониса, смелого, пылкого, но в то же время рассудительного сына греческого вождя, он задержал его руку в своей и сказал через переводчика:

— Я много слышал о подвигах вашего отца и счастлив теперь познакомиться с сыном человека, которым восхищается вся Европа. Он достоин своих великих предков — античных героев и полководцев...

Поздоровавшись с Марио (он уже видел ее на корабле «Эллада» во время вчерашнего визита Караискакиса), Кохрен пристально, с нескрываемым любопытством посмотрел на турчанку, догадавшись еще при первой встрече, что адъютант греческого генерала — женщина. Марио смутилась, покраснела и опустила глаза, прикрытые длинными темными ресницами...

В палатку принесли для гостей три стула. Караискакис же сел на коврик, поджав под себя ноги, и рядом с ним села потурецки Марио. Вошли два палликара, держа в руках подносы с чашечками крепкого ароматного кофе. Потом они принесли чубуки.

Пили кофе, курили, вели сдержанную вежливую беседу.

Визит Кохрена продолжался недолго. Решив, что он был достаточно для первого знакомства в палатке греческого вождя, среди его диковатых, молчаливых капитанов, адмирал встал со стула, и за ним поднялись адъютант и переводчик.

— Отныне дело пойдет на лад, и скоро мы сможем отпраздновать победу, — сказал Кохрен самоуверенным тоном. — А теперь, генерал, — повернулся он к Караискакису, — мне хотелось бы, если не возражаете, осмотреть лагерь.

Все вышли из палатки.

На ровном поле с невысоким холмом там и сям разбросаны были небольшие сооружения: каждое из них — четыре стенки, сложенные из беловатых камней и прикрытые сверху ветками деревьев. В этих сделанных на скорую руку жилищах, заменявших палатки, ночевали палликары. Темнели кучки углей от костров, на которых они готовили себе еду. Повстанцы, свободные от несения службы, и те, кто вернулся с передовой линии, где не смолкала перестрелка с обеих сторон, занимались своими делами: кто варил что-то в закопченном котелке, кто чинил свою обувь, кто чистил ружье...

Лорд Кохрен, шедший рядом с Караискакисом, желая казаться учтивым и любезным, отозвался с похвалой о греческих воинах, об этих простых, не избалованных жизнью людях, которые, мол, способны выдержать любые трудности, любые испытания...

— Да, адмирал,— сказал полководец, и на его цыганском, темно-смуглом худом лице, пожалуй, впервые за эту встречу появилась по-настоящему теплая, искренняя улыбка.— Это действительно мужественные, стойкие люди. Они могут совершать многодневные походы, питаться одним варевом из трав и кореньев, спать под открытым небом, положив под голову камень... Плохо одетые, разутые, голодные, они мокли под дождем, замерзали на снегу, их валил с ног ураганный ветер... Даже наши терпеливые, выносливые лошади, даже привыкшие ко всему сильные мулы падали, упирались, отказывались идти, а палликары шли вперед и побеждали. И скажи я им сейчас, что надо снова выступить в поход и что их снова ждут страдания и лишения, и они, все как один, пойдут за мной! Потому что все эти люди хотят освободить свою родину, и ради этого они готовы на все! И пусть падишах высаживает на наши берега новые войска, пусть пришлет десять, двадцать, пятьдесят тысяч, сто тысяч солдат, все равно мы будем сражаться до тех пор, пока не освободим нашу землю. Вы, адмирал, и генерал Черч прибыли помочь нам, и мы благодарны вам за это. Но не надо спешить... Осмотритесь, изучите обстановку. Ведь поспешность губила не раз самые лучшие замыслы и намерения. Вы находитесь здесь меньше месяца, а мы воюем уже шесть лет. Вы не должны пренебрегать нашим опытом...

— О да, да! — закивал головой Кохрен.— Мы ценим ваш опыт... Но мы предлагаем вам действовать, как диктуют правила и законы военного искусства в самых передовых и просвещенных державах Европы. До свидания, генерал. Нас ждут великие дела!

Пока Мэсон переводил, лорд Кохрен стоял выпрямившись, опираясь на свою длинную блестящую саблю, гордо запрокинув голову в черной треуголке, над которой весенний ветерок слегка шевелил перья султана. Он попрощался с Караискакисом и капитанами и уже повернулся, собираясь уходить, но внезапно остановился и что-то шепнул Мэсону.

— Адмирал,— сказал переводчик,— просит разрешения подарить завтра войску знамя, которое он привез с собой.

Греки смотрели на удалявшихся Кохрена и его спутников. На красном адмиральском мундире сзади был разрез, фалды расходились в разные стороны, обнажая белую шелковую подкладку...

ПОДАРОК ЛОРДА

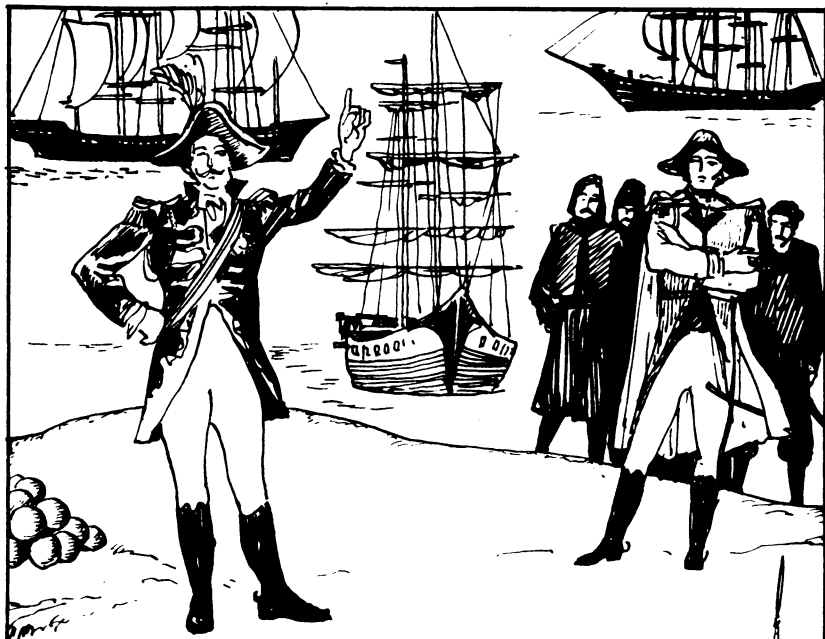
На следующий день все войско собралось у подножия холма, возвышавшегося над равниной. Караискакис, капитаны, англичане, явившиеся снова в лагерь, стояли наверху. Перед Кохреном находился длинный деревянный футляр, выкрашенный в белый и голубой цвет.

От бесчисленного множества красных скуфей казалось, что все поле внизу вдруг расцвело алыми маками... Солдаты революционной армии одеты были неважно. Каждый облачился во что мог. На многих были куртки, надетые прямо на голое тело. Иные накиннули себе на плечи свои сероватые грязные капы. У одних на ногах были прочные царухи, икры плотно облегали гетры из козлиной шкуры. Другие стояли босые. Разное было и оружие. У кого длинные албанские ружья, у кого небольшие, изящные, греческие; за поясом пистолеты, изготовленные в разных европейских странах, с простыми деревянными рукоятками и с рукоятками, покрытыми золотом, серебром и перламутром. Столь же разные по форме и украшениям ятаганы, кинжалы. Большинство этого оружия было взято в бою.

Но вот футляр открыт, и из него вынута свернутое знамя.

— Адмирал купил ткань для этого знамени по пути сюда, в Марселе,— сказал переводчик Мэсон, передавая древко одному из капитанов.

Знамя развернули. Широкое шелковое бледно-голубое полотнище заколыхалось на ветру. В середине, на белом фоне, была изображена сова — спутница Афины, богини-воительницы, богини мудрости. Эта птица была национальной эмблемой Греции. С верхнего конца древка свисала пышная голубоватобелая кисть.

Кохрен обнажил голову, сняли свои скуфьи Караискаки и его товарищи. И все войско, наблюдавшее за этой церемонией, совершавшейся на вершине холма, последовало их примеру.

Главный адмирал греческого флота Кохрен выступил вперед и резким, крикливым голосом начал свою речь. Ее переводил Масон.

Адмирал сказал, что он и генерал Черч прибыли в Грецию, чтобы помочь эллинам завоевать свободу и независимость, что скоро пробьет час решительных действий и он, Кохрен, и Черч надеются и рассчитывают на их мужество и храбрость.

— Это зная, — провозгласил лорд, показывая рукой на голубой стяг, — я вручаю вам как залог наших общих побед. Сражайтесь под этим знаменем, пусть оно всегда осеняет вас, и берегите, защищайте его как символ возрождающейся Эллады!

Тысячи глаз были устремлены на видневшуюся впереди, на холме, красную фигурку английского адмирала. Его речь, переводимую Масоном, слышали лишь те, кто находился недалеко от подножия холма. Но палликары особенно не прислушивались к словам Кохрена, потому что считали всю эту церемонию чем-то вроде игры. Своим солдатским, народным чутьем они улавливали какую-то фальшь и в речи лорда, и во всем этом представлении.

Масон перевел заключительные слова своего патрона: адмирал сказал, что подарит тысячу золотых тому воину, греку, который, пробившись сквозь вражеские ряды и заслоны, поднимется с этим знаменем на Акрополь и водрузит его над крепостью...

Эти слова не понравились Караискакису. Он сдвинул свои густые темные брови и шепнул стоявшему рядом с ним юному Генеосу Колокотронису:

— Каков англичанин! Сам нанялся к нам на службу ради денег, получил сто тысяч золотых лир и думает, что мы тоже падки на золото...

Между тем Кохрен закончил свою речь и, довольный собой, улыбающийся, подошел к Караискакису, не обратив внимания на его холодную сдержанность, а если и заметив, то не поняв, чем она вызвана. Они обменялись рукопожатием и постояли несколько минут перед развернутым знаменем, на виду у всего войска. Потом Кохрен стал первым осторожно спускаться с холма. За ним последовали остальные. Масон, протягивая руку в сторону шедшего впереди адмирала, сказал с воодушевлением Караискакису и капитанам:

— Вот человек, который не только освободит Грецию, но

и восстановит великую Византийскую империю, поднимет греческий флаг над храмом святой Софии в Константинополе!

Караискакис искоса взглянул на Масона. И не проронил в ответ ни слова... Масон хотел сказать что-то еще, очевидно о заслугах лорда, но, не встретив в греках сочувствия и поддержки, умолк и обиженно отвернулся.

Полководец был прав, заметив Генеосу Колокотронису, что англичанин поступил на греческую службу ради денег. Именно ради денег, а не из-за сочувствия патриотам, которые вели длительную и тяжелую войну за избавление от османского гнета. Кохрен всегда был охвачен ненасытной жаждой обогащения.

Во время войн, которые Англия вела против наполеоновской Франции, он командовал корсарским кораблем, разбойничая, пиратствуя в море, и сумел сколотить изрядный капитал. Разбогатеv, решил заняться политикой. Но, не преуспев на этом поприще, пустился в махинации с акциями. Его разоблачили как мошенника, судили и приговорили к году тюрьмы. Отсидев положенный срок, Кохрен вышел на свободу и задумал начать все сызнова. Он стал предлагать повсюду в Европе и Америке свои услуги в качестве морского военачальника, наемника. В 1818 году он командовал флотом Чили, чей народ после длительной войны сбросил с себя иго испанских колонизаторов. Потом судьба занесла его в Рио-де-Жанейро, где он поступил на службу к наместнику Педро, который позже стал императором добившейся независимости Бразилии.

В 1825 году Томас Кохрен, испытал столько превратностей и перемен в своей судьбе, вернулся в Англию, и тогда его внимание привлекла Греция, где уже давно шла национально-освободительная война. Адмирал изобразил себя горячим филэллином, другом сражающейся Греции, и два года спустя добился того, что получил предложение занять пост главнокомандующего греческими морскими силами.

Это был властолюбивый человек. «Там, где я начальствую,— говорил он,— не может быть другого начальника». Кохрен, нанятый на греческую службу за огромные деньги, не знал толком ни страны, ни возникшего в ней сложного положения, ни возможностей ведения войны в этих условиях. Тем не менее, не довольствуясь властью над греческим флотом, он сразу же стал вмешиваться в действия сухопутных войск.

Соотечественник Кохрена главнокомандующий сухопутными силами Греции генерал Роберт Черч обладал некоторым опытом, но не отличался большими способностями. Оба они действовали сообща, в нерушимом согласии друг с другом.

Черч не стремился изучить военную обстановку в Аттике, разработать реальный и выгодный грекам план боевых операций. Он почти не появлялся в войсках, которыми должен был командовать, а все время проводил на своей легко вооруженной шхуне под полосатым британским флагом. Караискакис едко высмеял за это Черча, назвав генерала «капитан Шхунас»...

Вот каким людям буржуазное греческое правительство поручило командование всей армией и флотом в трудный критический момент войны за свободу и независимость страны.

И Кохрен и Черч осуществляли в Греции политику Англии.

Эта политика не оставалась неизменной, она менялась. В начале революции английское правительство осудило восстание греков. Потом, видя, что османскому господству в Греции приходит конец, решило укрепить свое влияние в этой стране. Грекам были предоставлены займы, потом — некоторая военная помощь. Но британские политики всегда выступали против того, чтобы Греция целиком и полностью стала независимым государством. Не желая обострять свои отношения с султанской Турцией, Англия, а также другая великая держава, Франция, считали, что территорию независимой Эллады следует ограничить лишь Мореей и прилегающими к ней островами, а основная континентальная часть страны должна по-прежнему принадлежать Османской империи.

П Е С Н Я

Поздний вечер. В большой палатке полководца полутемно. Караискакис лежит на низенькой самодельной кровати, положив запрокинутые руки под голову. Рядом с ним горит на полу восковая свеча в медном подсвечнике, образуя вокруг себя желтый круг. Чуть поодаль дремлет, свернувшись клубком, беленькая собачка, приблудившаяся откуда-то и избравшая своим хозяином Караискакиса, в котором сразу почувствовала друга.

Грустные мысли одолевают Георгиоса. Уже немало прожил он на свете, ему сорок семь лет. И нет у него по-настоящему ни семьи, ни дома... Его Гольфо, на которой он женился в Янине, когда служил у Али-паши, умерла. Он получил это печальное известие летом прошлого года, когда готовился к походу в Румелию. Бедная Гольфо, верная подруга, которую, как и множество других гречанок, разлучила с мужем война! Без матери остался его сын Спирос, родившийся вскоре после падения Миссолонги. Все говорили ему тогда: поезжай, сходи

на могилу жены, поцелуй сынишку, но он не мог бросить войско и уехать. И теперь о Спиросе и приемных дочерях, которых сызмальства воспитывала Гольфо, заботятся чужие люди. Спиросу уже год, он его ни разу не видел да и увидит ли?..

Да, ни дома, ни семьи, ничего не нашёл он за долгие годы. Ничего, кроме ран и болезней. От всего отказался, не искал никаких благ, удовольствий и развлечений, не думал о себе... Лишь одна страсть горела в нём, никогда не потухая: жгучая, пылкая любовь к родине, и только ради освобождения её он жил, страдал и боролся.

И вспомнилась ему, промелькнула перед ним вся его жизнь: тяжёлое сиротское детство, клефтская юность, служба в греческом отряде в Янине, годы партизанской борьбы в горах Аграфы.

Караискакис часто рисковал своей головой, но редко думал о смерти. Сейчас, апрельской ночью в лагере под Афинами, эта мысль вдруг явилась к нему.

«Только не теперь! Только не теперь! — говорил он себе, мысленно отгоняя зловещий призрак.— Кютахья силен и хитер... Эти англичане только путаются под ногами и мешают. Они могут погубить все дело. И что тогда? Снова рабство? Никогда! Никогда этому не бывать!..»

Караискакис резко приподнялся, сел. Собачонка подошла к нему, виляя хвостом и преданно глядя своими темными влажными глазами. Георгиос погладил её лохматую густую шерстку. Встал, вышел из палатки.

Над лагерем светила луна. Не бледно-желтая, как обычно, а розоватая, словно раненая, окровавленная, чуть прикрытая пепельными облачками. Караискакис глубоко вздохнул, ощутив свежесть весенней ночи.

Жизнь в лагере затихла. Лишь перекликались часовые да невдалеке звучала песня. Караискакис пошел туда, откуда доносились задумчиво-неторопливые голоса поющих. Когда он приблизился к ним, они, закончив одну песню, начали другую.

Это была песня, сложенная в народе об одном из храбрецов по имени Йоргос. Неизвестно, существовал ли на самом деле этот воин, который стойко защищался с горсткой товарищей от целого полчища османов и погиб в бою, или это вымышленный, но в то же время реальный образ. Таких героев, как Йоргос, тогда были тысячи.

Мать, сына потеряв, в слезах находит облегченье,
Но Йоргоса седая мать не знает утешенья,
Безмолвно у окна сидит, взгляд устремив на горы,
Походы сына своего в уме перебирает...

Луна освещала фигуры расположившихся на траве воинов, затянувших эту трогательную, грустную песню. Вблизи них безмолвно сидели другие палликары, слушая простой и бесхитростный рассказ о жизни и смерти Йоргоса. Песня была близка и понятна всем, брала за душу. Каждого кто-то ждал, надеясь, что он вернется: кого ждали мать, отец; кого — жена и дети, кого — невеста... Но никто не знал, предстоит ли ему свидеться с родными и близкими после долгой разлуки.

Палликары заметили подходившего к ним Караискакиса, песня разладилась, голоса стали умолкать, но полководец жестом велел, чтобы они продолжали, и присел рядом с ними.

— Вот и вся песня, вождь,— сказал один из палликаров, когда протяжно-напевные звуки тихо и плавно замерли, словно растаяли в воздухе.

— Хорошо пели,— сказал Караискакис.— А вы сами откуда, из каких мест?

— Мы из Мореи, пришли с Генеосом,— ответил палликар.— А вот он из Фессалии, эти двое — из Румелии, а вот тот — из Вальтоса...

Последний, на кого показал пальцем мореот, был коренастый широкоплечий мужчина с крупными, грубоватыми чертами лица.

Из Вальтоса... Караискакис вспомнил, как, бежав из Янины, он повстречал в дубовых лесах Вальтоса серьезного и рассудительного мальчонку, пасшего коз, который угостил его дикими грушами и привел в свою деревню, в хижину родителей. Как давно это было! Что случилось с маленьким пастухом? Где он теперь? А может, этот палликар и есть тот самый мальчуган, которого встретил когда-то Караискакис? Возможно ли такое совпадение? Вряд ли... «Но как бы то ни было,— подумал полководец,— если мой давний знакомый жив, он воюет где-то сейчас...»

Жители Мореи, Фессалии, Румелии... В революционном войске собрались люди со всех концов Греции.

Караискакис узнал в палликарах, сидевших на земле отдельной группой, уроженцев острова Идры. Это были сильные, атлетического сложения мужчины, серьезные, молчаливые, в коротких вышитых куртках и в белых, до колен брюках. На острове, расположенном вблизи берегов Мореи в Эгейском море, жили рыбаки и моряки, геройски сражавшиеся против вражеского флота. Но идриоты умели хорошо воевать и на суше.

Среди солдат повстанческой армии были и воинственные жители Эпира, и бесстрашные горцы-сулиоты, сподвижники

Маркоса Боцариса, и гордые, мужественные жители острова Крит...

Это была народная армия, армия всей восставшей Греции!

Встреча, короткий разговор с палликарами развеяли дурное настроение Караискакиса. У него отлегло от сердца. Он вновь обрел силу и уверенность в себе. Ему было радостно думать о том, что всегда, до конца, до последнего мгновения, он будет кровно связан с этим могучим воинством: этими бунтарями, этими людьми из народа, из гуши которого он вышел сам и которому служит всю свою жизнь.

В ФАЛЕРОНЕ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Четвертое мая 1827 года. До общего наступления на турецкий лагерь под Афинами остаются считанные часы. Черч и Кохрен добились своего: Караискакис вынужден был принять их план — сразу, без подготовки, штурмовать позиции, занятые армией Решид-паши Кютахьи. Опасная затея, рискованный шаг! Но что делать, если адмирал Кохрен угрожает, что его корабли снимутся с якоря и уйдут, что Англия лишит повстанцев военной помощи...

Как назло, последние дни Караискакис плохо себя чувствует. У него жар, грудь раздрает кашель. Лекарства и снадобья мало помогают.

Утром к нему в палатку приходили Гардикиотис, Хаджи-петрос, Генеос Колокотронис и другие капитаны, и они говорили о предстоящем наступлении. Когда все ушли, полководец снова лег, надеясь, что к вечеру ему будет лучше и он сможет держаться в седле и командовать своим войском.

Марио не отходит от Караискакиса, заботливо ухаживает за ним. Закашляется он, схватившись за грудь, и она бросается к нему, дает выпить травяного настоя, поправляет одеяло. Больному приятно смотреть на Марио — на ее округлое нежное лицо, на красивые белые руки с длинными пальцами: эти руки умело и сноровисто отжимают смоченное в воде с уксусом полотенце, режут хлеб, мясо...

Георгиос относится к турчанке как к дочери. С тех пор как она бросилась перед ним на колени вблизи Триполицы в Морею и стала умолять, чтобы ее взяли с собой, они не расстаются. «Это моя тень,— думает он.— Какое преданное сердце! И какой твердый характер! Она ни в чем не уступает палликарам. Надо позаботиться о Марио, устроить ее судьбу. Она заслужила это».

— Иди отдохни,— говорит ей Караискакис.— Ты плохо спа-

ла и эту и прошлую ночь, устала. Позови Цакаса, старик тебя сменит.

— Мне ни капельки не хочется спать. Я буду здесь, с тобой. Ты должен сегодня выздороветь... Разве забыл, какой завтра день?

— Какой?

— День святого Георгиоса, твои именины...

— Не забыл. Но нас ждут дела поважнее.

— Тем более... Я загадала, и все исполнится, вот увидишь. Ты будешь здоров, вся хворь слетит с тебя...

Время приближалось к полудню. В лагере — мирная тишина. Не слышать доносившихся еще накануне издали выстрелов. Караискакис отдал приказ, чтобы палликары в этот день не вели огонь по вражеским позициям, не тратили зря патронов, избегали даже мелких стычек.

Полководец задремал. Жар у него не проходил, и какие-то смутные отрывочные сновидения, картины возникали в его воображении. То он видел бородатого турка в зеленой чалме, в которой сверкали крупные алмазы, то белой масти арабскую лошадь, скакавшую без всадника во весь опор, с развевающейся гривой по каменистой равнине, то самого адмирала Кохрена, стоявшего перед длинным полосатым ящиком-футляром, в котором, когда его открыли, вместо знамени оказалась куча золотых монет, ярко заблестевших желтизной драгоценного металла... Адмирал захохотал, лицо его побагровело, он схватил Караискакиса за руку и потащил куда-то за собой... Но все это вдруг пропало, и он увидел, что стоит на пустынном берегу, и перед ним в море слегка покачиваются на волнах корабли с поднятыми парусами. С суши дует сильный бриз, и корабли начинают сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее удаляться от берега и внезапно, как огромные белые птицы, поднимаются в воздух и, хлопая крыльями, летят к горизонту, постепенно исчезая в небе...

Марио, думая, что Караискакис уснул, вышла из палатки и стала у входа, чтобы никого не пускать к нему. Было около часа дня.

И тут турчанка услышала выстрелы со стороны Фалерона, древней гавани, расположенной неподалеку от Пирея. Марио недоумевала: кто посмел ослушаться приказа Караискакиса?

А в Фалероне, вблизи гавани, случилось вот что. Там находился отряд критян. Палликары за обедом выпили вина — их велел угостить адмирал Кохрен, почему-то решивший сделать это перед самым сражением. Английские офицеры не остановили воинов. Те, опьянев, забыв о приказе, начали громко ругать солдат Кютахьи, которые скрывались за стеной

укрепления. Это было одно из трех турецких укреплений, обращенных к морю, между бухтой Фалерон и мысом Колиа. Ближайшее к морю. Один из критян выстрелил из ружья. Его товарищи тоже стали стрелять. Турки ответили огнем... Услышав стрельбу и вообразив, что полководец отменил свой приказ, к критянам присоединились их соседи — сулиоты и другие отряды палликаров. Неприятельские солдаты покинули укрепления; на помощь пехоте была брошена кавалерия, и в Фалероне начался бой.

Когда до слуха Караискакиса донеслись первые отдаленные выстрелы, он подумал, что это ему почудилось в полусне, но перестрелка не прекращалась, и он, отбросив одеяло, вскочил на ноги.

— Что там происходит? — крикнул он вошедшим в палатку капитанам. — Я запретил сегодня открывать огонь! В чем дело?

— В Фалероне идет бой... — только и мог сказать один из капитанов.

Караискакис до боли стиснул кулаки. Ему было жарко, он рванул на груди воротник рубашки. Его маленькие, глубоко посаженные глаза вспыхнули огнем с трудом сдерживаемой ярости. Он часто моргал ресницами. На худом, темно-смугом лице выступили бурые пятна.

— Кто первый начал? Кто? — закричал он капитанам. — Наши? Что же вы молчите? Почему нарушен мой приказ?..

Эта внезапная стычка, переросшая в сражение, могла сорвать намеченный на завтра генеральный штурм вражеского лагеря. Нужно было немедленно вмешаться, прекратить кровопролитие, отразить натиск неприятеля и увести повстанцев на исходные рубежи.

Караискакис схватил свою куртку и стал надевать ее с лихорадочной поспешностью. Потом сунул ноги в царухи, стянул, завязал тесемки.

— Ты болен... Тебе нельзя идти, — сказал барба Цакас. — Сейчас все кончится. Вот увидишь...

Георгиос, не слушая старика, начал шарить рукой по одеялу, отшвырнул подушку, бросился в один угол, в другой.

— Эй, Марио! — крикнул он турчанке. — Где Василики, где пистолеты, ятаган? Давай быстрее! Чего ты возишься? Живо! Ты что, оглохла? И пусть ведут коня!

— Сейчас, сейчас... — говорила Марио.

Она бегала по палатке, делая вид, что ищет оружие. В первый раз отказалась она выполнить приказание полководца. Все восстало в ней против того, чтобы Караискакис покинул сейчас палатку и помчался в пекло сражения. Какой-то внутренний голос все время твердил, повторял ей, что

нельзя его отпускать. Зная, как быстро вспыхивает и как быстро гаснет гнев Караискакиса, Марио чадеялась, что, пока она ищет оружие, Георгиос успокоится и капитанам удастся его уговорить, чтобы он остался, не подвергая себя опасности накануне крупного сражения.

Но уже ничто не могло остановить Караискакиса. Он выбежал из палатки. Собравшиеся у входа воины расступились, пропуская его. Оседланный конь, которого держал за повод палликар, ординарец главнокомандующего, покосился своим большим темным и умным глазом на стремительно подошедшего к нему хозяина. Караискакис вскочил в седло, потрепал коня по гладкой шелковистой шее. Подбежала Марио, подала Георгиосу его пистолеты и ятаган. Конь с седоком взвился на дыбы и, застучав копытами, поскакал к Фалерону. Тотчас же несколько капитанов последовали верхом за полководцем.

Там, в Фалероне, греки дважды наступали, теснили солдат паши и дважды вынуждены были отходить под натиском турецкой пехоты и конницы. Когда Караискакис и его спутники прибыли на место боя, палликары отступали. Но тут они увидели, узнали полководца. Со всех сторон понеслись радостные крики: «Вождь! С нами вождь!..»

Ударив ногой в бок разгоряченного коня, Караискакис первым рванулся в атаку. Земля, небо, люди, кони — все завертелось перед ним в бешеном калейдоскопе. Больной, потрясенный внезапно и неожиданно разыгравшимися событиями, охваченный возбуждением, он ясно отдавал себе отчет в том, что поражение даже в этом сравнительно небольшом столкновении за несколько часов до штурма неприятельского лагеря может снизить моральный дух его армии, и поэтому решил во что бы то ни стало вырвать эту маленькую победу.

Но лошадь военачальника внезапно падает, раненная пулей. Она лежит на боку, ноги ее судорожно дергаются; пытается приподнять свою изогнутую лоснящуюся шею, с морды летят брызги розовой пены...

Караискакис видит рядом коня без седока, вскакивает в седло. Конь артачится, кружится на одном месте, упирается, не желает подчиниться новому хозяину. Пока Георгиос возится с упрямцем, он сам подвергает себя большому риску, потому что становится особенно уязвимым для неприятельских пуль. Но он меньше всего думает об этом.

К счастью, возле него появляется храбрый Яннусис Паномáрас, участник похода в Румелию. Он хватает строптивую лошадь под уздцы и кричит Караискакису:

— Слезай! Сейчас же слезай!

— Это ты, Яннусис? — наклоняется к нему полководец.

Палликар грубо, требовательно повторяет:

— Слезай! Слезай, говорят тебе!

— С ума сошел? Убери руки!

— Тебя подстрелят!

— Поди ты прочь!..

— Не сойдешь?! — кричит в ярости Паномарас и, выхватив ятаган, приставляет его острый конец к выпуклому, покрытому вздутыми венами конскому животу. — Зарежу! Выпущу кишки!..

Караискакис, хорошо зная горячий и решительный характер Паномараса, вынужден подчиниться. В этот момент подоспели греческие кавалеристы. Они окружили вождя, прикрыли его от шальных пуль, свистевших вокруг.

Караискакис бросил коня, сел на другого (третьего за несколько минут) и устремился вместе с конницей в атаку. Пехотинцы Кютахьи бежали врассыпную, спеша к укрытиям.

Солнце еще высоко висело в ясном, почти безоблачном небе. Белесая пыль клубилась над нестройными рядами мчавшихся кавалеристов. Шум битвы ворвался в Фалерон, где с тихим рокотом бежала речка Кефис, впадающая в Эгейское море. Гулко бухала турецкая пушка, изрыгая вместе с огнем и дымом круглые смертоносные гранаты. В небе метались распуганные выстрелами темные вороны стаи...

Караискакис находился в середине отряда. Упругий встречный ветер бил ему в лицо, трепал длинные волосы. Сейчас он чувствовал себя сильным и крепким, словно избавившимся от всех своих болезней и недугов. Он радовался успеху палликаров.

И вдруг будто чем-то тяжелым ударило его в живот. Жестокий тупой удар! Он сразу весь содрогнулся от острой, невыносимой боли. Казалось, раскаленные клещи впились ему в тело. Он схватился рукой за живот и упал с седла... Те, кто скакал рядом с ним и сзади, резко осадил коней, прыгнули на землю и подбежали к нему.

Караискакис сам поднялся и произнес:

— Ничего страшного! Пустяки...

Но все видели, как неузнаваемо серым стало его смуглое лицо. И всем бросилось в глаза большое кровавое пятно на его белой фустанелле.

Полководец вдел ногу в стремя и с мучительным усилием сел на коня. Георгиос не хотел, чтобы палликары узнали, что он ранен. Это внесло бы смятение в ряды повстанцев, а им вскоре предстояло наступать на лагерь Решиды... Но боль была нестерпимой, и он медленно, со стоном сполз с коня... Его

подхватили, поддерживая со всех сторон. Кто-то сказал, что нужно нести капитана на руках.

— Это еще зачем? — возразил Караискакис. — Я могу идти сам!

И он, нетвердо ступая, слегка наклонившись набок, оттого что придерживал рукой пулевую рану в левом боку, двинулся вперед в окружении капитанов и палликаров.

Он шел там, где только что, целый и невредимый, неся на коне. Перед ним расстиралась все та же равнина, над головой светилось прозрачной весенней голубизной все то же небо, он видел вокруг себя все тех же своих товарищей, но в то же время все это — и земля, и небо, и товарищи — было уже для него в чем-то не таким, как прежде. Окружающий мир изменился для смертельно раненного Караискакиса.

Спутники Георгиоса с тревогой поглядывали на красное пятно на его фустанелле: оно расплывалось все шире и шире. Все понимали, что вождь опасно ранен, но никто не представлял себе, как невыносимо тяжело было ему идти, чего это ему стоило. А он еще пытался шутить.

Обратив внимание на хмурое, расстроенное лицо Фотиса, сказал:

— А ты, брат, чего нос повесил? Как на похороны собрался... Не тужи, в разных переделках приходилось нам бывать, может, выкарабкаемся и на этот раз... Когда увидишь Ахилла, передай ему от меня привет и скажи, что я непременно приеду к нему на свадьбу...

Шедшему рядом с ним Паномарасу он заметил:

— Ох, и разозлил ты меня, друг Яннусис! Неужто и вправду ты мог зарезать коня?

— Мог, капитан...

Временами Караискакису было невозможно идти без посторонней помощи, и он опирался на кого-нибудь. Тогда он тихо говорил:

— Ну вот, хорошо... Спасибо, сынок... Спасибо...

Товарищи еще раз предложили понести его, но он лишь сердито замахал рукой, и все поняли, что упрашивать его бесполезно.

Воины, которые издали видели Караискакиса, думали, что он направляется в лагерь после успешной схватки в Фалероне. Никто не знал и не мог знать, что вождь, возвращающийся с поля боя, ранен и идет, с трудом передвигая ноги.

Наконец Караискакис и те, кто сопровождал его, вышли на берег моря, недалеко от того места, где в древности находилась гавань. Нужно было перевезти полководца в лодке на английский корабль, чтобы там его осмотрели врачи.

Все окружили раненого. Караискакис выбился из сил, был бледен, тяжело дышал. Он заговорил слабым, прерывающимся голосом. На глазах у него выступили слезы, он уже не мог их сдержать. Они покатались по его впалым щекам, исчезая в длинных темных усах.

— Братья мои! Если мне суждено умереть, я умру спокойно, с чистой совестью, потому что я выполнил, как мог, свой долг перед родиной. Вас же прошу об одном... Будьте всегда стойкими и мужественными, покажите, на что вы способны... Будьте всегда вместе, избегайте раздоров и распрей... Когда наши враги видят, что вы едины, сплочены, спаяны друг с другом, они дрожат перед вами! И еще я хочу вам сказать вот что: помните, вы воюете уже столько лет не для того, чтобы вами командовали иностранцы. Вы умеете сражаться не хуже, а лучше других... Греки мои, братья! Не горюйте, если я умру... Умереть за свободу родины — счастье! Прощайте, мои верные товарищи!..

Караискакиса осторожно перенесли в лодку, и она отчалила от берега. Гребцы налегли на весла, чтобы быстрее доставить раненого на корабль.

Стоявшие на берегу войны, эти крестьяне и пастухи, столько пережившие и испытавшие вместе с Караискакисом, плакали, посылая прощальный привет вождю. Они долго глядели вслед быстро удалявшейся лодке.

В С Х О Д И Т С О Л Н Ц Е

Матросы корабля «Спартиат», где находился генерал Черч, спустили трап. Ступив на верхнюю палубу, Караискакис оперся обеими руками о фальшборт и посмотрел вниз. Лодка, на которой его доставили товарищи, плясала и прыгала на волнах. Гребцы, поплевав на ладони, взялись за весла, и лодка пошла к берегу, удаляясь от «Спартиата».

Караискакис остался на английском корабле вместе с несколькими капитанами. Его уложили на одеяло, расстеленное на шканцах, у грот-мачты. Пришли врачи. Осматривая рану, они хмурились и обменивались короткими фразами на латыни, непонятной греческим командирам. Один из врачей, швейцарец Госс, полный мужчина в темном сюртуке, сказал через переводчика капитанам:

— Рана неизлечима, и мы, медики, не в состоянии ничего сделать. Исход неблагоприятный... Лишь чудо может спасти генерала. Но лично я в это чудо не верю...

Явились генерал Черч и его гость и друг адмирал Кохрен.

Они выразили свои сожаления по поводу случившегося, и Кохрен сказал Караискакису:

— Прискорбно, генерал, что вы не сможете командовать вашей армией в сражении, которое нам предстоит начать и довести до победного конца. Ваши опыт и талант такгодились бы нам сейчас... Но всевышний,— и адмирал театральным жестом воздел руки к небу,— распорядился иначе... Уверен, что и здесь, под Афинами, вы покрыли бы себя славой. Ваши прежние подвиги, все, что вы сделали...

— Что сделано, то сделано,— перебил его Караискакис, морщась от боли.— Не об этом надо сейчас говорить... Готовы ли мы к битве? Выиграем ли ее?

— Да, генерал. Вне всякого сомнения! Нас ожидает обед в Акрополе...

Кохрен, узнавший от врачей, что состояние греческого военачальника безнадежно, почти тотчас покинул корабль. А на суше, в лагере в Керацении, в Фалероне, повсюду уже распространилась весть, что вождь ранен.

Первыми на корабль прибыли капитаны Хаджипетрос и Гардикиотис, сподвижники Караискакиса, отличившиеся во время похода в Румелию. Огромный Хаджипетрос пригнулся и наклонил голову, входя через небольшую дверь в каюту.

Дневной свет еще проникал в тесное помещение, но на столе уже были зажжены свечи. В каюте пахло лекарствами. Караискакис лежал на узкой койке, у стены, лицом к двери. Глаза его были полузакрыты, и он не сразу заметил вошедших. На белой подушке выделялись его худое, темное лицо, длинные, разбросанные в беспорядке волосы.

Караискакис открыл глаза и тихо произнес:

— Подойдите ближе, я хочу вас лучше видеть...

Гардикиотис, а вслед за ним Хаджипетрос наклонились к Георгиосу, поцеловали его в щеку. Они опустили на пол у изголовья. Хаджипетрос растерянно мямл в своих руках скуфью, не зная, что сказать. Глаза его были полны слез. Гардикиотис, чтобы скрыть слезы, отвернулся и смотрел в иллюминатор.

— Не плачьте, братья мои, не отчаивайтесь,— сказал им Караискакис.— Я не привык вас видеть такими. Ведь вы мужчины... Плакать сейчас только мне дозволено, но вы видите, я держусь...

В каюту вошли Марио, Цакас и Митрос. Палликар нес под мышкой свернутую капу. Он положил ее на пол и развернул. Все увидели ружье, пистолеты, ятаган. Эта капа и оружие принадлежали Караискакису.

Марио, как только вошла в каюту, сразу бросилась к

полководцу, упала перед ним на колени, взяла его руку и стала ее целовать, прижимая к своему мокрому от слез лицу.

Барба Цакас, увидев Георгиоса, понял по его страдальческим глазам, по заострившемуся восковому кончику носа, что ему уже больше не встать. Эта мысль, эта страшная догадка потрясла старика. Еще в годы своей далекой клефтской молодости он растерял своих родственников, а жениться, завести семью не смог. И Караискакис, к которому он после первой встречи в горах Аграфы привязался всей душой, стал для него самым близким, самым дорогим человеком.

Когда старый клефт плыл в лодке, приближаясь к «Спартиату», он сокрушенно повторял: «Почему я отпустил его? Почему?...» В каюте он старался скрыть свое отчаяние. Но скоро ему стало невмогуту притворяться, и он, выйдя в коридор, припал к груди стоявшего там палликара и, всхлипывая, забормотал:

— Ох, горе, какое горе! Сын мой, сынок, сыночек милый! Почему ты, а не я, старый облезлый ворон? Для чего мне жить, если тебя не будет?

Придя в себя, немного успокоившись, он вернулся в каюту.

Караискакис смотрел на своих друзей, на свое блестящее в углу оружие, временами закрывал глаза, погружаясь в тяжелый полусон. Его мучила непроходящая боль в животе, и порой он не мог сдержать стон.

Но вот он произнес тихо и спокойно:

— Я хочу сделать кое-какие распоряжения. Слушайте меня... Ружье Василики я оставляю своему маленькому сыну. Вряд ли оно мне пригодится...

Все повернули голову, посмотрев на ружье, с которым Караискакис никогда не расставался.

— Прощай, Василики! — сказал Георгиос. — Прощай, ружье, ты верно мне служило долгие годы... Ты — мое главное богатство, и я передаю тебя моему Спиросу... Когда вырастет, он будет защищать свободу, которую мы завоевали... И еще прошу вас, друзья мои, не оставьте без присмотра моих приемных дочерей, Пенелопу и Элени, которых воспитала бедная Гольфо... Позаботьтесь о них, они нуждаются в помощи и опеке. Горько думать, что дети мои останутся одни, но я верю, что вы их не бросите на произвол судьбы...

Капитаны, Марио, Митрос, дядюшка Цакас стояли у постели полководца.

Силы Георгиоса быстро таяли, как воск горевших на столе свечей.

— И еще мне хотелось бы, братья мои, — с волнением проговорил Караискакис, и, казалось, гаснущие глаза его

в последний раз вспыхнули тем неистовым огнем энергии и страсти, которым они горели всю жизнь,— мне хотелось бы, чтобы здесь, передо мной, был весь наш народ, и тогда я сказал бы народу, всем грекам, как велика ваша доблесть, как беззаветны ваша преданность и любовь к родине, как много вы сделали для нашей революции!..

Караискакис замолк, а потом, показывая дрожащей рукой на Хаджипетроса и Гардикиотиса, сказал:

— Возвращайтесь в свои отряды. Передайте от меня поклон палликарам. Кто сможет, пусть придет завтра утром на корабль... Идите, друзья...

Караискакис застонал. Марио, сидевшая у изголовья вождя и гладившая его смуглую худую руку, услышала, как он прошептал:

— Зачем такие мучения? Отчего пуля не пробила мне сердце? Все сразу бы кончилось...

Хаджипетрос и Гардикиотис, бросив долгий последний взгляд на полководца, вышли из каюты. За ними последовали остальные.

Остались Марио и Митрос. Георгиос велел им задержаться. Они стояли рядом, и турчанка с покрасневшими от слез глазами, жалкая, растерянная, выглядела такой маленькой и беззащитной возле огромного палликара с могучими плечами, на которых куртка, казалось, вот-вот лопнет и расползется по швам.

— Митрос! — послышался голос Караискакиса, прерываемый тяжелым, хриплым дыханием.— Я знаю тебя с начала войны. Ты хорошо воевал... Ни разу не струсил... Я верю тебе, брат... Так вот... Я хочу, чтобы ты женился на Марио. Я знаю, что ты любишь девушку, и она, по-моему, к тебе равнодушна... Ведь так, дочка? Я умру, Марио будет совсем одинока... А вот женитесь, и ты, Митрос, будешь ее мужем и защитником... Все, дети мои... любите друг друга и будьте счастливы! Ты, Митрос, согласен?

— Да, капитан,— пробасил палликар и осторожно покосился на турчанку, стоявшую с опущенными глазами.

— А ты, Марио?

— Я тоже, отец...— едва слышно проговорила девушка, и лицо ее зарделось.

Марио и Митрос ушли, и Караискакис остался один. Скоро сознание его стало тускнеть, приближался конец...

Корабль «Спартиат», на котором греческий полководец боролся со смертью, тихо покачивался на волнах, мерцая в ночи редкими огоньками. Тьма окутывала недалекий берег Фалерона, простиралась над равниной и холмами Аттики.

Когда Цакас и Марио вошли в каюту, Караискакис лежал с закрытыми глазами, запрокинув голову. По измученному, залитому потом, горячему лицу его, по жилистой шее, по тощей обнаженной груди пробегали зыбкие блики от догоравших свечей. Лишь длинные темные усы по-прежнему грозно и дерзко топорщились... Скомканное одеяло почти сползло на пол.

Турчанка и старик грек, наклонившиеся над Караискакисом, слышали, как он полувнятно и быстро шептал в бреду:

— Это ты, Хаджипетрос, ты, Бусгос? Иди сюда, Паномарас... Идите сюда, мои товарищи... Мне осталось жить мгновения... Я всего лишь один человек... Не я, а вы одержали столько побед... Будьте едины! Не опозорьте оружие Румелии... Спасите Акрополь... Акрополь... товарищи... Я умираю слишком рано... Колесо сломалось посередине пути...

* * *

Прошло уже несколько часов, как наступил новый день. 5 мая... 5 мая 1827 года. И еще не близка была победа. Война кончилась для полководца... Он посеял, растил и защищал ростки свободы, но сам не дождался жатвы.

Что будет потом?

А потом, после смерти Караискакиса, будет продолжаться жестокая, беспощадная борьба... На следующий день, 6 мая, произойдет под Афинами преждевременная неподготовленная битва, которой так добивались Черч и Кохрен, и греки потерпят поражение. Вынуждены будут капитулировать стойкие защитники Акрополя, вся Атика и Румелия вновь окажутся под пятой поработителей. Лишь морейский старец, легендарный Колокотронис, будет сражаться вместе со своими воинами на пелопоннесской земле.

На помощь грекам придет Россия. В октябре 1827 года соединенная русская, английская и французская эскадра уничтожит османский флот в Наваринской бухте. Через несколько месяцев Россия объявит войну султанской Турции, русская армия перейдет Прут. Все это явится большой поддержкой для повстанцев Греции, вольет в них новые силы.

Греческие войска начнут освобождать земли, захваченные врагом. Уйдет из Морей армия Ибрахима-паши; Атика, Румелия, обширные территории на востоке и западе страны снова будут принадлежать грекам.

Летом 1829 года русская армия по глухим тропам, узким проходам станет взбираться на хребты Балканских гор. Русские солдаты, эти крестьяне, нижегородские, орловские,

курские, вятские мужики, пехотинцы со старыми гладкоствольными ружьями, драгуны в зеленых мундирах, артиллеристы с красными матерчатыми погонами,— все это войско, с орудиями, боевыми припасами, амуницией, провиантом, лошадьми, перейдет через горные цепи Балкан и разобьет лагерь под Адрианополем, в ста милях от Константинополя. Так русская армия решит исход многолетней и упорной войны за независимость Греции.

Султан Махмуд II, подписывая мирный договор с Россией, вынужден будет признать автономию Эллады, а вскоре и ее независимость.

Но все это будет потом... А сейчас?

Над горами Аттики с востока постепенно рассеивалась темнота. Бледнело небо. Слабый, сумрачный еще свет проникал через иллюминатор в каюту, где на длинной и узкой койке лежал Караискакис. Две свечи, догорев, погасли. Лишь на одном толстом огарке трепетал маленький язычок пламени. Но вот и он метнулся раз, другой и тоже потух...:

В четыре часа утра перестало биться сердце полководца. Из-за гор над Афинами, над акропольской скалой поднималось солнце. Его косые лучи скользнули по равнине, легли на темно-синюю зыбь моря. Над кораблем, где умер Георгиос Караискакис, над мачтами с натянутыми парусами, летали и кружили, кричали чайки, розоватые в ярком отблеске нарождающегося дня.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Греция начала XIX века. Густой мрак иноземного господства навис над этой древней страной. Наместники султана управляют Этолией, Акарнией, Пелопоннесом, Критом и другими областями. Грек не является хозяином своей земли, а только бесправной райей; его можно безнаказанно оскорбить, унижить и даже убить. В стране царствует феодальная анархия. Многочисленные паши, беи и ага чинят насилия и произвол, не признавая никаких законов. Для многих греков произвол этот становится невыносимым, и они бегут в горы, где вооруженную борьбу против поработителей ведут отряды клефтов.

Когда в марте 1821 года в Греции вспыхнуло всеобщее восстание против османского ига, эти отряды народных партизан составили костяк повстанческой армии. Из их среды вышли прославленные греческие полководцы, и в их числе Георгиос Караискакис, главный герой исторической повести О. Добровольского и К. Сарафидиса.

Все основные действующие лица повести — реальные исторические личности. Крупные политические и военные события в Греции в эпоху ее борьбы за национальное освобождение описаны в повести достаточно достоверно и точно. Авторы изучили немало исторических исследований, использовали многие подлинные документы. В результате не только создана художественная биография популярного героя новой Греции, но и нарисована яркая, волнующая картина борьбы народа за свое освобождение. Следует лишь несколько дополнить и расширить историческую канву повести.

Существенные материальные и духовные предпосылки избавления Греции от четырехвекового османского ига начали складываться во второй половине XVIII столетия. Главной сферой деятельности формировавшейся греческой буржуазии стали торговля и судоходство. Греческие моряки, потомки Одиссея, были умелыми мореходами и отважными воинами. Все греческие корабли были вооружены пушками для защиты от свирепствовавших в то время на Средиземном море пиратов. Флот, таким образом, явился для Греции новым орудием освободительной борьбы первостепенной важности.

Большие последствия для судеб Греции имела и принявшая в XVIII веке большие масштабы эмиграция. Многие греки в поисках человеческих условий существования вынуждены были покинуть свою родину и расселиться по странам Европы, Азии, Африки. В эту тяжелую для греческого народа пору тысячи греков нашли убежище в России. Общность веры, давние исторические и культурные связи создавали для греческих переселенцев в России весьма благоприятную обстановку.

Греческие зарубежные колонии экономически были весьма развиты. В них преобладали демократические элементы: мелкие купцы, ремесленники, приказчики, интеллигенты. Естественно, что в этом «третьем сословии» большой отклик нашли свободолюбивые идеи Великой французской буржуазной революции.

Для борьбы за освобождение Греции идеи эти впервые применил пламенный революционер и поэт Ригас Велестинлис (1757—1798), казненный турецкими властями.

Ригасу принадлежит выдающееся место в истории греческого национально-освободительного движения. Им была создана революционная организация «Этерия» («Общество») и разработана политическая и идеологическая программа движения, имевшая ярко выраженную демократическую окраску. Под влиянием революционных произведений Ригаса и примера его героической жизни сотни патриотов включились в борьбу за освобождение Греции.

После разгрома «Этерии» Ригаса возникли новые тайные освободительные организации. Но лишь одна из них, «Филики Этерия» («Дружественное общество»), основанная в 1814 году в Одессе, распространила свою деятельность на всю Грецию и греческие заграничные колонии, стала подлинно общенациональной организацией.

Русско-турецкие войны конца XVIII — начала XIX века значительно ослабили могущество Османской империи и создали тем самым благоприятные предпосылки для освободительной борьбы поработанных ею народов.

Организацию «Филики Этерия» в апреле 1820 года возглавил Александр Ипсиланти, греческий патриот, генерал русской армии. В начале марта 1821 года он начал освободительное выступление в Дунайских княжествах, которые входили тогда в состав Османской империи. С армией, сформированной на территории княжеств, глава этеристов предполагал с боями пробиться в Грецию, но не смог осуществить свое намерение. Однако призыв к восстанию, прозвучавший на берегах Дуная, был услышан в горах и на островах Греции. В конце марта 1821 года началось всеобщее восстание греческого народа против османского ига, вошедшее в историю как греческая национально-освободительная революция 1821—1829 годов.

Греческая революция была одной из самых значительных народных войн новой эпохи всемирной истории. Народ Эллады боролся против жестокой, бесчеловечной тирании, за неотъемлемое право каждого распоряжаться своей судьбой. Борьба эта потребовала огромного напряжения физических и духовных сил.

Почти девять лет на суше и на море шли жестокие, кровавые битвы. Повстанцы показали образцы мужества и доблести, перед которыми бледнеют подвиги героев Древней Греции. В ходе войны выдвинулась целая плеяда талантливых полководцев. Навечно вписали в историю свои имена

легендарный «морейский старец» Теодорос Колокотронис, рыцарски смелый и бесстрашный Маркос Боцарис, воплощение силы и стойкости греческого клефта Одиссеас Андруцос, отважный моряк Константинос Канарис. Почетное место в этой плеяде принадлежит «Ахиллу новой Греции» Георгиосу Караискакису. Авторы повести правдиво, с большой симпатией рисуют образ этого незаурядного человека, прослеживают его трудный, трагический жизненный путь.

Георгиос Караискакис (1780—1827) был внебрачным сыном монашки Зои Димиски и капитана арматолов Димитриса Каранкоса. Детство мальчика прошло в тяжелой нужде и скитаниях. В пятнадцать, а по другим сведениям даже в десять лет Караискакис стал клефтом. Будущий полководец получил хорошую военную выучку в отрядах клефтов Кацандониса и Лепениотиса, на службе у знаменитого правителя Албании и Эпира Али-паши Янинского, в сформированных англичанами на Ионических островах греческих подразделениях.

В начале восстания Караискакис с небольшим отрядом успешно сражался против турецких войск в Западной Греции. В 1825—1826 годах основная борьба развернулась вокруг портового города Западной Греции Миссолонги. Против этого оплота повстанцев султан бросил почти все свои силы, действовавшие в Греции. Караискакис, командуя греческими отрядами в тылу осаждавшей Миссолонги армии, оказал большую помощь героическим защитникам города. 22 апреля 1826 года после неравной, тяжелой борьбы Миссолонги пал. Почти вся Западная и Центральная Греция и значительная часть Пелопоннеса снова оказались под властью султана. Именно в этот самый тяжелый для греческой революции период ярко заблистала полководческая звезда Георгиоса Караискакиса.

Назначенный правительством Занмиса главнокомандующим войсками континентальной Греции, Караискакис в сражении при Арахове (1—6 декабря 1826 года) и других битвах нанес тяжелые поражения туркам. Была освобождена значительная часть Центральной Греции. Затем Караискакис начал операции против турецкой армии Решид-паши Кютахьи, с августа 1826 года осаждавшей Акрополь. План его состоял в том, чтобы отрезать армию Кютахьи от всех источников снабжения, зажать в тиски и разгромить. Достигнутый в результате успехов Караискакиса перелом в военных действиях в пользу греков был сведен, однако, на нет неумелыми и поспешными действиями английских офицеров Черча и Кохрена, назначенных главнокомандующими греческими силами, соответственно, на суше и на море.

Неудачный штурм турецкого лагеря под Афинами, предпринятый по их настоянию 6 мая 1827 года, стоил армии Караискакиса тяжелых потерь и привел в конечном итоге к падению Акрополя. Сам Караискакис за два дня до этого (4 мая 1827 года) был смертельно ранен в мелкой стычке. Но и гибель выдающегося полководца, и последовавшая за ней

военная катастрофа в Аттике не сломили решимости греческих патриотов продолжать борьбу. К этому времени обозначились и некоторые благоприятные для греческого дела изменения в международной обстановке.

С самого начала прогрессивные люди многих стран выступили в поддержку справедливой борьбы греков. Реакционные же правительства Европы отнеслись к восстанию с неприкрытой враждебностью, увидев в нем проявление «революционного духа» и «бунтарства». Но непреклонная воля греческого народа любой ценой добиться своего освобождения показала европейской дипломатии невозможность восстановления в Греции власти султана. На повестку дня встал так называемый восточный вопрос, по которому между европейскими державами существовали острые противоречия. В результате некоторые европейские правительства были вынуждены произвести определенную переоценку своей политики по отношению к революционной Греции.

Через два месяца после гибели Караискакиса, 6 июля 1827 года, Англия, Россия и Франция подписали в Лондоне договор о предоставлении Греции полной внутренней автономии. По настоянию русской дипломатии в договор была включена секретная статья, предусматривавшая принятие указанными державами принудительных мер для прекращения военных действий в Греции. Следствием ее была знаменитая Наваринская битва (20 октября 1827 года), в которой соединенная эскадра Англии, России и Франции разгромила турецкий флот. Но и после Наварина султан Махмуд II отказывался признать за греками право на самостоятельное существование. А из держав — участниц Лондонского договора одна Россия продолжала занимать решительную позицию. В апреле 1828 года она объявила войну Порте.

Летом 1829 года русские войска пробившись через Балканские горы и вышли на ближние подступы к турецкой столице. Константинополь к этому времени был уже блокирован русским флотом одновременно со стороны Босфора и Дарданелл. Порта была вынуждена капитулировать. По мирному договору, заключенному 14 сентября 1829 года в Адрианополе, она приняла все требования России и, в частности, согласилась предоставить автономии Греции. Через полгода Порта признала полную независимость греческого государства.

Тяжелая и кровопролитная борьба греческого народа пришла к успешному завершению. Свобода была завоевана ценой неисчислимых жертв и страданий. Десятки тысяч греческих патриотов отдали свои жизни за это священное дело. И среди них — Георгиос Караискакис, национальный герой Греции, память которого глубоко чтит греческий народ.

*Г. Л. АРШ,
доктор исторических наук*

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРОБУЖДЕНИЕ	5
НАБАТ ВОССТАНИЯ	61
ПОЛКОВОДЕЦ	125
<i>Г. Л. Арш.</i> Послесловие	188

Для среднего и старшего возраста

Олег Михайлович Добровольский

Костас Иорданис Сарафидис

ЗОВ ПОХОДНОЙ ТРУБЫ

Историческая повесть

ИБ № 3358

Ответственный редактор *И. И. Прусаков*. Художественный редактор *И. Г. Найденова*. Технический редактор *Г. Г. Рыжкова*. Корректоры *В. В. Борисова* и *Л. А. Рогова*. Сдано в набор 26.10.79. Подписано к печати 17.08.80. АО9685. Формат 60×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,63. Тираж 75 000 экз. Заказ № 202. Цена 50 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфра

50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»